

ВЫСТУПЛЕНИЯ В ЗАЩИТУ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА
В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ ПРОДОЛЖАЮТСЯ

ХРОНИКА ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

КАЖДЫЙ человек имеет право на свободу убеждений и на свободное выражение их; это право включает свободу беспрепятственно придерживаться своих убеждений и свободу искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ.

*Всеобщая декларация прав
человека, статья 19.*

ВЫПУСК 40

20 мая 1976 г.

ИЗДАТЕЛЬСТВО "ХРОНИКА"
Нью-Йорк, 1976

*ВЫСТУПЛЕНИЯ В ЗАЩИТУ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА
В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ ПРОДОЛЖАЮТСЯ*

ХРОНИКА ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

Каждый человек имеет право на свободу убеждений и на свободное выражение их; это право включает свободу беспрепятственно придерживаться своих убеждений и свободу искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ.

Всеобщая декларация прав человека, статья 19

ВЫПУСК 40

20 мая 1976 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Заявление Т.С. Ходорович — Суд над Андреем Твердохлебовым — Суд над Мустафой Джемилевым — Суд над Вячеславом Игруновым — Суд над Валерием Маресиным — Памяти Ефим Давидовича — Валентин Мороз на психиатрической экспертизе — В тюрьмах и лагерях — События в Литве — Гонения в Крыму — Переговоры в ЦК КПСС — Вопросы языкознания — Новая общественная ассоциация — Краткие сообщения — Письма и заявления — О выступлениях Леонида Плюща — По страницам советской печати

ГОД ИЗДАНИЯ ДЕВЯТЫЙ

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Издательство "Хроника", имея на то ясно выраженные полномочия, будет, по мере поступления, переиздавать типографским способом выпускаемый в СССР в Самиздате журнал "Хроник текущих событий".

Главный редактор издательства "Хроника

Валерий Н. Чалидз

A CHRONICLE OF CURRENT EVENTS

Issue No. 40

May 20, 197

Copyright © 1976 by Khronika Press

Published by: KHRONIKA PRESS, 505 8th Ave., N.Y., N. Y. 10018

Printed by: Chalidze Publications, New York

СОДЕРЖАНИЕ

Заявление Т.С. Ходорович	5
Суд над А. Твердохлебовым	8
Суд над М. Джемилевым	28
Суд над В. Игруновым	54
Суд над В. Маресиным	70
Памяти Ефима Давидовича	74
В. Мороз на психиатрической экспертизе	78
В тюрьмах и лагерях	79
События в Литве	94
Гонения в Крыму	101
Переговоры в ЦК КПСС	105
Вопросы языкознания	111
Новая общественная ассоциация	117
Краткие сообщения	122
Письма и заявления	137
О выступлениях Л. Плюща	140
По страницам советской печати	146
Указатель имен	149

ЗАЯВЛЕНИЕ ТАТЬЯНЫ ХОДОРОВИЧ

”Хроника” публикует статью члена Инициативной группы Т.С. Ходорович, появившуюся в Самиздате, ”Суда над мыслью — не допускать!”.

Весна 1976 года...

В Одессе, Москве, Омске, Вильнюсе прошли суды, вновь судившие человека за мысль и осудившие его за мысль, высказанную и даже не высказанную.

Отзвучали приговоры, определения:

Вячеслав Игрунов — психиатрическая больница общего типа;

Андрей Твердохлебов — 5 лет ссылки;

Мустафа Джемилев — два с половиной года лагерей строгого режима;

Валерий Маресин — шесть месяцев исправительно-трудовых работ.

Некоторые граждане СССР и западных государств, усмотрев в приговорах зачатки либерализма вздохнули с облегчением: психиатрическая больница — не психиатрическая тюрьма; ссылка — не лагерь; два с половиной года — не семь лет!

Наш долг предупредить:

У нормального человека не должно возникать иллюзии в отношении советского суда!

Ибо:

Мало того, что арестовывают *ни за что*. Мало того, что отдают под суд людей, *не имеющих состава преступления*, и осуждают их только за убеждения, то есть за смелость быть личностью!

Этого мало.

Суд за убеждения — это юридическая инсценировка, это только прием, формальный предлог *для дальнейшей изоляции и уничтожения личности и человека вообще*.

Суд за убеждения, за мысль — это только внешняя функция

ГБ, ибо конечная цель — не наказание за убеждения, за "крамольную" мысль, а *искоренение всякой мысли и всякого носителя этой мысли*.

Суд изымает человека из мира и передает его ГБ. Это — начало мученической жизни человека.

Вячеслав Игрунов, 27 лет, отныне решением Одесского областного суда — клейменный "псих". Откроешь рот, напишешь строчку, возмутившись несправедливостью, прочтешь "запретную" книгу, помни: ты еще не в аду, а лишь в преддверии! Отныне и во веки веков над Вячеславом Игруновым будут предостерегающе гроыхать засовы психиатрической тюрьмы, приводящие в трепет его родных и близких.

Приговор советского суда — это не наказание за совершенное преступление, это — неограниченная возможность для дальнейшей бесконтрольной расправы, психической и физической, над личностью.

На *Александра Фельдмана* — узника совести, которого два с половиной года тому назад Киевский суд объявил уголовным преступником и швырнул своим приговором в среду *подлинных* воров, насильников, убийц, — в конце марта этого года совершено покушение: лопатой ему рассекли голову. Александр Фельдман был помещен в больницу. Начальник лагеря Алейников не сообщил ни даты нападения, ни фамилии преступника. Он отказал отцу в свидании с сыном, отказался принять передачу.

Узниками, являющимися свидетельством того, что именно суд делает возможной дальнейшую бесконтрольную расправу КГБ, заполнена сейчас Владимирская тюрьма. ГБ показала недостаточной изоляция колючей лагерной проволокой, и по ее приказанию лагерный суд упрятал в каменные тюремные казематы *Владимира Буковского, Кронида Любарского, Александра Сергиенко, Владимира Балахонова, Георгия Давыдова, Зиновия Антоюка* и многих других.

Как говорится, лиха беда начало .

Семену Глузману, молодому врачу-психиатру известному защитнику людей, объявленных советским судом умалишенными, грозит *новая судебная расправа* в лагере за созданные им там документы, в том числе за опубликованное на Западе "Пособие

по психиатрии для инакомыслящих”, посвященное Леониду Плющу. В марте этого года Славу Глузмана привезли из лагеря в тюрьму, в г. Пермь, где его пытались “перевоспитать”. Там сотрудники ГБ предупредили его о том, что в лагере на него заводится “дело” по ст. 70 ч. II (“Антисоветская агитация и пропаганда...” Рецидивист). Сейчас Семен Глузман этапирован из тюрьмы обратно в лагерь. Дальнейшая судьба его пока неизвестна.

Страшное заключается не столько в том, что не соблюдаются юридические нормы судопроизводства, страшное заключается в том, что они и *не могут быть соблюдены*.

Нет правосудия. И его не будет до тех пор, пока суду будет дано право судить человека за то, что он личность, за то, что он мыслит!

Не милости и снисхождения надо просить для узников совести, а требовать для них немедленной *свободы!* Свободы и *оправдания* во имя справедливости!

Свободы для тех, кто заточен уже давно: для *всех узников Слова* Владимирской тюрьмы, для *всех узников Слова* лагерей и психиатрических тюрем.

Свободы для тех, кто осужден на муки совсем недавно: Сергея Ковалева, Анатолия Марченко, Вячеслава Игрунова, Мустафы Джемилева, Андрея Твердохлебова.

Свободы им всем и *оправдания*. Они *не виновны*, они *не преступники!*

Свободы для тех, кому *грозит* суд за Слово.

А суд такой вновь близится...

Это суд над Семеном Глузманом.

Это суд над Михаилом Нарисей, “узником всех времен”, 65-летним художником и писателем из латвийского городка Елгавы. Цель суда все та же: зажать человеку рот, не дать Михаилу Нарисе спеть свою “Неспетую песню”.

Надо выступать в защиту Семена Глузмана и Михаила Нарисей *сейчас*, пока они не предстали перед судом!

Самое главное:

Суда над мыслью — *не допускать!*

Люди не должны быть “*тюремщиками мысли*”, они обязаны выпускать ее в мир, претворяя в Слово. Ибо, как сказал Г. Гей-

не: "Мир есть отпечаток Слова. Так и знайте, гордые люди действий! Вы не что иное, как бессознательные чернорабочие на службе у людей мысли..."

Апрель 1976 г.

СУД НАД АНДРЕЕМ ТВЕРДОХЛЕБОВЫМ

Андрей Николаевич Твердохлебов родился в Москве в 1940г., физик. Один из основателей Комитета прав человека (в декабре 1972 г. вышел из комитета, см. Хр. 29). В сентябре 1973г. вместе с В.Архангельским, В.Альбрехтом и И.Корнеевым учредил "Группу — 73" (Хр. 30). Был одним из составителей самиздатских сборников "Международная Амнистия" (там же). Секретарь советской группы организации "Международная Амнистия" (председатель группы — В. Турчин). В начале 1975 г. в издательстве "Хроника-пресс" (Нью Йорк) вышел сборник "Андрей Твердохлебов — в защиту прав человека" (составитель — В. Чалидзе). После нескольких обысков и допросов зимой 1974-75 гг. (Хр. 34-35) А.Н. Твердохлебов 18 апреля 1975 г. был арестован (Хр. 36).

* * *

Суд над Твердохлебовым, как и суд над Джемилевым (см. наст. выпуск), был первоначально назначен на 6 апреля. К этому времени в Мосгорсуд поступило заявление от друзей и родственников Твердохлебова. Они просили позаботиться о судебном помещении, которое вместило бы всех желающих присутствовать на процессе и заявивших об этом заранее. Как на прецедент, авторы ссылались на процесс В. Игрунова в Одессе (см. наст. выпуск). Заявление подписали 35 человек.

4 апреля Е. Боннэр и А. Сахаров опубликовали следующее заявление для прессы:

На 6 апреля назначено два суда — над Андреем Твердохлебовым в Москве и над Мустафой Джемилевым в Омске.

Андрей Твердохлебов наш ближайший друг, для нас почти член семьи. Бесчисленное число раз его помощь, совет, сочувствие и просто присутствие были поддержкой в нашей трудной и напряженной жизни. Мы хотели бы находиться

рядом во время суда над ним, даже если нас вместе с друзьями не пустят в зал, что, к сожалению, стало позорной традицией политических процессов в СССР.

Но суд в Омске состоится в еще более трагических условиях. Одному из лидеров движения крымских татар за возвращение в Крым, Джемилеву, угрожает четвертый срок заключения. 9 месяцев он держит голодовку протеста против основанного на лжесвидетельстве обвинения. В Омске нет иностранных корреспондентских пунктов, нет даже тех ограниченных возможностей гласности, которые существуют в Москве.

Поставленные перед трудным выбором, мы решили ехать в Омск. Мы надеемся, что внимание общественного мнения в нашей стране и за рубежом будет в равной степени привлечено к обоим процессам. Мы надеемся на международную защиту Андрея Твердохлебова и Мустафы Джемилева.

Однако 6 апреля суд над Андреем Твердохлебовым (как и суд над Джемилевым) был отложен — "ввиду болезни судьи". Впрочем, и к этому дню принимались меры для ограждения зала заседаний от нежелательной публики. Так, Татьяне Великановой на работе отказали в отпуске за свой счет на 6 апреля.

Суд над Твердохлебовым, как и суд над Джемилевым в Омске, и суд над Валерием Маресиным в Вильнюсе, начался через неделю, 14 апреля. Дело рассматривала выездная сессия Мосгорсуда на окраине Москвы, в помещении Люблинского районного народного суда (Егорьевская ул., д. 14).

Зал, как обычно, оказался заполненным заранее. Туда пропустили только ближайших родственников, а остальных отеснили сначала от двери, а потом и вовсе выдворили из здания суда на улицу.

Группа граждан (27 человек) посылает коллективную телеграмму Генеральному Прокурору. В телеграмме сообщается, что процесс ведется "с нарушением основной процессуальной нормы — гласности судебного разбирательства". Генерального Прокурора призывают принять "срочные меры для восстановления законности".

Совершил попытку попасть на суд первый секретарь одного из отделов посольства США. У него потребовали отношение от посла. Когда же он через полчаса вернулся с таким отношением, ему предложили получить разрешение в МИД СССР. В

МИД дипломат уже не поехал, а остался на улице вместе с прочими недопущенными.

* * *

Суд начался в 9 часов утра.

Судья Богданов: Есть ли у подсудимого отводы кому-либо из данного состава суда?

Твердохлебов: Отводов нет.

Богданов: Значит, вы доверяете суду?

Твердохлебов: Нет, суду я не доверяю. Но я не намерен использовать право на отвод.

Богданов объявляет, что из 29 вызванных свидетелей прибыли 16. Отсутствуют И. Рудаков, В.Н. Твердохлебов, Любарская, Кальненко (двое последних — работники Днепропетровской спецпсихбольницы), Р. Пименов, В. Козовой, Кузнецов, Кирсанова, Келлер, а также заключенные В. Архангельский, Витурис, Грицюс и Курников. Суд принимает решение продолжать процесс без отсутствующих свидетелей.

Подсудимый заявил ходатайство о разрешении присутствовать на суде всем желающим — родственникам, друзьям и знакомым.

Судья просит уточнить, кого именно хочет видеть в зале Твердохлебов. Твердохлебов просит пропустить в зал всех подписавших заявление с просьбой допустить их на суд (см. выше), однако имен не называет. По его мнению, впустить следует всех, кто пришел к зданию суда. Прокурор Праздникова возражает: "Подсудимый просит пропустить того, не знаю кого..." Адвокат Юдович присоединяется к ходатайству Твердохлебова в части, касающейся родственников. Суд отклоняет ходатайство.

Твердохлебов просит о разрешении вновь ознакомиться с 40-м томом дела. Он объясняет, что недостаточно внимательно читал этот том и, кроме того, подозревает, что в нем могут содержаться новые документы.

Прокурор против. Судья утверждает, что неизвестных Твердохлебову материалов в 40-м томе нет. Подсудимый вновь просит дать ему возможность "хотя бы на несколько минут" заглянуть в этот том. Суд предоставляет ему эту возможность. Твердохлебов листает последние страницы и констатирует,

что он был прав — в томе содержатся новые материалы. Суд даст Твердохлебову 10 минут на ознакомление с этими документами.

Твердохлебов также спрашивает, почему он не был освобожден из-под стражи после окончания следствия, и просит предъявить ему санкцию на содержание под стражей после 18 ноября. Судья отвечает, что Твердохлебов содержался под арестом на законном основании.

Из обвинительного заключения:

Твердохлебов А.Н., избрав как форму проведения преступной деятельности составление коллективных писем, заявлений и обращений, содержащих клевету на советский строй, в течение 1970-75 гг. изготовлял, составлял, размножал и распространял их...

В октябре 70 г. совместно с другими лицами подписал письмо Нобелевскому комитету, в котором как "национальный позор" расценивается гневное осуждение советским народом и мировой общественностью деятельности Солженицына и клеветнически утверждается, что присуждение Нобелевской премии может послужить поводом для усиления травли Солженицына...

В 1971 году составил подборку документов, изготовленных Р. Медведевым, А. Вольпиным и В. Чалидзе, содержащую заведомо ложные утверждения о применении в СССР психиатрии в репрессивных целях... В июле 1971 г. совместно с другими лицами подготовил и направил в адрес 5-го Всемирного конгресса психиатров в Мехико текст обращения, в котором клеветнически заявлял, что в СССР имеет место практика помещения "инакомыслящих" в психиатрические больницы...

В сентябре 1973 г. направил главному редактору журнала "Нью Саентист" Бернарду Диксону текст заявления жены Л. Плюща — Житниковой, адресованного начальнику ИТУ, сопроводив его своими комментариями, содержащими клеветнические утверждения о том, что Плющ помещен в Днепропетровскую СПБ со множеством процессуальных нарушений и что эта больница ... самая страшная...

В феврале 1974 г. изготовил, подписал и направил в адрес Международного Красного Креста, так называемого "Комитета

прав человека", "Международной лиги защиты прав человека" письмо с призывом сделать все возможное для спасения жизни Плюща, который с июля 1973 г. находится в названной больнице в якобы ужасных условиях...

В 1973 г. подготовил письмо президенту Южного Вьетнама, где клеветнически утверждал, будто в СССР имеют место рецидивы политических репрессий (речь идет о петиции Твердохлебова об освобождении политзаключенных в Южном Вьетнаме — Хр.)...

Встав на путь необоснованного оправдывания лиц, осужденных за особо опасные государственные преступления, в марте 1974 г. совместно с единомышленниками подписал так называемое "Заявление 44-х". Пытаясь доказать необоснованность осуждения Суперфина за антисоветскую агитацию и пропаганду, авторы письма называют систему советских следственных органов безнравственной и незаконной, утверждая, что в СССР в местах лишения свободы "перемалывают людей, лишенных связей с внешним миром: беззащитных против любого обмана и шантажа..."

Установив нелегальную связь с заключенными, собрал заведомо ложную информацию о процессах над Глузманом, Пронюком, Опанасенко, Светличным и др. и условиях их содержания в местах лишения свободы, на основании которой в 1974 г. изготовил подборку "О содержании заключенных", которую размножил на своей пишущей машинке...

В обвинительном заключении о каждом из этих документов сказано, какими враждебными силами он был использован — радиостанцией "Свобода", издательством "Посев", газетой "Новое русское слово", империалистической пропагандой, "Хроникой текущих событий".

В 1973 г. на своей пишущей машинке "Континенталь" размножил пасквиль Солженицына "Письмо вождям Советского Союза",... в котором содержатся требования устранения существующего в СССР строя и замены его многопартийной парламентской системой...

В 1974 г. на той же машинке размножил и распространил среди своих знакомых отзыв Сахарова на вышеупомянутый пасквиль Солженицына, содержащий клеветнические утвержде-

ния о том, что "исключительная роль Солженицына в духовной жизни страны связана с бескомпромиссно точным и глубоким освещением страданий людей и преступлений режима, неслыханных по своей массовой жестокости и сокрытости"...

В том же году размножил и распространил среди своего окружения статью Сахарова "Мир через полвека", в которой дается клеветническая оценка деятельности партии и государства...

Обсуждается порядок допроса свидетелей. Прокурор предлагает вызвать свидетелей-родственников в последнюю очередь.

Твердохлебов ходатайствует о том, чтобы его родственников допросили первыми. В этом случае, объясняет подсудимый, они с самого начала смогут присутствовать в зале суда, а это им, конечно же, интересно.

Защитник присоединяется к этому ходатайству. Он объясняет: родственники вызваны для того, чтобы дать характеристику подсудимому, и именно поэтому они должны идти первыми по списку.

Суд удовлетворяет это ходатайство только в отношении матери подсудимого и решает допросить ее первой.

Допрос подсудимого

Судья: Понятно ли вам предъявленное обвинение?

Твердохлебов: Да... Меня обвиняют в том, что я называю информационным обменом. Я считаю, что неотъемлемое право человека — писать и распространять то, что он пишет.

Обстоятельства обвинения я не оспариваю. Но распространение сведений, за которое меня судят, соответствует существующим в мире тенденциям, в частности — соответствует принципу гласности судопроизводства...

Судья: Вы говорите очень расплывчато, секретарю трудно протоколировать. Не надо теоретизировать, вы человек грамотный, можете свою мысль выразить конкретно.

Твердохлебов: Информационный обмен ценен сам по себе, и его положительные следствия несомненны. Следствие пыталось заострить внимание на антисоветском характере публикаций, и у нас возникла дискуссия. Я готов ее воспроизвести...

Судья: Не надо, не надо.

Твердохлебов: На следствии меня спрашивали: "Принимали

вы какие-нибудь меры, чтобы во враждебных издательствах и газетах не использовались ваши материалы?” Я объяснял, что в наших условиях контроль отдельного человека за публикациями на Западе невозможен... И я не мог избежать нежелательных публикаций, не поставив себя под контроль государства... А ведь существует конвенция о контроле за публикациями, о международном праве на обмен мнениями, идеями. Очень жаль, что СССР не участвует в этой конвенции; тогда, конечно, не надо было бы заставлять своих граждан отрещиваться от публикаций...

Судья: Прошу не выходить за пределы предъявленного обвинения.

Твердохлебов: Перехожу к такому вопросу...

Судья: Обращаю ваше внимание: во-первых, надо говорить по эпизодам, потом — подтвердилось или не подтвердилось, и какие основные пункты.

Твердохлебов: Из документов по этому делу я усматриваю, что преследование граждан за информационный обмен в области прав человека стало у нас обычным, как бы власти ни стремились доказать обратное. Этот обычай плох, и я старался не идти у него на поводу... Я понимаю, что нарушение установившихся обычаев служит предметом кары... Я должен был понести наказание. (Твердохлебов переходит к показаниям по эпизодам.)

Факт подписания письма о Солженицыне я подтверждаю. То же, что текст был использован радиостанцией "Свобода", мне не кажется существенным.

О составлении подборки документов, изготовленных Медведевым, Вольпиным, Чалидзе, в обвинительном заключении сказано правильно: направил в Комиссию законодательных предположений, в МВД, в Минздрав и за границу.

Следующий пункт. "Совместно с другими лицами подготовил и направил Конгрессу психиатров..." Так вот — это та же самая подборка, о которой говорится в предыдущем пункте. Могу сказать, что в СССР практика помещения по политическим мотивам в психбольницы существует... Я думаю, что такие вещи случаются. Но в самом тексте обращения этих сведений нет. В документах подборки сделано предупреждение об опас-

ности злоупотребления наукой, в частности — медициной.

Судья: Это касается врачей?

Твердохлебов: Да, врачей...

Далее, о письме Житниковой. Факт отправления письма с моими комментариями подтверждаю. А что является или не является клеветой — считаю бессмысленным обсуждать...

Далее по всем эпизодам обвинения — Твердохлебов подтверждает факты изготовления, составления, размножения или распространения, но опровергает обвинения в клевете.

По поводу "Заявления 44-х" Твердохлебов сказал: "Я просил вызвать в качестве свидетеля Суперфина и следователя Сыщикова, но мне отказали, а напрасно. Сыщиков мог многое рассказать".

На вопрос прокурора, какие каналы использовались для передачи материалов за границу, Твердохлебов отвечать отказался, , заметив лишь, что письмо доктору Б. Диксону "опустил в почтовый ящик в районе Сокола". (Эта корреспонденция была обнаружена на Московском международном почтамте и приобщена к делу — Хр.)

При разборе эпизода распространения работы Сахарова "Мир через полвека" адвокат Юдович обратился к суду с ходатайством о приобщении к делу полученной им телеграммы от А. Сахарова. Прокурор возражал. Суд отказал адвокату в этом ходатайстве.

(Телеграмма была отправлена в Мосгорсуд, копии — в прокуратуру и адвокату Юдовичу. Текст телеграммы:

Как можно понять из содержания допроса Турчина, Твердохлебову инкриминируется распространение моей статьи "Мир через полвека". Это обвинение основано на недоразумении. Моя статья по своему основному содержанию является футурологической и научно-технической. Статья призывает к гуманности и сближению народов. Я и только я несу полную ответственность за ее содержание и распространение.

Прошу суд приобщить к делу это мое заявление.

4 апреля 1976 г.

*Андрей Сахаров, академик, трижды Герой
Социалистического Труда.)*

Допрос свидетелей

Твердохлебова Сара Юльевна, мать подсудимого, пенсионерка.

Судья: Что вы можете сказать о своем сыне?

Твердохлебова: Дай Бог каждой матери такого сына... Когда следователь В.С.Гусев вызвал меня, как он выразился, на беседу, он уверял, что я ни в коем случае не буду свидетелем в суде... Никаких показаний по делу своего сына я давать не буду...

Судья: Вот вы сказали, что у вас хороший сын. Ну так расскажите.

Прокурор: Как он рос, был ли он здоровым...

Твердохлебова: Про это у меня спрашивал следователь, узнавал, не водила ли я сына к невропатологу...

Прокурор: Что это вы про невропатолога?... Я ведь не говорила про невропатолога.

Твердохлебова: Я потому говорю, что следователь этим интересовался. Повторяю: никаких показаний я давать не буду.

Далее по порядку допрошены заключенные Миколас Дуденас, Йонас Паулаускас, Мелитон Джамбурия (их имена содержатся в Хр. 33 в "Списке известных "Хронике" заключенных Пермских лагерей" с небольшими искажениями: Джабурин, Дудинас; о последнем см. также в Хр. 39 "Полемика с Сухаревым").

На заданные им сходные вопросы ответили: осуждены за измену родине (Паулаускас "остался в лесу, чтобы не воевать", Джамбурия "был в плену, потом работал у немцев"), условия в лагере нормальные, "жить можно", администрация заключенных без повода не наказывает. На вопрос адвоката отвечают, что Глузмана, Опанасенко, Светличного, Пронюка не знают (Паулаускас и Джамбурия видели Глузмана, но только мельком).

Ладыженский Л.А., заключенный из 36 Пермского лагеря, осужден по ст. 65 УК Латв. ССР, срок 3 года (см. Хр. 34).

Твердохлебова видит впервые, но слышал о нем. Свидетель рассказывает, что, попав в заключение, убедился, что режим в лагере много мягче, чем он думал, читая самиздат. По мнению Ладыженского, 90% сообщений о лагерях в самиздатской литературе — неверны. Об отношении администрации к заключенным говорит, что "целенаправленной жестокости он не видел, ломают не сознательно, а скорее подсознательно, из-за низкого общего культурного уровня..." Глузмана, Опанасенко, Проню-

ка, Светличного не знает.

Невара И.Л., около 60 лет, милиционер, сосед Твердохлебова.

Судья: Расскажите о взаимоотношениях с подсудимым.

Невара: Нормальные. Конфликтов не было.

Прокурор: Много людей ходило к Твердохлебову?

Невара: Ходили ежедневно, по одному, по два... ходили и группами... Мне они не мешали...

Далее свидетель показал, что Твердохлебов часто говорил по телефону, иногда часами читал что-то с печатных текстов, говорил с заграницей, часто — с Лондоном. Свидетель подтверждает, что голос, записанный на магнитофонной ленте (по-видимому, изъятой на обыске — Хр.), которую он прослушивал на предварительном следствии, принадлежит Твердохлебову.

Попов Алексей, физик, однокурсник Твердохлебова.

Свидетель сказал, что в Московском физико-техническом институте Твердохлебова считали способным студентом. Взаимоотношения у свидетеля и подсудимого были вполне дружеские. После окончания института встречались один или два раза, говорили о физике.

Белохов В., инженер сберкассы из Саратова, был осужден по ст. 70, освобожден в сентябре 1974 по помилованию (В. Белохов — разоблаченный стукач, см. Хр. 32).

С подсудимым не знаком, но слышал о его общественной деятельности.

Прокурор: От кого слышали?

Белохов: Это общеизвестно... Жена говорила, что Твердохлебов ей помогал, когда я был в лагере...

Прокурор: Каковы обстоятельства вашего задержания?

Белохов: Шел к Твердохлебову, на улице меня задержала милиция.

Прокурор: При вас было письмо заключенного Болонкина, адресованное Твердохлебову. На нем дата — 13 сентября, а вы освободились 16-го. Как вы объясните, что письмо оказалось у вас?

Белохов: Стечением обстоятельств.

Твердохлебов: Все ли у вас в порядке с работой?

Белохов: Сначала было все в порядке, а сейчас начались непри-

ятности.

Твердохлебов: Сколько времени вы были в заключении?

Белохов: Два года, по 70 статье.

(Шум в зале. Возглас: "Мало!")

Прусс Ф.К., бывший начальник Днепропетровской СПБ, врач с 32-летним стажем, два месяца на пенсии.

Свидетель рассказал о своей больнице, об условиях, способствующих быстрому выздоровлению больных, о том, как хорошо содержался Плющ, который вообще ни в чем не нуждался. Больным разрешено выписывать любую литературу, даже зарубежные журналы. 40-65% больных, как правило, охвачены трудотерапией — вяжут сетки, шьют трусы, участвуют в ремонтных работах. "...Никакой вялости..."

Прокурор: Хотя что-нибудь из письма Твердохлебова к вам о Плюще — правильно?

Прусс: Неправильно. Все неправильно. (Твердохлебов направил Пруссу письмо о положении Плюща, это письмо Прусс переслал в МВД, см. Хр. 30.)

Твердохлебов: Ваше звание — подполковник внутренней службы?

Прусс: Нет, медицинской.

Твердохлебов: Странно, в деле есть справка о том, что вы...

Судья: Подсудимый, задавайте вопросы, относящиеся к делу.

Твердохлебов: Хорошо... А больница охраняется?

Прусс: Больница?

Твердохлебов: Больница.

Прусс: Больница охраняется.

Твердохлебов: Войсками МВД?

Прусс: Больница... да. Кстати, это в интересах больных.

Твердохлебов: Это чтобы случайные посетители не могли войти?

Прусс: Понимаете... это как с детьми... имеет смысл...

Твердохлебов: Направляя в МВД мое письмо, вы сопроводили его комментарием... Вы там писали: "Твердохлебов не бывал в нашей больнице..."

Прусс: Правильно, в нашей больнице вы не бывали.

Судья: Чтобы не было споров, суд огласит это письмо: "... Направляю вам это письмо А. Твердохлебова и прошу принять соответствующие меры. Заявляю, что Твердохлебов в больнице

никогда не был и поэтому обсуждать подобное не имеет никакого права”.

Твердохлебов: Это надо понимать так, что я не был вашим пациентом?...

Прусс:... Я имел в виду, что вы могли быть как родственник больного, как друг... побывать в больнице, видеть что-то и высказать свое мнение. Это никому не запрещено. А вы не были...

Твердохлебов: Я правильно вас понял, вы не имели в виду, что...

Прусс: Что вы больны? Нет.

(Шум в зале.)

Прусс: На это есть другие... способы...

Дворник, медсестра Днепропетровской СПБ, работает там с 1968 г.

Плющ, как и все больные, содержался в удовлетворительных санитарных условиях. В больнице бывает кино, больные играют в шахматы, шашки... Больные ходят в своей индивидуальной одежде. Палаты — чистые, светлые.

Прокурор: Для вас ведь все больные одинаковые, равные? Больные есть больные, так?

Дворник: Да.

Твердохлебов: Скажите, если назначают 0,45 трифтазина, это как — много?

Дворник: Это средняя терапевтическая норма. Но бывает 0,60 и больше. Как назначит врач.

Илларионов Николай Васильевич, ученый секретарь ВИНТИ АН СССР.

Свидетель показал, что Твердохлебов пришел в институт после окончания МФТИ и аспирантуры, работал 4 года. Всего себя работе не отдавал, у него были другие интересы. В общественной жизни не участвовал. На вопрос, знал ли свидетель о членстве Твердохлебова в Комитете прав человека, Илларионов ответил, что знал и не раз разговаривал об этом с Твердохлебовым, пытался как-то воздействовать на него.

Сергеева Тамара Николаевна, мл. н. с. ВИНТИ АН СССР.

Свидетельница показала, что Твердохлебов на работе был общителен. Оценить работу подсудимого не может, ибо служила в другом отделе. О том, что Твердохлебов — член Комитета

прав человека, узнала из обсуждения на "треугольнике", в котором состояла. Твердохлебов дал ей прочитать какие-то документы Комитета.

Болонкина Маргарита, жена осужденного по ст. 70 А. Болонкина (Хр. 30).

Знакома с Твердохлебовым. "Он хороший, добрый человек". Приходила к Твердохлебову после того, как арестовали мужа.

Прокурор: Твердохлебов давал вам деньги?

Болонкина: Я не помню... кажется, давал, когда взяли мужа... Кажется, подарок... к 8 марта...

Прокурор: На предварительном следствии вы говорили, что Твердохлебов предостерегал вас. Он советовал вам быть осторожней?

Болонкина: Он просто хотел мне объяснить, чтобы я не пугалась. Вы ведь не знаете, как это страшно, когда меня обыскивали перед свиданием и раздели догола...

Твердохлебов: Рита, как у вас с сыном? Вы устроили ребенка?

Болонкина: Спасибо, Андрей Николаевич, все в порядке. Он здесь, я его сейчас увезу.

(Болонкина находилась в комнате для свидетелей вместе с девятилетним сыном с 9.00 до 18.50. Ребенка выпускали погулять одного, когда он хотел. В перерыве с 13.45 до 14.45 свидетели могли пойти пообедать.)

Закс Юлия Борисовна, работает в НИИПМ, ст. н. с., сестра подсудимого.

Судья: В каких вы отношениях с Андреем Твердохлебовым?

Закс: В очень хороших. Это мой любимый брат...

Прокурор: Хочу задать вам такой вопрос...

Закс: Простите, прежде я хотела бы кое-что сказать о том, что мне известно по делу моего брата.

Прокурор: Вас просят ответить только на конкретный вопрос.

Закс: Мне известно, что по закону я имею право сначала свободно рассказать о том, что мне известно... Тем более, мне так и не объяснили, в чем состоит дело моего брата.

Судья: Вам прокурор задает конкретный вопрос — вот и отвечайте.

Прокурор: Вы были на проводах у Литвина?... 14 апреля 1974 г.?

Закс: Нет, я не была на проводах у Литвина. Я была на проводах Литвинова.

Прокурор: Не придирайтесь к окончаниям слов. Вы видели, как на проводах Литвинова составлялся текст обращения в защиту Суперфина?

Закс: Я присутствовала на проводах Литвинова, а не при составлении текста обращения.

Прокурор: У меня вопросов больше нет... Охарактеризуйте своего брата как человека.

Закс: Я редко встречала в жизни людей более честных, более порядочных, чем мой брат... Он любил свою работу, но помимо нее интересовался правовыми проблемами. В частности — интересовался судьбой Плюща, которого сейчас на Западе признали психически здоровым...

Прокурор: Кто вас спрашивал тут о Плюще?!... Никто вас о нем не спрашивал. Вот это и была ваша цель!

Шустер Александр Львович, ст. н. с. ВНИПИНефть, соавтор некоторых научных работ Твердохлебова, муж его сестры.

Шустер: Согласно ст. 283 УПК я хочу рассказать все, что мне известно по данному делу. Я знаю Твердохлебова около 20 лет. Положительные отзывы на наши совместные научные работы, подписанные академиком А.Д. Сахаровым и доктором физ.-мат. наук М.Л. Левиным, имеются в моем заявлении в прокуратуру, где я просил предоставить мне свидание с Твердохлебовым для обсуждения наших дальнейших работ...

Судья: Старайтесь придерживаться вопросов, на которые вы отвечали на предварительном следствии.

Шустер: Я рассказываю все, что мне известно по делу. В научной работе Твердохлебов всегда стремился к достоверности результатов, тщательно проверял их. Обвинение в сочинении заведомо ложных измышлений я не могу представить обоснованным.

Судья: Что вы нас учите!

Прокурор обращается к Шустеру с вопросом, когда, где и при каких обстоятельствах свидетель подписал "Заявление 44-х".

Шустер: Процедура подписания была мне не интересна. Были ли там еще подписи и чьи, я сказать не могу, не помню.

Твердохлебов: Шура, я тут кое-что натворил в изоляторе...

Тебе не передавали?

Судья: Что это за вопрос? Это не имеет отношения к делу!

Твердохлебов: Речь идет о моей научной деятельности и, следовательно, характеризует меня как личность.

Шустер: Нет, мне ничего не передавали.

Турчин Валентин Федорович, доктор физ.-мат. наук, председатель советской группы организации "Международная Амнистия".

Прокурор: 18 апреля 1975 г. в вашей квартире был произведен обыск. Подтверждаете ли вы это?

Турчин: Прежде чем отвечать на вопросы, я хотел бы в соответствии со ст.283 УПК РСФСР сообщить суду факты, известные мне по делу...

Судья: Вы вызваны в суд для того, чтобы ответить на несколько конкретных вопросов!

Прокурор: Во время обыска был изъят экземпляр статьи Сахарова "Мир через полвека". Вы это подтверждаете?

Турчин: Я вынужден еще раз сказать, что считаю себя обязанным как свидетель по делу Твердохлебова сообщить, согласно ст. 283 УПК, все, что мне известно по делу. Могу я начать?

Судья: Вы уклоняетесь от дачи показаний!

Турчин: Нет. Я лишь хотел бы сначала сообщить суду факты, важные для дела.

Судья: Суд определяет, какие факты важны, а какие нет.

Прокурор: Я считаю поведение свидетеля недопустимым!

Спор продолжается еще довольно долго. Затем судья разрешает Турчину сообщить то, что ему известно по делу.

Турчин: Прежде всего, Твердохлебов является секретарем советской группы "Международной Амнистии"...

Судья: Вот тут вы и раскрыли свои карты! Сообщаю вам, что эта организация никакого отношения к делу не имеет... Мы не имеем права расширять предмет судебного разбирательства таким образом. Что у вас еще, какие факты?

Турчин: Я знаю Твердохлебова как человека высокой честности и принципиальности, он никогда не распространял и не мог распространять заведомо ложных измышлений. Твердохлебов хорошо изучил советское законодательство и не раз обращался к различным органам власти с указаниями на нарушение советс-

ких законов. Квалифицировать сообщаемые им факты как заведомо ложные измышления, т. е. утверждать, что он якобы знал о ложности этих фактов, означало бы с вашей стороны, граждане судьи, идти против истины и против совести.

Прокурор: Это возмутительно! Я считаю, что свидетель Турчин оскорбляет суд! Я предлагаю немедленно прекратить допрос свидетеля, так как он ведет себя недопустимо. Я отказываюсь задавать ему какие бы то ни было вопросы.

Турчин: Жаль, я готов отвечать на конкретные вопросы... Если у прокурора нет ко мне вопросов, может быть, они есть у защитника?

(Смех в зале.)

Турчин, отвечая на вопросы судьи, показывает, что изъятую у него на обыске статью "Мир через полвека" он получил у автора, академика Сахарова.

Суд объявляет перерыв до утра следующего дня, 15 апреля.

* * *

15 апреля. В суд по-прежнему никого не пропускают. Еще нет 9 часов, во дворе всего 5 человек — Вера Лашкова, Мальва Ланда, Юрий Орлов, Александр Подрабинек, Сергей Ходорович. Милиция начинает теснить их и требовать, чтобы они вообще ушли от здания суда. Никто не спешит выполнить это требование. Кто-то достает Конституцию и читает статью о гласности суда. Милиционер-атлет со значком "Мастер спорта" отвечает: "Это для вас, а не для нас" и требует уйти теперь уже и с территории двора. С. Ходоровичу, стоящему метрах в десяти от входной двери, говорят, что он мешает проходить в суд. "Я никому здесь не мешаю". Тогда милиционеры хватают С. Ходоровича, вталкивают в машину и отвозят в 103-е отделение милиции. Туда же приходят оставшиеся четверо. Они подают письменные свидетельские показания об обстоятельствах задержания Ходоровича (см. "Краткие сообщения").

Позднее у здания суда уже 20-30 человек, в том числе зарубежные журналисты и американский дипломат. Один из оперативников фотографирует толпу. Иностранный корреспондент фотографирует фотографа.

* * *

*Краткое изложение обвинительной речи
прокурора Праздниковой*

Весь советский народ, не покладая рук, трудится в общем патриотическом порыве, чтобы претворить в жизнь огромной важности задачи, в борьбе за чистоту жизни советского человека. Советские люди живут по принципу — человек человеку друг, товарищ и брат...

Далее Праздникова, охарактеризовав роль социалистической законности в деле построения коммунизма, а также роль СССР в борьбе за права человека, раскрыв классовый характер понятий "демократия", "право", "свобода", сравнила статью 190-1 УК РСФСР с соответствующими законами США, Англии, ФРГ, Италии, Швеции и отметила, что все они обеспечивают защиту государства от клеветы (причем почти всюду дают до 3-х лет).

Мы не скрываем, что у нас есть отдельные люди, высказывающие суждения, противоречащие коммунистической идеологии. Но на скамью подсудимых у нас попадают не за взгляды, а за действия, противоречащие законам.

Что можно сказать о личности Твердохлебова? Вот его окружение — духовный кумир Чалидзе, перед которым за его антисоветскую деятельность страна захлопнула двери; Вольпин — человек с расстроенной психикой; затем — родственники и знакомые лиц, осужденных за особо опасные государственные и иные преступления.

Многочисленная антисоветская литература, позволявшая Твердохлебову создавать клеветнические измышления, подстрекательские и провокационные программы радиодиверсантов "Свободы", "Голоса Америки", "Би-Би-Си" и др., политически вредная, ущербная литература, в которой нет освещения настоящей действительности советской страны, в частности, материалы, всячески порочащие наш строй, — вот почва, среда, тот микроклимат, которые влияли на Твердохлебова и формирование его убеждений.

Твердохлебов утверждал, что действовал легально. В суде доказано, что корреспонденты Твердохлебова пользовались тайнописью (письмо Болонкина, взятое КГБ у Белохова, было написано мочой). Твердохлебов должен был знать, что Самиз-

дат — самый ненадежный источник информации, самый клеветнический, — и все же он пользовался им. Почему он так поступал?

Если действуешь законно — не надо прятаться, не надо скрываться!...

В судебном разбирательстве было доказано по эпизодам, что Твердохлебов систематически совершал деяния, предусмотренные ст. 190-1 УК РСФСР. Обвинение считает, что подсудимый заслуживает максимального наказания по этой статье. Однако хочется верить, что пребывание в местах лишения свободы не пройдет для Твердохлебова даром. Следует также учитывать, что это — лишь первая судимость Твердохлебова. Он положительно характеризуется по месту работы и по месту жительства, о чем имеются официальные подтверждения в материалах дела.

Поэтому я считаю возможным назначить наказание более мягкое, чем предусмотрено законом — применить ст. 43 УК. С учетом всего изложенного прошу признать Твердохлебова виновным по ст. 190-1 УК РСФСР и приговорить его к ссылке сроком на 5 лет.

Краткое изложение защитительной речи адвоката Юдовича

Я в своей речи ограничусь вопросами чисто юридического характера, тем более что другие аспекты были освещены в речи прокурора. Я выскажу свою точку зрения на то, доказано ли преступление, доказан ли умысел обвиняемого, доказаны ли формулировки обвинения, которые вы выслушали из уст прокурора.

Итак, если по первому эпизоду Твердохлебову вменяется в вину только подписание писем, то по остальным эпизодам — и изготовление, и размножение, и распространение. Я обращаю внимание суда на то, что составом ст. 190-1 УК РСФСР не охватывается подписание чего бы то ни было. Подписание не является преступлением. Такое расширительное толкование данной статьи не представляется мне основанным на законе.

Далее. Твердохлебов категорически отказался признать ложными сведения, содержащиеся в инкриминируемых документах. Привожу высказывание авторов "Комментария к

УК РСФСР”, изданного Юриздатов в 1971 г.: ”Виновный обязательно должен сознавать, что распространяемые им (выражаемые в произведении) сведения являются ложными, т. е. не соответствующими действительности”. (Комм. к ст. 190-1.) Следствием не доказано, что Твердохлебов в момент распространения сведений располагал данными о том, что эти сведения клеветнические.

Прошу суд обратить внимание на то, что сообщение фактов государственным органам с целью информировать эти органы во время о нарушении законов — не является составом преступления. На такой же позиции стоят авторы книги ”Идеологическая диверсия” Михайлов и Назаров (изд. в 1969 г.): ”.. Сообщение... измышлений непосредственно представителям органов советского государства... не является преступлением и не может быть квалифицировано по ст. 190-1...” (стр. 55).

Утверждение обвинения о нелегальной связи с лицами, отбывающими наказание, следствием не доказано и голословно. Указанные лица следствием не допрошены.

Анализируя позицию подсудимого и отдельные эпизоды обвинения, защитник неоднократно повторял, что обвинение не доказало субъективной стороны состава преступления.

Несколько слов о личности Твердохлебова. В характеристике, выданной институтом, в котором работал Твердохлебов, говорится, что он ”исполнительный и квалифицированный сотрудник, активно участвующий в общественной жизни отдела”.

Находясь в следственном изоляторе, Твердохлебов продолжал научную деятельность. На иждивении Твердохлебова — несовершеннолетняя дочь. Прошу при вынесении приговора учесть изложенные доводы защиты.

Последнее слово Твердохлебова (в сокращении)

Все, в чем меня обвиняют, по моему убеждению, является деятельностью, неотъемлемой от представления о человеке, о его естественной функции в обществе. Меня неоднократно предупреждали и в КГБ, и в прокуратуре, что в советском обществе такая деятельность недопустима. При этом все аргументы были — политического характера... Я по-своему благодарен за эти предупреждения, потому что они, являясь по существу

ву угрозой, заставили меня сделать окончательный выбор.

Я хочу привести разговор одного парламентария с одним советским диссидентом... (Судья прерывает.) Этот парламентарий спросил меня: "Диссиденты за разрядку напряженности?" Я ответил, что да. Он обрадовался и сказал, что тогда хорошо, если бы все были диссидентами. Я сказал, что коммунисты тоже за разрядку и не считает ли он, что не худо, если бы все стали коммунистами? Но такая постановка вопроса не показалась ему приемлемой...

Судья: Делаю вам третье предупреждение.

Твердохлебов рассуждает об ограничениях прав человека, допускаемых Всеобщей декларацией прав человека. Он приводит слова Брежнева: "Мы за информационный обмен, но в рамках законов и обычаев каждой страны".

Твердохлебов: ... обычаи бывают разные. И пока у коммунистов существует обычай сажать диссидентов...

Судья: Твердохлебов! Прекратите ораторствовать! Говорите по делу.

Твердохлебов: Вы лишаете меня слова?

Судья: Вы должны изменить свое последнее слово так, чтобы оно касалось непосредственно обстоятельств данного дела.

Твердохлебов: Я буду говорить так, как я задумал...

Прокурор делает жест рукой. Суд удаляется для вынесения приговора.

Оглашается *приговор*. Суд счел вину Твердохлебова доказанной по всем эпизодам обвинительного заключения. Далее сказано:

Твердохлебов ранее судим не был. Признал фактические обстоятельства предъявленного ему обвинения. Учитывая это, судебная коллегия находит возможным применить в отношении Твердохлебова ст. 43 УК РСФСР и назначить ему меру наказания, не связанную с лишением свободы. На основании вышеизложенного судебная коллегия по уголовным делам Мосгорсуда приговорила Твердохлебова Андрея Николаевича к 5 годам ссылки.

К месту ссылки Твердохлебов будет доставлен под стражей. В срок ссылки зачитывается все время содержания под стражей из расчета 1 день за 3 дня ссылки.

* * *

В защиту Андрея Твердохлебова

Приговор А. Твердохлебова к пяти годам ссылки по советским меркам не назовешь жестоким. Однако эта относительная мягкость не делает этот приговор ни правосудным, ни справедливым.

А. Твердохлебов приговорен к ссылке за свою заступническую деятельность, за мужество, за доброту. В его действиях не было никакого состава преступления.

Убежденные в этом, мы настаиваем на пересмотре дела и на отмене неправоудного приговора.

Это заявление подписали 144 человека.

* * *

Твердохлебов подал кассационную жалобу в Верховный суд РСФСР. Заседание было назначено на 6 мая, но не состоялось. 12 мая дело было рассмотрено, приговор оставлен без изменения. И здесь на суд никого, кроме родственников, не пустили.

СУД НАД МУСТАФОЙ ДЖЕМИЛЕВЫМ

Мустафа Джемилев (Абдулджемиль) родился в ноябре 1943 г. При выселении в мае 1944 г. его семья — мать с четырьмя детьми (отец был на фронте) — попала в Узбекистан. В 1966 г. Мустафу за участие в национальном движении исключили с 3 курса Ташкентского института ирригации и призвали в армию. Он заявил, что, не пользуясь правами гражданина, отказывается идти в армию, и был осужден на полтора года.

После лагеря Джемилев продолжает активно участвовать в движении крымских татар. Включается в движение за права человека, в мае 1969 г. входит в Инициативную группу (Хр. 8, 9). В сентябре — арест (Хр. 10). В январе 1970 г. его судили вместе с Ильей Габаем по ст. 190-1 в Ташкенте (Хр. 12) и приговорили к 3 годам. В Самиздате недавно появилась книга "Шесть дней" — об этом суде.

13 мая 1974 г., перед тридцатой годовщиной выселения, его по ложному обвинению арестовали на 15 суток. В результа-

те голодовки Джемилаева выпустили раньше, но через месяц призвали на военные сборы. Будучи еще больным, он отказался и был 22 июня арестован и осужден на 1 год лагерей (Хр. 32).

В Омском лагере УХ 16/3 против Мустафы было подготовлено новое дело по ст. 190-1, и за 3 дня до освобождения его арестовали (Хр. 37).

В сентябре следствие закончилось, и дело было передано в Омский облсуд. В октябре дело отправляется на доследование. На 17 декабря был назначен суд, но в тот же день отложен "из-за внезапной болезни судьи" (Хр. 38).

Еще одна оттяжка.

С 25 декабря по 25 февраля дело находилось на проверке в Верховном суде РСФСР. Родственники Мустафы получили официальное удостоверение этого факта только в марте, в ответе Министерства юстиции на их заявление в адрес XXV съезда. Раньше в Верховном суде отрицали, что дело — у них (Хр. 39), а в Омске судья Аносов подтвердил это устно, но отказался сообщить какие-либо данные об отправке дела, "чтобы вы, — сказал он сестре Мустафы, — не могли на меня в Москве ссылаться". В письме из Министерства было сказано, что Омскому облсуду дано указание рассмотреть дело незамедлительно.

Тем не менее, суд был назначен только на 6 апреля, но снова отложен.

Накануне судья сказал брату и сестре Джемилаева, что суд состоится, и они вызвали больную мать. Утром 6 апреля приехавшие на процесс супруги Сахаровы вручили Аносову свое заявление: просьбу допустить их в зал суда. Аносов ответил, что заседание будет *закрытым*, согласно решению распорядительного заседания суда от 4 декабря. Он даже полистал том дела и нашел протокол (но не стал его показывать). "Но меня беспокоит отсутствие адвоката, — сказал Аносов, — без него начинать не можем". (Адвокат Швейский остался в Москве, так как накануне поздно вечером кто-то сказал ему по телефону, что суд откладывается.)

Родственникам Мустафы, крайне встревоженным новой отсрочкой (шел 10-й месяц голодовки), Аносов предложил либо вызвать Швейского, либо пригласить нового адвоката в

Омске. За полчаса, которые понадобились, чтобы дозвониться в Москву и узнать, что Швейский немедленно выедет, ситуация в суде изменилась. Из тюрьмы поступило сообщение, что там объявлен карантин, и Аносов проводит молниеносное заседание:

— Встать. Суд идет. Ввиду карантина доставка подсудимого в суд невозможна. Слушание дела откладывается.

Приехавшие на суд требуют объяснений, но их обступают дружинники и милиционеры: "Освободите кабинет и приемную, не мешайте работать". Параллельно родственников увещевает появившийся возле кабинета Аносова адвокат — кандидат на "вакансию" защитника Джемилева. Аносов категорически отказывается родным Мустафы в свидании и разрешает только письменные переговоры.

Начальник тюрьмы Суров, доброжелательно беседуя с родственниками, пока они ждали ответа от Мустафы, уверял их, что Джемилев еще крепок: "Я разрешаю ему самому ходить в библиотеку, и он залезает к верхним полкам". Суров объяснил, почему сегодня утром санэпидемстанция предписала объявить карантин. В здании 1 апреля испортилась канализация, в двух-трех камерах была протечка, и при анализе нашли какие-то палочки.

Мустафа написал:

"Состояние здоровья довольно терпимое — я все еще могу стоять на ногах, говорить и, кажется, не потерял рассудок — это, видимо, и является причиной бесконечных откладываний процесса. Начальник тюрьмы вчера говорил мне, что суд отложили на 14 апреля — это ему сообщили из суда еще до объявления карантина, так что карантин тут ни при чем". И далее:

"Большой привет Андрею Дмитриевичу, Елене Георгиевне, Петру Григорьевичу, Зинаиде Михайловне, всем друзьям и близким. Ваше внимание и забота обо мне наполняют сердце благодарностью и дают мне силы выдержать все до конца".

(В тот же день в Москве был отложен суд над Твердохлебовым. Канализация в Лефортове работала исправно, но заболел судья — см. наст. выпуск.)

7 апреля адвокат имел свидание с Джемилевым. Карантин был соблюден — на обоих надели белые халаты.

9 апреля адвокат получил телеграмму из облсуда: слушание дела назначено на 14 апреля, суд — *открытый*.

К этому дню в Омск снова съехались друзья и родные Мустафы, всего 16 человек.

Судебный процесс (14-15 апреля 1976 г.)

Суд проходил под председательством Ю.И. Аносова (председатель облсуда); народные заседатели — Колобов и Мечник; государственный обвинитель — прокурор Калуцкий, защитник — адвокат Швейский.

* * *

Зал заседания был заранее заполнен людьми, которых провели через задние двери. В вестибюле начала суда ожидали родственники и друзья Мустафы. В 10 часов им сказали, что мест в зале нет и пропустят только ближайших родственников: мать Мустафы Махцуре Мустафаеву, сестру Васфие Хаирову, братьев Асана и Анафи Джемилевых. Оставшиеся в коридоре 12 человек продолжали настаивать на своем праве пройти на открытый суд. Милиционер и некие в штатском стали отталкивать их, энергично действуя руками. Тогда Сахаров ударил милиционера, а его жена Елена Боннэр дала пощечину одному из штатских (он оказался комендантом суда). Сахаровых отвели в милицию. Там был составлен протокол. А.Д. Сахаров письменно извинился перед милиционером, отметив при этом незаконие всей обстановки суда и, в частности, действий милиции.

(Один из "штатских" сказал крымским татарам на улице: "Ночью мы с вами иначе поговорим — длинным ножичком".)

* * *

В начале заседания адвокат заявляет три ходатайства:

1) Вызвать еще 12 свидетелей, в том числе некоторых корреспондентов Джемилева, чьи письма приобщены к делу (письма прошли лагерную цензуру, но позже были изъяты у Мустафы). Вызов некоторых свидетелей мотивируется ненадежностью показаний "главного свидетеля обвинения" Дворянского.

2) Запросить из колонии личное дело Дворянского.

3) Запросить из следственного отдела прокуратуры недостающие листы уголовного дела (запрос о пропавших листах уже делался ранее судом, но прокуратура тогда ответила, что изъя-

тые листы касались только Дворянского).

Джемилев также ходатайствует о вызове 15 дополнительных свидетелей (частично — из списка адвоката) и просит разъяснить, является ли суд закрытым: "Если это открытый суд, то почему зал был заранее заполнен, а мои родственники и друзья остались на улице?" Судья отвечает, что суд — открытый, что он не знает, кто и как прошел в зал, что если кого-то не пустили, то лишь потому, что мест больше нет. Васфие: "Нас пустили по паспортам и только четверых". Судья: "Это меня не касается; и вас выведу, если не согласны и будете шуметь".

Джемилев обвиняется, во-первых, в том, что, отбывая наказание в ИТК УХ16/3 г. Омска, в разговорах с заключенным Дворянским распространял клеветнические измышления о том, что крымско-татарский национальный вопрос не решен и крымские татары не равноправны в СССР. Во-вторых, Джемилев обвиняется в том, что он написал и распространил (или подготовил к распространению) клеветнические документы:

- письмо знакомому, Ильми Аметову, содержащее критику одной журнальной статьи о крымских татарах (письмо было пропущено лагерной цензурой);

- проект "Декларации принципов крымско-татарского движения". Русский (арабскими буквами), татарский и английский тексты "Декларации" фигурируют в обвинительном заключении как три различных документа.

В качестве улики используются также полученные Джемилевым в лагере письма и поздравительные открытки, в которых обвинение усматривает националистический дух, несомненно возникший под влиянием адресата.

* * *

Вначале родные хорошо видят Мустафу: почерневшего, с перевязанной шеей (фурункулез); говорить и даже дышать ему больно. Иногда он привстает. Во время небольшого перерыва широкоплечий конвойный загораживает Мустафу. Мать и братья просят конвоира немного подвинуться. В ответ — выкрики возмущенной "публики" и слова капитана, начальника конвоя: "За охрану отвечаю я, пусть стоит так. А вы — потише, а то вот суд вернется, выставим вас".

* * *

Суд решает начать допросы с подсудимого, но Джемилев отказывается давать показания первым.

Вызывают Владимира Дворянского. Ему 26 лет, получил 10 лет (в 1973 г.) за убийство в драке человека, оскорбившего его сестру. Сидел в лагере под Барнаулом. Там писал жалобы на плохое обращение, просил перевести его в Узбекистан — по состоянию здоровья (у него нет одного легкого). В результате попал в Омск, Здесь ему "облегчили" группу инвалидности (утяжелив тем самым условия работы), он снова жаловался, снова сидел в карцере. Все это изложено в его письменных "Показаниях" от 11 февраля 1975 г., переданных позднее на волю (Хр. 37) и приобщенных к делу по просьбе адвоката. В "Показаниях" Дворянский подробно рассказывает, как сотрудники КГБ и работники лагеря вербовали его в лжесвидетели против Джемилева (Хр. 37).

На суде Дворянский сразу же отказался от своих показаний, данных им на следствии, заявив, что их вынудили у него угрозами: под нажимом следователя и работников "органов" он подписывал готовые тексты, а "собственноручные" заявления от 15 и 16 мая написал уже в изоляторе (последнее заявление и явилось официальным поводом для возбуждения дела). "Но ведь вас поместили в изолятор 16 мая, а первое заявление датировано 15-м", — сказал судья. Дворянский повторил, что такое заявление, как от него требовали, он написал в ШИЗО.

В течение более чем трехчасового допроса Дворянского судья и прокурор безуспешно пытались убедить его вернуться к прежним показаниям. "Сейчас я говорю свободно, — сказал Дворянский на суде, — а там сидело 5 человек, трое в штатском и двое из лагеря. Мне показывали фотографии отца и дочери, говорили: у тебя большой срок, ты можешь их никогда больше не увидеть. Я был у них в руках". Судья: "А сейчас вы считаете, что вышли из этих рук? За дачу ложных показаний на суде вам добавят два года". Дворянский: "Сейчас я говорю правду, а ложные показания я давал тогда под нажимом". Прокурор: "Но в лагере ведь бывает прокурор по надзору. Жаловались вы ему, что вас шантажировали?" Дворянский: "Прокурор по надзору сказал мне, что если я надумаю отказаться от показаний, мне лучше будет покончить с собой". Дворянский сказал,

что сам описал в "Показаниях" беседу от 11 февраля и сам переправил их на волю (здесь Дворянского перебил Джемилев, сказав, что "Показания" переправлял он). Кроме угроз, как сказал Дворянский, на него действовали и посулами: обещали перевод в Узбекистан, досрочное освобождение, устройство в университет.

После допроса Дворянского увели, хотя адвокат просил оставить его в зале.

Допрошенный следующим свидетель Соколов показал: с Джемилевым сам не общался, но хорошо знал еще по Барнаулу Дворянского. Там тот не интересовался политикой, не читал. А познакомившись с Джемилевым, стал много читать, что-то писал. (Дворянский конспектировал "в антисоветском духе" Маркса, Энгельса, Ленина. Об этом, возможно, шла речь еще при допросе Дворянского.) После встреч с Джемилевым Дворянский "нес всякую чушь" в бараке, вел антисоветские разговоры. Мустафа допрашивает Соколова по его прежним показаниям, из которых следовало, что Соколов подсматривал за Дворянским и какие-то его заметки сдал в оперчасть. "Это что — ваша обязанность отбирать написанное и сдавать?" Соколов: "Что вы! Что вы! Что я — шпион?! Я просто взял и передал. Зачем ты меня мучаешь? Я и так весь вспотел".

По вопросу адвоката выяснилось, что вскоре после дачи показаний на следствии Соколов был выпущен из лагеря на "вольное поселение" (ему оставалось еще 2 года из 12).

Заклученный Федотов, работавший в лагере чем-то вроде нарядчика, показал, что Мустафу по прибытии в лагерь назначили его помощником, но вскоре тот отказался от этой работы: совесть не позволяет; да и все равно начальство не будет держать на такой должности "политического".

Следующие два свидетеля — работники лагерной охраны, из числа проводивших обыск в рабочей комнате у Джемилева 14 мая 1975 г. Изъятые бумаги они не читали, часть из них вообще написана не по-русски. На вопрос прокурора, отрицал ли Джемилев, что это его бумаги, отвечали: "Нет, он только просил пронумеровать их и составить опись. А мы сказали: зачем? Ведь мы при тебе отдаем все оперуполномоченному!" Адвокат: "Где был составлен протокол?" Свидетель: "Акт мы составили

в оперчасти”. Вопрос адвоката, известен ли свидетелю порядок производства обыска, судья снял. Этих двух свидетелей, в отличие от предыдущих, оставили в зале.

Были зачитаны показания Маркова, бывшего начальника Джемилева на производстве (умер до суда). Марков характеризовал Джемилева положительно; показывал, что 14 мая ему предложили выйти из комнаты на время обыска; вернувшись, он увидел стопку бумаг, содержания их не знает.

Суд перешел к допросу подсудимого. Судья часто прерывал Джемилева (особенно, когда тот говорил, что органы КГБ специально готовили против него новое дело), требовал объяснений только по материалам обвинения, по показаниям Дворянского на следствии, по документам. Мустафа прокомментировал некоторые конкретные сведения, якобы почерпнутые Дворянским из разговоров с ним. ”Джемилев был связан с Сахаровым, Солженицыным, Григоренко — бывшими белогвардейцами”. Джемилев: ”Григоренко во времена ”белогвардейцев” было 8 лет, а Сахарову и Солженицыну и того меньше”. ”Джемилев восхвалял Гаспринского, его антисоветские, антирусские взгляды”. Джемилев: ”Гаспринский (крымско-татарский писатель-просветитель, много переводивший русскую литературу) умер в 1914 году”.

”Почему, — спросил судья, — вы не давали показаний на предварительном следствии, не заявили следователю Гусельниковой, что показания Дворянского ложны? Следствие занялось бы этим”. ”Гусельникову я вообще считаю уголовным преступником”. Прокурор: ”Я знаю Гусельникову 15 лет, могу поручиться”. Судья: ”Поручительства и не нужны! Мы не будем дебатировать этот вопрос”.

Отвечая на один из основных пунктов обвинения — по поводу ”вымысла о существовании национального вопроса”, Мустафа сказал: ”Этот вопрос возник, когда весь наш народ выселили в 1944 году”. Судья: ”Никакого национального вопроса у нас нет. А в 1944 году весь мир аплодировал победному шествию Красной Армии”. Джемилев: ”Победное шествие не помешало депортации крымско-татарского народа, внесшего свой вклад в победу”. Судья: ”Но вы знаете ведь мотивы Указа 1944 года!” Адвокат: ”Считаю обсуждение этого Указа неуместным.

В 1956 году выселение было признано неправильным и осуждено". Джемилев: "Национальный вопрос у нас всегда считался решенным, несогласных с этим всегда изолировали. Но, признав в 1956 году, что огульные обвинения целого народа несправедливы, признали тем самым, что проблема была. Тогда сняли гласный надзор и заявили, что теперь-то уж вопрос решен. Но в 1967 году вышел новый Указ о крымских татарах — значит, и с 1956 по 1967 год проблема оставалась. Я считаю, что проблема не решена и сейчас, и мое мнение есть мое мнение, а не преступление. Для меня, крымского татарина, вопрос будет стоять, пока мы не вернемся на родину". Судья: "Вопрос давно решен. Вот свидетели, которых вы просили вызвать (читает фамилии и адреса), — все они из Крыма". Джемилев: "Вызвали бы вы их, они бы рассказали, сколько лет они обивали пороги, мытарствовали, жили без прописки, как их выгоняли. Так вся нация вернуться в Крым не может". Судья: "А вот меня тоже, например, в Москве не пропишут. Да и в Омске многие обивают пороги. Существуют же нормы! Это — не национальный вопрос".

По поводу изъятых у него "Деклараций" Джемилев пояснил, что это черновики, проект, незаконченное изложение его взглядов. "Поскольку для меня национальная проблема существует, я отработывал свои мысли о ней". Это не три документа, а один — на разных языках; разночтения, наличие которых дало обвинению повод говорить о трех разных текстах, объясняются неточностями перевода. На суде Джемилеву удалось продемонстрировать, что переводчица (она присутствовала в зале) приняла его татарский текст за турецкий, так как он пользовался латинским алфавитом, а не официально принятым русским. Значения некоторых слов в этих, вообще-то близких, языках совершенно различны, и Джемилев привел примеры ошибок перевода. Перевод на английский он сделал для упражнения в языке.

В одной из статей "Декларации" говорится, что крымско-татарское национальное движение должно действовать в рамках советской законности, при этом в случае отказа правительства от справедливого решения вопроса вправе обращаться в международные организации. Джемилев подтвердил: он

считает, что если Советский Союз подписал Декларацию прав человека и международные соглашения, то можно требовать их выполнения. Судья снова сказал, что национальный вопрос у нас решен и, если правительство не находит нужным принимать те или иные решения, это не может обсуждаться в каких-то международных организациях; обращаться туда значит, клеветать на наш строй. Это наши внутренние дела, и мы никому не позволим в них вмешиваться. "Мы не всякие международные соглашения признаем". Джемилев: "Там говорится о тех соглашениях, которые наше правительство подписало".

Разбирая еще один принцип крымско-татарского национального движения, записанный в "Декларации": "Участником движения можно быть независимо от политических убеждений и места жительства", судья сказал: "Значит, и коммунист может участвовать, и фашист?" Джемилев: "Зачем же такие крайности? Конечно, какие-то оговорки можно сделать. Но это ведь не окончательный текст".

Прокурор: "Вы утверждаете, что это только черновик. Собирались ли вы закончить и распространить этот документ?" Джемилев ответил, что если бы он закончил текст и продумал все до конца, то, возможно, стал бы показывать его другим лицам. Отвечая на вопрос адвоката, Джемилев сказал, что в лагере никто не читал "Декларацию" и не мог прочитать: даже русский текст ее был написан арабскими буквами.

Мустафа в письме Аметову назвал статью Б. Гафарова лживой. Судья: "Эта статья опубликована издательством "Наука". Вы порочите официальное советское учреждение". Джемилев: "В статье написано, что крымские татары живут, в основном, в Крыму, а по нашим данным в 67-68 годах, после Указа, в Крым приехало 12 тысяч человек, а смогли там остаться..." Судья: "Что это за *ваши* данные?! Статистику могут вести только государственные органы. Кто вам дал право собирать статистические данные?" Джемилев: "Во всяком случае, это не запрещено и не является преступлением". Судья: "Частным лицам перепись проводить не разрешается".

Прерывая Джемилева, судья несколько раз говорил ему, что трибуну ему дали не для агитации. На одно из таких замечаний Мустафа ответил: "Кого же агитировать? Здесь публика

вся ваша, моих родственников всего четверо". Судья: "Я эту публику не знаю. Они сами пришли".

В начале заседания 15 апреля защитник и подсудимый заявили новые ходатайства. Адвокат просит, во-первых, приобщить к делу письмо Дворянского Алиму Музафарову от 13 июля 1975 года. Там Дворянский сообщает об аресте и голодовке Джемилева и, кроме того, пишет, что есть документы, показывающие, что дело спровоцировано. Второе ходатайство — запросить из ИТК в Барнауле библиотечный формуляр Дворянского, чтобы установить, что он уже там читал те книги, к которым он делал, согласно обвинению, заметки предосудительного содержания под влиянием Джемилева. Адвокат просит также запросить записи Дворянского из его личного дела (по-видимому, те, которые были сданы в оперчасть Соколовым).

Джемилев просит вызвать свидетелей: 1) заключенного Сергеева, который, по словам Соколова, слышал антисоветские высказывания Дворянского, вызванные его общением с Джемилевым; 2) кандидата филологических наук Басыра Гафарова, профессора Решиды Музафарова, писателя Эшрефи Шамиль-заде, которые могли бы дать показания о положении языка и литературы крымских татар, так как он, Джемилев, обвиняется в клевете по этим вопросам; 3) Решата и Зеру Джемилевых, Айше Сейтмуратову, Ремзи Аблаева, Гульнар Сейдалиеву для дачи показаний о прописке в Крыму. "За этими свидетелями далеко ходить не надо, — сказал Мустафа, — они здесь".

Ходатайство о письме Дворянского было удовлетворено, остальные суд отклонил. Было сказано, что сам факт существования ученых и писателей — крымских татар доказывает, что никакой дискриминации нет.

В обвинительной речи прокурор Калуцкий сказал, что Дворянский на предварительном следствии дал правильные показания, но Джемилев его обработал, и поэтому на суде он их отрицал, возводя при этом поклеп на следственные органы и прокурора по надзору. Обвинитель называл Джемилева аморальным человеком, закоренелым и неисправимым преступником. Утверждение Джемилева о том, что текст "Декларации" — не окончательный, он опровергал таким рассуждением: "Там

есть пункт о членстве в организации, а об этом говорят в последнюю очередь. Значит, этот документ оформленный, готовый к распространению". Джемилев призывает к объединению всех татар, живших ранее в Крыму, в том числе и фашистов; в тексте он не делал оговорки, о которой говорил на суде. Он призывает организовать кампанию протеста, призывает к вмешательству во внутренние дела, т. е. к неподчинению и борьбе с советской властью.

Джемилев называет неправильными действия советского государства в 1944 году, когда весь мир прославлял победы советского народа.

Прокурор потребовал трех лет строгого режима для Джемилева.

Кроме того, он потребовал привлечь Дворянского к уголовной ответственности за дачу ложных показаний на суде.

Адвокат Швейский в защитительной речи сказал, что при рассмотрении этого дела неизбежно приходится говорить о национальном вопросе. Этот вопрос для нашей многонациональной страны особенно важен, и приговор должен укрепить дружбу народов. Он, адвокат, не будет отстаивать взгляды своего подзащитного, так как окажется тогда его единомышленником, каковым он не является. Но он не может встать на точку зрения обвинения, чтобы не быть вторым обвинителем.

Свою задачу он видит в анализе только правовой стороны дела: доказывают ли факты обвинение в распространении заведомо ложных измышлений, порочащих советский строй. Обвинение в устном распространении опирается только на показания Дворянского, в которых о клеветнических высказываниях Джемилева говорилось в общей форме, без конкретизации. Адвокат выразил убеждение, что отказ Дворянского от прежних показаний был искренним. Но объективно все показания Дворянского — и на суде, и на предварительном следствии — должны быть отброшены как недостоверные либо надо исследовать противоречия в них и проверить методы следствия.

Документы, написанные Джемилевым, не распространялись. Это видно уже из способа, каким они исполнены. Адвокат отверг версию обвинения, что Джемилев писал их "шифровано" для сокрытия преступления. Для следствия нетрудно перевес-

ти или прочитать текст, но эта форма предупреждала случайное распространение. Объяснение Джемилева, что имеющийся текст не предназначен для распространения, ничем не опровергается.

Адвокат процитировал опубликованную статью, где сказано, что критика отдельных мероприятий правительства не подпадает под действие ст. 190-1. У Джемилева может быть и неправильное мнение о том, решена ли крымско-татарская проблема или нет, но это — его убеждение, а не измышление. Оно могло сложиться по разным причинам, например, потому, что, долго находясь в изоляции, он не знал действительного положения.

Письмо к Аметову — это элементарная полемика с журнальной статьёй.

В октябре суд отправил дело на доследование ввиду неполноты следствия и недостаточной конкретизации обвинения. Новых фактов, однако, выявлено не было. В действиях Джемилева нет состава преступления. Адвокат считает обвинение не доказанным и просит суд вынести оправдательный приговор.

Последнее слово Джемилева

“Моя судьба связана с судьбой моего народа, выселенного в 1944 году”. Судья перебивает: “Мы сейчас обсуждаем не это”. Судья и дальше перебивал Мустафу, пытавшегося сказать о предыдущих своих процессах и их связи с нынешним. Асан крикнул из зала: “Это последнее слово. Что же вы перебиваете?” Судья приказывает Асану выйти, к нему подходят два милиционера. Выдворение Асана вызвало бурное возмущение за дверями суда. Как и накануне, порядок наводят грубой силой. Когда из-за шума речь Мустафы была приостановлена, Васфие сказала по-татарски: “Это наши друзья. Самый громкий голос — это “шакер” (т. е. “сахар”). Судья приказал ей выйти “за подсказку”, но она категорически отказалась. Ее выволокли из зала, и тут снова Сахаров ударил кого-то из охраны. Мать Мустафы в слезах сама выходит из зала. Она кричит по-русски и по-татарски: “Убийцы! Даже последнего слова моему сыну не дали. Он десять месяцев голодает, он не может говорить, а вы его перебиваете”.

Судья объявляет 15-минутный перерыв, во время которого всех выталкивают из вестибюля на улицу. Сахарова и Боннэр

(которую перед этим отвели в милицейскую комнату в здании суда) увозят в отделение милиции. Там врач, осмотревший Боннэр по ее настоянию, засвидетельствовал кровоподтеки.

После перерыва судья снова предупреждает Джемилаева: "Не занимайтесь агитацией". Мустафа отвечает: "Какая уж агитация, в зале — один мой брат". (Васфие и Асана в зал не пустили, мать была не в состоянии пойти.)

Джемилаев продолжает речь.

"Я не хотел участвовать в этом процессе, потому что приговоры выносятся заранее, независимо от доказательств. Но затем я решил принять участие в суде, чтобы нельзя было сказать, что я косвенно признал свою вину, не имея аргументов для опровержения обвинения.

Обвинение строилось на показаниях Дворянского. Он здесь отверг их как подписанные в результате шантажа и угроз. Казалось бы, обвинение должно этим встревожиться, заняться расследованием, чтобы не допускать подобных акций в отношении других заключенных. Но для этого надо иметь честность и гражданское мужество".

Судья: "Вы оскорбляете обвинителя". Джемилаев: "А меня оскорблял обвинитель — это ничего?" Судья: "Вас никто не оскорблял. Предупреждаю, вы будете лишены слова".

Джемилаев: "У нас свойственно преувеличивать роль личности в истории. Со мной расправляются, думая, что я играю особую роль в движении. Правда, обвинитель изображал меня одиночкой, делая вид, что никакого движения не существует. Но мое место займут другие, может быть, они более правильно поведут себя.

На все время лишения свободы я продолжаю голодовку. Я иду на эту крайнюю меру, чтобы подобные расправы не повторились с другими.

Я не жду от суда гуманности. Мне нужна не гуманность, а справедливость".

Приговор суда полностью воспроизводит обвинительное заключение по всем эпизодам, включая инкриминирование Джемилаеву трех "Деклараций". В качестве доказательства добавлено, что в список 15 свидетелей, предложенный Джемилаевым, входят татары, ныне проживающие в Крыму. Вина Джемилаева

ва доказывається показаниями Дворянского на следствии. Его отказ от них объявлен ложным и опровергнутым его допросом, показаниями других свидетелей и подсудимого.

Джемилев, сказано в приговоре, будучи трижды судим, не встал на путь исправления.

Суд приговорил Джемилева к двум с половиной годам заключения в ИТК строгого режима.

Суд вынес также частное определение о возбуждении против Дворянского уголовного дела о "даче ложных показаний на суде".

* * *

В тот же день родственникам Мустафы (всем вместе) дали свидание. Перед свиданием они разговаривали с заместителем начальника тюрьмы Радченко о выходе Мустафы из голодовки, если он согласится прекратить ее. Радченко обещал медицинское наблюдение, диету, тихую камеру, в любое время передачи, включая соки, необходимые для выхода из голодовки.

Свидание шло через двойную стеклянную перегородку. Родственники сказали Мустафе, что все его друзья, и среди них семья Григоренко и семья Сахарова, просят его снять голодовку. Сделано все, чтобы дело стало достоянием гласности. Снятие голодовки облегчит и кассацию. Мать особенно уговаривала Мустафу — за себя и от имени его больного отца.

Мустафа согласился снять голодовку.

Начальник тюрьмы Суров подтвердил обещание Радченко поместить Джемилева по его выбору в одиночную камеру или в камеру с "тихими стариками", а не в обычную, где "уголовщина и возможны всякие эксцессы".

В конце апреля Е.Г. Боннэр получила обратно посылку с соками, отправленную Мустафе, с наклейкой: "Возвращено. Не являетесь родственником". (Такое ограничение не предусмотрено законом и беспрецедентно.)

Есть опасения, что в случае подтверждения приговора в кассационной инстанции Джемилев возобновит голодовку.

Протесты. Обращения

К женщинам мира

Мой сын Мустафа Джемилев осужден в пятый раз. Первый раз без всякого суда он был приговорен со всем нашим крымско-татарским народом к выселению с родины ...

С малых лет Мустафа мечтал вместе со своим народом вернуться на родину отцов. Этому он посвятил всю свою жизнь.... Я была на заседании суда в Омске... я сама видела, что все обвинения и весь суд построены на лжи и что единственная цель суда — расправиться с сыном за его любовь к нашему народу.

Ничего, кроме мести, на этом суде не было ...

Помогите мне спасти моего сына!

*Махиуре Мустафаева-Джемилева
Узбекская ССР, Сыр-Дарьинская обл.,
г. Гулистан, Октябрьская ул., 16*

* * *

Известный историк Александр Некрич опубликовал 17 апреля заявление для печати "Смеем ли мы молчать?"

"...Крымский татарин Джемилев отдал многие годы своей жизни борьбе за восстановление гражданских прав крымско-татарского народа и возвращение его на историческую родину в Крым, откуда крымские татары были насильственно депортированы в мае 1944 г. Хотя незаконность этого акта была позднее признана советским правительством и формально все права крымских татар были восстановлены, им не дают жить на земле своих отцов..."

Некрич говорит о том, что "Джемилева боятся выпустить на свободу", о ложных обвинениях и "духе произвола и чело-веконенавистничества" вокруг судебного разбирательства.

"... Я обращаюсь ко всем людям, считающим себя порядочными:

Не закрывайте глаза на творящиеся произвол и беззаконие.

И я спрашиваю вас: "Смеем ли мы молчать?!"

Я обращаюсь прежде всего к своим коллегам, историкам в СССР и за рубежом, к историкам, которые по своему профессиональному долгу обязаны поддерживать огонь истины, заж-

женный Прометеем:

Встанем на защиту Джемилева, Буковского, Суперфина, Ковалева и других, томящихся в заключении за свои убеждения. Будем бороться за амнистию политическим заключенным во всем мире, но прежде всего в своей собственной стране.

Сегодня нужно спасти Джемилева. В этом наш долг, человеческий и профессиональный.

И отрешимся от постыдного молчания”.

* * *

Лев Копелев в статье-обращении ”Спасти Мустафу Джемилева!” (22 апреля) пишет о прежних и о последнем суде над Джемилевым. Он заявляет:

”Чудовищный приговор должен быть отменен, чтобы спасти жизнь Мустафы Джемилева, чтобы избавить всех нас — его соотечественников и сограждан — от позорной вины”.

Копелев называет имена людей, осужденных в последние годы ”вопреки Конституции СССР”, и отмечает, что соблюдение внешних форм правосудия (по сравнению со сталинскими ”тройками”) не спасает от произвола и беззакония.

”Неужели исполнители репрессий и те пропагандисты, литераторы и прочие, которые пытаются их оправдать, — не понимают, что они доказывают лишь свое неверие в силы советского государства и в убедительности идей, якобы ими защищаемых?”

Копелев призывает легальными и мирными средствами добиваться гласности и настоящей свободы слова, требовать амнистии.

”Только так можно воспрепятствовать упрямым ”наследникам Сталина”, нерадивым и бессовестным чиновникам, нарушать наши гражданские права и подвергать людей страданиям, подобным тем, какие сейчас испытывает Мустафа Джемилев”.

* * *

П.Г. Григоренко и А.Д. Сахаров сделали 18 мая заявление, призывающее защитить Владимира Дворянского. В заявлении изложена история вовлечения Дворянского — посулами, угрозами, наказаниями — в дело Джемилева в качестве сначала доносчика, а затем — свидетеля.

”Определение суда — расправа за честность, за то, что человек, оболгавший товарища по заключению, раскаялся в содеянном и

нашел мужество сознаться во лжи. Суд хочет создать прецедент расправы над теми, кто не захочет лгать по велению карательных органов. Суд передает беззащитного заключенного в руки тех, кто принудил его к даче нужных следствию ложных показаний. Особенно следует опасаться физической расправы над Дворянскими руками уголовников.

Мы призываем защитить Владимира Дворянского!"

* * *

П.Г. Григоренко. Заявление для печати и радио. 18 мая 1976 г.

Это заявление или, скорее, статья выражает не только отношение автора к "делу Джемилева". Сообщается, что в 1968-69 гг. Мустафа завершил исторический труд, изъятый КГБ и не увидевший свет. П.Г. Григоренко, опираясь на изложение этой работы, фактически сделанное Мустафой на суде 1970 г., дает очерк истории крымских татар с древних времен. Здесь же описано, со многими цифровыми данными, и выселение из Крыма, и нынешнее положение нации. Отношение государства к требованию 850-тысячного народа автономного национального существования на своей родине автор сопоставляет с демонстрацией уважения к зарубежным малым нациям.

"Во всяком случае, отношение советского правительства к крымским татарам ни в коей мере не соответствует духу Хельсинки. И народы Европы не должны с этим мириться. А особенно это относится к малым народам. Если они теперь не встанут на защиту крымских татар, то в будущем они сами могут оказаться в сходном положении. Приглянутся, например, кому-нибудь швейцарские горы и долины, и появятся вместо швейцарцев немцы, французы, итальянцы, ранее проживавшие в Швейцарии".

* * *

Группа содействия выполнению Хельсинских соглашений (см. наст. выпуск) составила документ о нарушении гуманитарных статей Заключительного Акта Европейского Совещания в "деле Джемилева".

* * *

149 человек подписали следующее заявление.

В защиту Мустафы Джемилева

Судебный процесс 14-15 апреля 1976 г. над Мустафой Джемилевым в г. Омске продемонстрировал циничное пренебрежение законом со стороны властей — даже в пределах тех антиконституционных статей Уголовного кодекса, по которым судят советских инакомыслящих и борцов за гражданские права. Джемилев уже пробыл в лагерях 7 лет. Упорное стремление властей любой ценой продлить его заключение, способы, которыми пытались подготовить лжесвидетельства, бесцеремонность, с которой суд игнорировал указание адвоката на *полное отсутствие* состава преступления, — все это свидетельствует о живучести сталинских методов расправы над неугодными людьми.

После 10 месяцев голодовки-протеста против фальсифицированных обвинений осуждение М. Джемилева на 2,5 года строгого режима может оказаться равнозначным смертному приговору. Мы обращаемся к мировой общественности и, в частности, к мусульманским лидерам с просьбой решительно выступить в защиту Джемилева. Одновременно мы считаем необходимым еще раз привлечь внимание к проблеме крымских татар.

В опасном положении оказался теперь главный и практически единственный свидетель обвинения — заключенный Владимир Дворянский. Он отказался в суде от данных им ранее ложных показаний, несмотря на давление судьи и прокурора. Он заявил, что показания, подписанные им в ходе следствия, были результатом давления и угроз.

Мы требуем полного пересмотра дела и освобождения Мустафы Джемилева.

* * *

Протест против нового приговора Джемилеву, адресованный партийным и правительственным органам, подписали около 1600 крымских татар, живущих в Средней Азии, и свыше 800 — из Крыма и близлежащих районов.

Статью Л.К. Чуковской "Хроника" публикует полностью.

Лицо бесчеловечья

14 апреля 1976 года в городе Омске судили Мустафу Джемилева.

Почему в Омске? Потому, что последний свой срок Мустафа отбывал в лагере неподалеку от Омска. Это раз. Потому, что Омск — город, представляющий большие удобства для проведения суда: он крепко-накрепко закрыт для иностранцев. Это два. Тут, вдали от корреспондентского глаза, сподручнее производить отбор: кого — впустить, кого — оставить за дверью. Подобная сортировка производится у нас во всех городах, хотя бы и в Москве; но в Москве — шуму не оберешься, а в Омске?... Кого там заботит татарин Мустафа Джемилев? Он такой же чужак среди тамошних жителей, как тайге вокруг Омска чужды кипарисы.

Однако в полном беззвучии и безлюдии процесс Мустафы Джемилева провести не удалось даже в Омске. Недаром четверть своей жизни прожил Мустафа в тюрьме и лагере (8 лет, а ему 33!). Трижды откладывался суд, и трижды за тысячи километров прилетали в Омск его сородичи и друзья. Прилетели и в четвертый раз — из Узбекистана, с Украины, а двое — из Москвы.

Всего 16 человек.

Но мест для них в зале суда не нашлось.

Сначала не пустили никого, потом только ближайших родственников, да и то не на все время суда.

Подумайте сами: к чему вообще на суде родные и друзья подсудимого? Это не та публика, в которой нуждается суд. Отойдите, граждане, не мешайте работать! Граждане, зал не резиновый! На всех не напасешься! Сами видите, сколько народу! (Суд-то ведь у нас не какой-нибудь, а открытый, публичный. Как же без публики? Мы закон соблюдаем. Заблаговременно с черного хода введена в зал своя родная, особая, отборная публика...)

Приезжие? Посидят за дверью. Мать? Ну, мать, пожалуй, пустим, она, конечно, мать, а мы, конечно, гуманисты. Как же это — мать не пустить? Разве можно? Когда надо — пустим, когда надо — выведем. Ну, ладно уж, братьев и сестру. Осталь-

ные за дверь. А начнут фордыбачиться — им уготованы синяки и прогулка в милицию. Мешают суду работать. Та же заблаговременная публика и руки скрутит, и по коридору проволочит. Умельцы. Профессионалы. Для них это дело привычное.

... Почему я пишу о процессе Мустафы Джемилева? Надеюсь ли помочь ему? Нет. Но на этом суде с такой очевидностью являют себя черты бесчеловечья, что не запечатлеть их грешно.

Начинаю с конца. Священное право каждого подсудимого, кто бы он ни был, — выговорить свое последнее слово. В последний раз обратиться к уму и сердцу людей, воззвать к их чувству справедливости, долга и чести. Право подсудимого на последнюю речь, , длинную или короткую, охраняется законом во всех странах мира. Охраняется оно и советским законом На бумаге. В действительности же редко получает подсудимый возможность произнести свою речь до конца. В особенности в тех случаях, когда занят он не опровержением хитросплетенных кляуз, а обосновывает в последней речи суть своей мысли, причину причин своих действий.

Судья не дал Мустафе Джемилеву произнести последнее слово. А между тем обрывать Мустафу — это не только преступление против закона, но и преступление против человечности.

Джемилев предстал перед судом после 10 месяцев голодовки. "Предстал" тут не совсем уместное обозначение: стоять у него не было сил. Отвечая на вопросы судьи, прокурора, защитника, он кое-как поднимался со скамьи подсудимых: поддерживали его с двух сторон конвоиры. Но еще труднее, чем стоять, было ему говорить. Он шевелил губами и шелестел. Каждое слово — пытка, потому что в течение 10 месяцев его, чтобы он не умер от голода, насильно кормили через зонд, а зонд, ежедневно вставляемый в горло, не может не оцарапать гортань. К тому же Мустафа тяжело болен: болезнь сердца, болезнь желудка, атрофия печени.

А у судьи — атрофия человеческих чувств. Он — тот сытый, который не разумеет голодного; тот здоровый, который не разумеет больного; тот судья, чье судейское кресло прочно, всеми четырьмя ногами оперто на помост КГБ; он — тот бесчеловечный, кто способен спокойно оборвать последнее слово подсудимого, зная, что оно, быть может, есть предпоследнее слово,

выговариваемое Мустафой на земле.

— Не мешайте ему говорить! — просит брат Мустафы.

Судья удаляет его из зала, как удалил и сестру, "за нарушение порядка".

Порядка?

О, когда же наконец в Советском Союзе будет нарушен порядок, позволяющий власти затыкать говорящим рты?

Конституция СССР обеспечивает гражданам свободу слова. Законы тоже обеспечивают. Но две формулы, необъятные по своей пустоте и емкости: "антисоветская пропаганда" и "антисоветская клевета" обеспечивают уничтожение этой свободы. Да и человека зараз. Вне зависимости от того, говорит он правду или лжет. Он делает явным нечто, скрываемое властью, — пусть умолкнет. "Что у кого болит, тот о том и говорит". Так, например, у Мустафы Джемилева болит Крым, он о нем и говорит. Татары, насильственно и бесстыдно выселенные из Крыма в 1944 году, желают вернуться в возделанный ими и возлюбленный ими Крым. Почему в мирной речи Джемилева надо непременно расслышать "антисоветскую пропаганду", а не вполне естественный призыв к открытому, громкому, всенародному обсуждению гноящегося, саднящего вопроса? Почему надо непременно загнать боль внутрь, а человека в гроб? Почему вообще каждая работающая мысль, рожденная живой болью, есть антисоветчина? Понятие "антисоветчина" столь же неопределенно, сколь и вместительно. Это воистину ненасытная прорва, пожирающая людские судьбы и мысли. Сотни и тысячи судеб — безгласно, бесследно, бесплодно.

Сейчас, кроме судьбы Джемилева, меня заботит судьба еще одного человека, причастного к процессу Мустафы. Фамилия — Дворянский, возраст — 26 лет. На нем, на его показаниях весь процесс собственно и держался. Дворянский тоже лагерник, но я не знаю даже — уголовник или политический. Его долагерное прошлое неведомо мне, а от предстоящего волосы становятся дыбом.

Джемилева судили за "антисоветскую пропаганду", которую он будто бы продолжал вести, отбывая срок заключения неподалеку от Омска. Кто слышал от него недозволенные слова? Дворянский... Новое следствие над Джемилевым, уже отбыв-

шим очередной срок, началось, когда до воли ему оставалось 3 дня. Ворота лагеря отворятся перед тобою вот-вот, но напрасно ты считаешь часы: воли тебе не видать. Против тебя начато новое дело. Протестуя против этого обдуманного, изощренного издевательства, Джемилев объявил голодовку.

Не помогло. Его насильно кормили через зонд и 14 апреля полуживого привезли в суд.

И тут совершилось чудо. Иначе случившееся я назвать не могу. Свидетель Дворянский — тот самый, на чьих показаниях основывался весь затеянный заново суд, — распрямился в полный человеческий рост и в полный человеческий голос заявил суду, что показания его, данные им на следствии против Джемилева, — ложь. (Так, наверно, человек выходит из укрытия навстречу пулям.) Дворянский заявил, что ложные показания на следствии были даны им под давлением. В ход были пущены посулы, карцер, угрозы. Он сопротивлялся. В карцер его таскали 5 раз. Дашь показания на Джемилева — переведем тебя поближе к дому, сократим тебе срок. Не дашь — худо будет и тебе, и семье твоей, пеняй на себя. Вот он и оболгал Джемилева. А теперь заявляет: ничего, порочащего советский строй, никогда от Мустафы не слышал.

Мне не известно, кем Дворянский был ранее, но на суде он повел себя как человек. Доблестный человек. А вел ли себя как человек судья?

Я не юристка, но и не имея юридического образования, на основе простого здравого смысла, я знаю, твердо и точно знаю, что обязан был сделать в этом случае судья.

Немедленно освободить Джемилева: ведь обвинение-то рухнуло! Немедленно завести уголовное дело против следователей, вымогавших ложные показания у Дворянского.

Но это могло бы произойти в том случае, если бы суд решал дело по правде и по закону. Тогда заявление Дворянского все изменило бы. Суд же решал дело по неправде и незаконно, а главное, по заранее данному распоряжению свыше.

Видела ли я это распоряжение? Нет, не видела. Таких распоряжений никогда не видит никто. Мы испытываем только их результаты.

Суд вынес приговор Мустафе Джемилеву: два с половиной

года исправительно-трудовых лагерей строгого режима за анти-советскую пропаганду. Два с половиной года да еще три дня: недосиженные трое суток, оставшиеся от предыдущего срока.

Суд вынес также "особое определение": привлечь к уголовной ответственности... Кого? Вы полагаете — следователей, вымогавших у Дворянского ложные показания? Нет, привлечь к ответственности Дворянского. За что? За дачу ложных показаний. Так которых же? Тех, что он дал в лагере? Нет, на суде.

Вот оно — лицо бесчеловечья.

23 апреля 1976 г., Москва

Еще два документа

Листовку, приводимую ниже, многие крымские татары находили в своих почтовых ящиках примерно в январе 1976 г., т. е. задолго до суда. Тем не менее, ее авторам, как видно из текста листовки, были доступны некоторые материалы дела.

*Азиз аркъадашлар!!!**

Мы давно замечаем, что кое-кто смотрит на наших людей как на "серую массу", которую можно одурманить и сбить с толку. Об этих людях у нас сложилось определенное мнение. Считаем своим долгом поделиться нашими соображениями со своим народом.

В 1968-1970 гг. нашлись такие деятели, как П.Г. Григоренко, И.Я. Габай, Мустафа Джемилев, которые за нас стали думать и решать. Наконец, чтобы приспособить наши умы и дела к своим эгоистическим интересам, они сочинили некий Устав Землячества, отведя в нем для себя руководящую роль. Однако абсурдность этой затеи была настолько явной, что ее без лишних разговоров отвергли даже те, на кого эти горе-стратеги возлагали какие-то надежды. Потерпев крах, эти отщепенцы все же не унимались и нашли себе "верных друзей" на Западе. В угоду их вкусам они самонадеянно перекраивали народные документы, не обращая никакого внимания на протесты с мест.

В последнее время А.Д. Сахаров с помощью таких как М. Джемилев пытается снова навязать нам что-то похожее на ранее отвергнутое землячество. Ими сочинен проект "Деклара-

* Дорогие соотечественники.

ции". Как удалось выяснить, второй ее пункт написан примерно так:

"Участниками объединения могут быть сограждане крымско-татарской национальности, независимо от того, в каких странах они проживают, и независимо от политических взглядов".

По этому гнусному замыслу А.Д. Сахарова и М. Джемилева выходит, что Герои Советского Союза Узеир Абдираманов, Сейтнафе Сеитвелиев, Абдраим Решитов и другие ветераны, участвовавшие в разгроме фашизма, теперь должны помириться и объединиться с теми, кто ранее боролся с ними на стороне гитлеровских полчищ, напавших на нашу Родину.

Например: с такими, как бывший редактор профашистской газеты "Аза Крым" Мемет Муединов, или бывший ставленник фашистских властей в Крыму Эдиге Крымал и им подобными, которые живут в других странах и придерживаются противоположных нам политических взглядов.

Все это оскорбительно для нас, советских людей, это неслыханное глумление над светлой памятью героев-партизан Абдулы Дагджи, Алиме Абденановой, погибших смертью храбрых от рук фашистских палачей.

До этих вещей могли додуматься только люди, порвавшие с народом и высокомерно попирающие все то, что для него дорого и свято.

Мы не сомневаемся, что грязная возня отщепенцев вызовет справедливое и суровое осуждение со стороны всего нашего народа.

Представители крымско-татарской интеллигенции

* * *

14 апреля агентство ТАСС распространило сообщение, где говорилось, что супруги Сахаровы ворвались в зал суда в Омске, потребовали освободить им место, а когда их призвали к порядку, ударили милиционера и коменданта суда.

На следующий день появилось еще одно сообщение ТАСС:

Вот как это было

Москва, 16 апреля (ТАСС). Некоторые недобросовестные источники информации распространили версию о том, будто бы в Омске Сахаров и его жена Боннэр подверглись избиению

работниками милиции. Мы попросили корреспондента ТАСС в Омске Виктора Лободу сообщить о том, что в действительности произошло. Он сообщил, что распространяемая западными источниками со ссылкой на Боннэр версия об их "избиении" лжива.

15 апреля произошло следующее. Супруги Сахаровы были вызваны в отделение милиции города Омска, где продолжался разбор дела об их хулиганской выходке, совершенной накануне. Однако Сахаров и Боннэр отказались явиться в милицию, нарушая тем самым советские законы. Вместо этого они направились к зданию суда, где слушалось уголовное судебное дело Джемилева. Навстречу Сахарову из здания суда вышли брат и сестра подсудимого, которых председатель суда вынужден был удалить из зала заседаний из-за того, что они мешали ведению судопроизводства, прерывали окриками свидетелей, оскорбляли судей! Джемилевы о чем-то переговорили с Сахаровым, тот подошел к работнику милиции, стоящему у здания, и, ни слова не говоря, ударил его в лицо. Это вызвало возмущение граждан на улице. В ответ на их требование утихомириться Сахаров и Боннэр учинили драку, на сей раз с гражданами, осуждавшими их поведение.

Представители милиции, разняв дерущихся, пригласили Сахарова, Боннэр и потерпевших в драке советских граждан в отделение милиции, где пострадавшие написали заявление, требуя наказать Сахаровых за хулиганство. Дежурный по отделению составил протокол о случившемся, однако Сахаров и его жена отказались подписать этот документ, а когда их предупредили об уголовной ответственности за хулиганство, они пытались бежать из здания милиции, но были задержаны. После завершения оформления надлежащей документации Сахаров и Боннэр были отпущены, но предупреждены о том, что они своим поведением нарушили советский закон и могут быть привлечены к уголовной ответственности. После этого супружеская чета Сахаровых сочла за благо ретироваться из Омска и первым же самолетом вылетела в Москву.

Оба сообщения в СССР опубликованы не были.

СУД НАД ВЯЧЕСЛАВОМ ИГРУНОВЫМ

С 11 по 13 марта в Одесском облсуде слушалось дело о применении мер медицинского характера к Вячеславу Игрунову. Его действия квалифицировались по ст. 187-1 УК УССР (соотв. 190-1 УК РСФСР)

Согласно "Постановлению органов следствия о направлении дела в суд" (аналог обвинительного заключения):

Игрунов Вячеслав Владимирович, родился 28 октября 1948 г., русский, образование среднее, работавший до ареста электриком облбытуправления, арестованный 1 марта 1975 г., — занимался в течение 1972-1975 гг. изготовлением и распространением "антисоветских клеветнических произведений".

В 1972-1974 гг. Игрунов распространял клеветнические произведения: более 10 выпусков "Хроники текущих событий", статью Л. Венцова "Думать!", работы Амальрика, Сахарова, книги Солженицына "В круге первом", "Раковый корпус", "Август Четырнадцатого" и "Архипелаг ГУЛаг".

В 1974-1975 гг. распространял, размножал или пытался размножить произведения Авторханова "Происхождение партocrатии" и "Технология власти" и Солженицына "Письмо вождем Советского Союза" и "Архипелаг ГУЛаг".

Ознакомил с "Архипелагом ГУЛаг" свидетеля Миролюбова. В беседах с Миролюбовым допускал клеветнические измышления, порочащие советский строй.

С целью распространения хранил у себя дома статью В. Мороза "Репортаж из заповедника им. Берия", которая в августе 1974 г. была передана в КГБ женой Игрунова С. Арцимович.

С целью распространения хранил 32-й выпуск "Хроники текущих событий", ознакомил с ним С. Арцимович. Совместно с Арцимович составил картотеку (именной указатель) к этому выпуску на 616 листах, куда перенес часть клеветнических сведений из "Хроники". И "Хроника", и картотека были изъяты у Игрунова на обыске 1 марта 1975 г.

С целью распространения хранил на квартире у родителей экземпляр "Технологии власти" Авторханова, а также антисоветские клеветнические произведения: "Проект основного закона России", автором которого является психически больной

В. Харитонов, "Три русских революции", "Дисангелие от Марии Дементной".

Игрунов перенес 3 черепно-мозговые травмы; в 1964 г. находился на стационарном лечении в ПНД. Родителями Игрунов характеризуется как человек раздражительный и резкий. Во время следствия вел себя странно, замкнуто, наблюдалась "боязнь ответственности за содеянное", беспричинная вспыльчивость. Отказывался давать показания.

Поведение Игрунова на следствии вызвало сомнение в его нормальности, в связи с чем 14 апреля 1975 г. вынесено постановление о назначении стационарной судебно-психиатрической экспертизы.

Согласно заключению экспертов Одесской психбольницы № 1 (Седых, Майер, Кравцова, Чернышева, Лямина), Игрунов "обнаруживает психопатическую структуру личности на фоне органического поражения центральной нервной системы, без признаков психосиндрома". Но, учитывая сложный характер заболевания, комиссия не решила вопроса о вменяемости Игрунова ко времени совершения инкриминируемых действий и рекомендовала проведение дополнительной экспертизы в ЦНИ-ИСП им. Сербского.

Экспертиза, проведенная в Институте им. Сербского (Печерникова, Луниц, Тальце, Азаматов), установила, что Игрунов страдает тяжелым психическим заболеванием в форме хронической шизофрении. Игрунов невменяем. По состоянию психики, с учетом склонности к диссимуляции болезненных переживаний, а также по характеру совершенных деяний:

— представляет большую социальную опасность и нуждается в принудительном лечении в *больнице специального типа*.

* * *

Ход следствия по делу Игрунова был подробно описан в 38 выпуске "Хроники". Однако в изложение вкрались некоторые неточности:

- В.С. Алексеев-Попов — не филолог, а историк;
- 9 августа 1974 г. у Игрунова изъяли отрывок из мемуаров Хрущева, а не его доклад на XX съезде;
- фамилия "П. Ошерович" возникла в Хр. 35, 38 по ошибке;
- на мартовских допросах О. Курса сначала действительно

”настаивал на прошлогодних показаниях” (т. е. что купил Гроссмана и Солженицына с рук), но после очной ставки с Резаком подтвердил, что получил эти книги от него;

— психиатрическая экспертиза в Одессе проходила с середины апреля до конца мая.

Кроме того, в ”Хронике” № 38 допущена существенная фактическая ошибка: сообщалось, будто в Институте им. Сербского Игрунов был подвергнут двум экспертизам, первая из которых якобы признала его вменяемым. Существует, правда, акт экспертизы от 28 июля 1975 г., но он лишь обосновывает необходимость продления исследования еще на 1 месяц — ”ввиду неясности клинической картины”.

* * *

Суд над Вячеславом Игруновым проходил под председательством судьи Мешковой, при участии народных заседателей Бутузова и Кабановой. Государственный обвинитель — Садикова. Защищала Игрунова адвокат Нимирина. Эксперты-психиатры — Азаматов (Институт им. Сербского) и Лямина (Одесская городская психбольница № 1). Дело слушалось в отсутствие Игрунова.

Заседание 11 марта. Обнаруживается отсутствие эксперта Азаматова. Объявляется перерыв до 9 часов следующего дня.

12 марта. Присутствуют все участники судебного разбирательства, за исключением свидетеля Алексеева-Попова, находящегося в больнице. Решение вопроса о необходимости явки свидетеля отложено.

Оглашается ”Постановление”, изложенное выше.

Допрашивается свидетель Миролюбов (муж школьной учительницы Игрунова, с которой тот поддерживал знакомство).

Миролюбов Николай Евдокимович, 1913 г. р., член КПСС, слесарь, показал:

Игрунов приходил в гости к Миролюбовым, в беседах ”заглагольствовал вопрос Солженицына”. Дал почитать ”Архипелаг ГУЛАг”. Миролюбов прочитал страниц 100-150 и вернул книгу, не понравилась. Было это приблизительно в мае-июне 1974 г. Экземпляр был исполнен, видимо, на ”Эре”, на следствии Миролюбовым опознан. Игрунов иногда заговаривал о демократии. Этот вопрос ”... у него трактуется интересно: у нас демок-

ратии нет". Демократия, по Игрунову, это свобода слова, действий ("в общем — анархия", резюмирует Миролюбов). Рабочие, говорил Игрунов, "не доросли" до управления государством. О нашем обществе Игрунов высказывался только отрицательно.

Адвокат: Вы не замечали странностей в поведении Игрунова?

Миролюбов: Да. Мне странно, что он все отрицает.

Адвокат уточняет вопрос.

Миролюбов: Он артистичен, высокомерен, торжествует, когда говорят "в его русле".

Свидетель Резак Валерий Федорович, 1945 г. р., русский, инженер Крымской противорадовой экспедиции, проживающий в с. Золотое Поле Крымской обл., показал:

Знает Игрунова года с 1968-69. Виделись редко. Ранее по просьбам Игрунова переснимал и печатал для него разные книги, напр., "Мастера и Маргариту" Булгакова. 11 февраля 1975 г. днем Игрунов приехал в Золотое Поле и вызвал Резака с работы. Привез 10-15 фотопленок и фотобумагу и попросил отпечатать пленки (за плату). Несколькими днями ранее Резак получил от Игрунова посылку с фотореактивами. Отпечатать ничего не успел, поскольку 14 февраля к нему пришли с обыском и все забрали. Что было на пленках — не знает.

Прокурор: На следствии вы сказали, что там были Авторханов и Солженицын.

Резак: Это не я сказал, а мне сказали при опознании.

Прокурор ссылается на собственноручное "Заявление о совершенном преступлении", написанное Резаком 16 февраля 1975 г.

Резак стоит на своем.

Летом 1974 г., когда Резак временно работал в г. Белогорске, к нему дважды приезжал Олег Курса и привозил фотопленки, говоря, что их прислал Игрунов. Пленок было 6-10, сильно поврежденных, и Резак вернул их, сказав, что печатать бессмысленно. На следствии Резак опознал эти пленки, изъятые в августе 1974 г. у Курсы (следователь сказал ему, что на них тоже Авторханов). Тогда же О. Курса увез от Резака два изготовленных им экземпляра "Архипелага ГУЛаг". Оба экземпляра Резаком на следствии опознаны. (Один экземпляр сдан в КГБ Алексеевым-Поповым, другой изъят у О. Курсы — Хр.)

Прокурор: Что говорил Игрунов о демократии?

Резак: Мы об этом не говорили. Игрунов по образованию экономист, и мы говорили о народном хозяйстве. Игрунов считал, что необходимо экономическое соревнование между предприятиями, это был бы хороший стимул.

Прокурор: А про свободу слова?

Резак: Он говорит, что свобода слова у нас, как и в любой стране, пока еще подвергается некоторым ограничениям.

Адвокат: Вот вы беретесь делать, не зная, что вам дают. Как это понять?

Резак: Я не думал, что там что-нибудь страшное.

Странностей в поведении Игрунова свидетель Резак не замечал.

Свидетельница Кулакова (жена Резака) подтвердила, что Игрунов приезжал 11 февраля, переночевал, утром уехал. По словам мужа, просил отпечатать какую-то редкую книгу, какую — она не знает. Муж и сам не знал. Игрунов привез много фотобумаги.

Свидетель Шкорбут Николай Федорович, 1955 г. р., в феврале 1975 г. временно исполнявший обязанности вахтера лаборатории Крымской противоградовой экспедиции, подтвердил:

Игрунов ("в марте-апреле") заходил в лабораторию и просил вызвать к нему Резака. Резак, по утверждению свидетеля, предупреждал его о возможном приезде знакомого. Вновь спрошенный, Резак отказался подтвердить эти слова. (Свидетель Шкорбут, по сообщениям присутствовавших на суде, плохо понимал, что вокруг происходит, и был явно растерян: спрашивал у других свидетелей, не посадят ли теперь его самого.)

Допрашивается отец Вячеслава — Игрунов Виль Никифорович, 1924 г. р., член КПСС, директор пух.-мех. базы.

С 1968 г. с сыном практически не общался. Причины разрыва: сын вопреки воле отца поступил на истфак, переходил с работы на работу, подолгу не работал вообще, женился. Виделись последний раз, "кажется, году в 1970 или 1971-м".

До 11 класса сын рос, как все дети. Потом "появились отклонения — нашлись друзья и среди них 23-летний А. Рыков". Уже впоследствии В.Н. Игрунов узнал, что в 1968 г. к ним в дом "приходили из КГБ. Изъяли у Вячеслава и у Рыкова пасквиль

"2000 слов". В 1975 г. у Игруновых-старших был обыск, и в комнате, где раньше проживал Вячеслав, "обнаружили ряд документов и книгу". "Сын, должно быть, занес их, когда меня не было дома". Высказываний "отрицательного характера" в присутствии отца Вячеслав Игрунов не допускал. Об увлечении сына антисоветской литературой свидетелю ничего не известно. Полагает, что виной всему влияние Рыкова А. В.Н. Игрунов показал, что сын состоял на учете в ПНД "в связи с глаукомой". (?) Учился всегда хорошо, много читал. На 2-ом курсе взял академотпуск — "из-за глаукомы". Мысли о психической неполноценности сына у свидетеля не возникало. Сын упрям, не всегда оправданно. Вспыльчив. Резких изменений в характере не было, хотя, вспомнил свидетель, в 10 классе усилилась раздражительность, изменилось отношение к родителям. Философией особенно не увлекался. Рисовал "абстрактные картины".

Мать Вячеслава Полянская Апполония Ивановна, 1921 г. р., врач.

Считает сына нормальным, развивавшимся, как все дети. К матери относился и относится хорошо, к сестре — очень хорошо, очень ее любит. Отношения с друзьями нормальные. Не считает, что в 10 классе в характере сына случился какой-то перелом. Сын — добрый, скромный, вежливый, немного вспыльчив. В школе увлекался физикой и химией. Став старше, занялся философией — читал Маркса, Энгельса, Ленина. Восьми лет получил черепную травму (мальчишки сбросили с трамвая). Потом появились головные боли, как-то в школе его рвало. Лет в 15 боли возобновились. Обращались в ПНД, там поставили диагноз: базальный арахноидит. По словам психоневролога, никаких паталогических изменений в психике сына не было. Арахноидит лечили магнием и глюкозой, витаминами. Академический отпуск получил из-за астении. Во время отпуска работал. Всегда работал много, хотя и с перерывами.

Позднее были и еще травмы головы.

Об увлечении сына антисоветской литературой свидетельнице ничего не известно. Изъятое увидела впервые на обыске, как попало в квартиру — не знает. На вопрос прокурора об отношениях сына с отцом ответила: "У них одинаковые харак-

теры, они не уступали друг другу никогда". У нее с сыном отношения хорошие, Вячеслав приходил, приводил внучку. Последний раз видела сына в феврале 1975 г.

Свидетель Павловский Глеб Олегович, 1951 г. р., исключен из ВЛКСМ за неуплату взносов, окончил истфак ОГУ. Не работает с февраля 1976 г. Заявил, что отказывается от дачи показаний. Отношения свидетеля с Игруновым "носили чисто идейно-теоретический характер". Данный процесс, по мнению Павловского, "неправосудный, незаконный и невозможный". Суд над человеком, распространяющим идеи, есть суд над идеями. "Я коммунист по убеждениям и считаю, что такой суд невозможен в социалистическом обществе", — сказал Павловский.

Судья напомнила, что Павловский давал показания на следствии. Павловский ответил, что его показания в КГБ, независимо от его намерений, не проясняли, а затемняли дело. В этом смысле они ложны, и он дезавуирует их. Павловский сознает свою ответственность за дачу ложных показаний, но объясняет, что был тогда семейным человеком и опасался за судьбу близких. Те показания явились следствием непродуманного поведения. Судья: В чем же была ложность ваших показаний? Вы отвечали не по существу дела?

Павловский: Вопросы были не по существу дела. Я должен был разъяснить это следователю.

Жена Игрунова, Арцимович Светлана Феликсовна, 1950 г. р. До октября 1975 г. работала воспитательницей в детском саду. Судья: Производился ли в вашем доме обыск, что было обнаружено и что именно вы сдали добровольно?

Арцимович: Вы говорите об августе 1974 года? Никакой добровольной выдачи не было, был обыск без предъявления документов; после обыска я в растерянности написала под диктовку "заявление о добровольной сдаче". Изъяли папку с бумагами. На обыске 1 марта 1975 г. обнаружили "Хронику текущих событий" вып. 32, фотопринадлежности, бумагу, картотеку к "Хронике". "Хроника" принадлежала и мужу, и мне, так что о распространении речи быть не может. Картотеку мы делали вместе. Зачем она — отвечать отказываюсь и вообще отказываюсь от дальнейших показаний.

Судья: Почему?

Арцимович: Я знаю Вячеслава много лет как честного и вполне порядочного человека. Он не совершал никаких преступлений. Он вполне нормален. Я отказываюсь участвовать в суде над ним.

Судья и прокурор: Это не суд. Мы его не судим.

Арцимович: Разница только в терминах.

Адвокат: И на мои вопросы тоже отказываетесь отвечать?

Арцимович (поколебавшись): Да.

Судья: А на вопросы экспертов?

Арцимович: Тоже.

Объявляется перерыв.

После перерыва судья вновь вызывает Павловского и уговаривает подтвердить показания, данные на следствии.

Павловский: Вопросы, заданные мне в ГБ, не должны были иметь места, они не правомерны. Как и все разбирательство в целом.

Судья напоминает Павловскому о подписанном им "собственноручном заявлении в органы", датированном августом 1974 г.

Павловский: Я отлично помню все, что там говорилось, но категорически отказываюсь давать показания. Отказываюсь и от самого документа, т. е., не отрицая его существования, отказываюсь подтвердить изложенные в нем факты. Линия моего объяснения была навязана мне работниками КГБ Касьяном, Довженко, капитаном Алексеевым. Содержание документа отказываюсь обсуждать, оно не соответствует действительности. Я никого не хотел ввести в заблуждение. Я сам заблуждался относительно дела в целом.

Судья: В чем именно вы заблуждались?

Павловский: В том, что мое знакомство с Игруновым и наши отношения затрагивают официальную сферу и являются объектом исследования органов ГБ. Это не их дело. Я должен был тогда мотивированно отказаться отвечать на вопросы.

Судья: Вы познакомились с Игруновым, хотели приобрести литературу... Ведь это же не преступно?

Павловский: Конечно, ничего преступного в этом нет. Я мог бы написать об этом в письме. А писать об этом в следственные органы нелепо и противоестественно.

Судья: (зачитывает отрывки из "собственноручного заявле-

ния”) ”У меня сложилось впечатление о чрезмерно критическом складе ума Игрунова... В итоге я его определил как человека с крайне неорганизованным образом жизни... Я периодически получал от него самиздатскую литературу. Игрунов сам предложил знакомить меня с этой литературой по своему усмотрению... Приносил книгу Солженицына ”Август Четырнадцатого”, 10-15 номеров ”Хроники”, ”Думать” Л. Венцова, стихи Цветаевой. Это происходило с января 1972 до весны 1973 г. ”Хроника” была и позднее. В 1974 г. я получил от Игрунова ”Архипелаг ГУЛаг”. Без ведома Игрунова я предложил прочесть эту книгу Алексееву-Попову, чтобы услышать его мнение как историка...”

Павловский знакомится с документом и заявляет, что содержание его соответствует только что прочитанному тексту. От дальнейших пояснений Павловский категорически отказался.

Суд принимает решение о возможности рассматривать дело в отсутствие свидетеля Алексеева-Попова. По предложению прокурора оглашаются показания Алексеева-Попова, данные им на следствии.

Алексеев-Попов Вадим Сергеевич, 1912 г. р., ст. преподаватель истфака ОГУ, в 1970-71 гг. познакомился со студентом Павловским, с которым поддерживал отношения и после того, как тот окончил курс. В июне 1974 г. Павловский привез на дачу Алексееву-Попову ”Архипелаг ГУЛаг”, с которым Алексеев-Попов как историк желал ознакомиться. Павловский, по его просьбе, привез сначала несколько глав, а потом и всю книгу (фотокопию). Книга оставила ощущение тенденциозности и ”личной предвзятости” автора, давшего ”злостно искаженную, клеветническую картину жизни страны”.

Перед судом выступает эксперт-психиатр Азаматов Альфред Гаврилович, 1934 г. р., клиническая ординатура по судебной психиатрии, стаж работы более 10 лет. Участвовал в судебно-психиатрической экспертизе по делу Игрунова, проведенной в Институте им. Сербского с 26 июня по 1 сентября 1975 г.

Обвинение, согласно УПК, в письменном виде формулирует вопросы к эксперту:

1) Подтверждает ли эксперт заключение экспертизы от 1.9 с учетом доказательств, исследованных в суде?

2) Подтверждает ли эксперт рекомендацию экспертизы о

типе лечения — *психиатрическая больница специального типа?*
Судья: Сколько времени вам нужно для подготовки ответов на поставленные вопросы?

Азаматов заявляет, что на первый вопрос он готов ответить немедленно. Что же касается второго вопроса, то, учитывая, что со времени экспертизы прошло более шести месяцев, возникла необходимость ознакомиться с данными медицинского наблюдения за этот период, побеседовать с лечащими врачами, освидетельствовать самого Игрунова. Таким образом, ответить на второй вопрос эксперт сможет не ранее следующего дня.

Судья объявляет перерыв на 15 минут. После перерыва, длившегося значительно дольше, Азаматова не оказалось в зале суда — он уехал проводить освидетельствование.

Выступает эксперт-психиатр Лямина Вера Елисеевна, 1923 г. р., стаж работы 25 лет, ординатор клинического отделения Одесской городской психиатрической больницы № 1. Участвовала в первой экспертизе по делу Игрунова. Лямина вызвана защитой в связи с тем, что на этой экспертизе члены комиссии разошлись во мнениях относительно душевного здоровья Игрунова. Лямина объясняет, что именно она настаивала на диагнозе "шизофрения", против — за психопатию — был, в частности, председатель комиссии Седых.

(Адвокат: "Я же не могла знать, кого из вас нужно вызвать!")

Прокурор заявляет ходатайства:

— о приобщении к делу ряда материалов (в том числе — приговора по делу В. Мороза, определения суда по делу Харитонova, автора "Проекта основного закона России"), данных почерковедческой экспертизы, подтверждающей, что посылку с реактивами отправил Резаку Игрунов;

— об оглашении показаний Павловского, данных им на предварительном следствии.

Адвокат возражает против оглашения показаний Павловского. "Закон дает нам такую возможность в случае расхождения в показаниях, данных на предварительном следствии и на суде. Мы же здесь имеем дело с категорическим отказом от дачи показаний в суде".

Суд отклоняет ходатайство прокурора об оглашении показаний Павловского. Остальные ходатайства прокурора удовлетворены.

Адвокат заявляет ходатайства:

— о проведении новой экспертизы, но не единолично Азаматовым, а в соответствии с законом, комиссионно ; адвокат основывает это ходатайство на инструкции о принудительном лечении, в которой указывается, что комиссионная экспертиза должна проводиться каждые 6 месяцев;

— об оглашении характеристик с мест работы Игрунова.

Прокурор возражает против первого ходатайства, указывая на его юридическую беспочвенность — Игрунов еще не находится на принудительном лечении.

Суд отклоняет первое ходатайство адвоката и удовлетворяет второе. Оглашаются характеристики с трех последних мест работы Игрунова, в целом положительные (только в характеристике с кафедры философии мединститута отмечается его недисциплинированность).

Судебное заседание закрывается. Продолжение слушания дела назначается на субботу 13 марта.

* * *

Судебное заседание 13 марта открывается выступлением эксперта Азаматова.

Отвечая на первый вопрос, эксперт заявил, что он полностью подтверждает диагноз Института им. Сербского: Игрунов страдает шизофренией, невменяем. В ходе судебного разбирательства не получены принципиально новые данные по этому вопросу.

”Второй вопрос — нуждается ли Игрунов *в настоящее время* в принудительном лечении *в больнице специального типа*. При рекомендации такого рода эксперт исходит прежде всего из наличия или отсутствия паталогических изменений личности и из характера совершенных преступлений”.

Шизофрения — болезнь динамическая, и вот возникла необходимость освидетельствовать Игрунова в настоящее время. ”12 марта мною проведено такое освидетельствование. Я также ознакомился с данными медицинского наблюдения за последние 6 месяцев”. Очаговых поражений центральной нервной системы не обнаружено. Во время беседы Игрунов вел себя высо-

комерно, манерен, "неадекватно улыбался"; по ходу разговора внезапно настораживался и умолкал; заметна параноидная настроенность по отношению к врачам, не критичность; вопросы врача, например, о его болезни 12-перстной кишки расценивал как провокационные. На вопрос, намерен ли и дальше продолжать свою деятельность, заявил, что нет, не намерен, "т. к. не желает находиться в психбольнице".

Психическое состояние Игрунова за эти 6 месяцев улучшилось: он стал более конкретен. Исходя из этого, а также из того, что инкриминируемые Игрунову деяния не представляют большой общественной опасности, эксперт считает возможным отказаться от вывода экспертизы о необходимости лечения в спецпсихбольнице и рекомендует лечение в *психиатрической больнице общего типа*.

Судебное следствие на этом заканчивается. Открываются прения сторон.

Выступление прокурора Садиковой

Установлено, что на протяжении длительного времени Игрунов занимался изготовлением, хранением и распространением клеветнической литературы, порочащей советский строй. Частью это была литература, изданная за рубежом, частью — произведения Самиздата. Все они содержат клевету на наш строй, на марксистско-ленинское учение, на историю СССР.

Игрунов хранил, распространял, размножал или пытался размножить "Технологию власти" Авторханова, его же "Происхождение партократии", "Письмо вождям" и "Архипелаг ГУ-Лаж" Солженицына. Во всех упомянутых произведениях содержится клевета на советский строй, "на возникновение советской власти". Вина Игрунова подтверждается показаниями Резака, Кулаковой, Шкорбута, Миролюбова. Из показаний Миролюбова также следует, что Игрунов распространял клеветнические сведения в устной форме.

В 1972-74 гг. Игрунов распространял клеветнические антисоветские материалы, в том числе так называемую "Хронику текущих событий", с 32-м выпуском которой ознакомил жену и привлек ее к работе по созданию картотеки к этому выпуску. Из сопоставления протокола осмотра "Хроники" с протокола-

ми уголовных дел, упоминаемых в ней, обнаруживается клеветнический характер этого бюллетеня. Кроме того, в нем содержится клевета на внутреннюю политику СССР, "на места лишения свободы", пропагандируется антисоветская литература.

Указанные факты подтверждены данными как предварительного, так и судебного следствия.

Распространение "Архипелага ГУЛаг", более чем 10 номеров "Хроники" подтверждается показаниями Павловского (хотя он и отказался давать показания в суде), а также Алексеева-Попова. Показаниями Павловского также подтверждается распространение статьи Венцова "Думать!", где "с клеветнических позиций освещаются вопросы культуры, идеологической мысли".

Игрунов хранил дома статью Мороза, клеветническую на национальную политику СССР и на деятельность советской администрации. К делу приобщено определение суда о направлении на принудительное лечение в психбольницу В. Харитонов, автора одного из клеветнических материалов, хранимых Игруновым у родителей. Известно, что Мороз за свою статью также привлечен к уголовной ответственности.

Итак, доказано, что Игрунов совершил преступление.

Однако следует выяснить еще ряд вопросов:

- было ли вменяемым лицо, совершившее преступление;
- если нет, то следует ли применить меры медицинского характера и какие именно.

Стационарная экспертиза показала, что Игрунов страдает душевным заболеванием в форме шизофрении и инкриминируемые деяния совершил в состоянии невменяемости. Игрунов нуждается в принудительном лечении. При этом следует учесть, что совершенное Игруновым преступление не отнесено законом к категории тяжких и не представляет большой опасности для общества.

Игрунов совершил деяния, предусмотренные ст. 187-1 УК УССР, и нуждается в принудительном лечении в *больнице общего типа*.

Выступление адвоката Нимиринской

Прежде всего надо выяснить, имели ли место все те общественно-опасные деяния, о которых идет речь в "Постановлении",

и подпадают ли они под признаки диспозиции ст. 187-1 УК УССР.

По эпизодам:

1) Эпизод передачи Павловскому произведений Солженицына, Венцова, "Хроники" не подтвержден в судебном заседании. Мы лишены возможности перепроверить в суде его показания, данные на предварительном следствии. Павловский заявил, что вводил следствие в заблуждение, и отказывается от показаний. Показания Алексеева-Попова не проясняют дела — он получил "Архипелаг ГУЛаг" от Павловского, а где взял эту книгу Павловский, не знает. Эти показания касаются только Павловского, но не Игрунова.

2) Показания В. Резака о том, что летом 1974 г. Игрунов передал ему через О. Курсу фотопленки с "Технологией власти", не убедительны и противоречивы. В суде выяснилось, что, вопреки показаниям на предварительном следствии и "Показанию о совершенном преступлении" от 16 февраля 1975 г., Резак не знал, что он получил, сколько и от кого. Резак утверждает, что обо всем этом узнал от следователя. О том, что пленки с "Технологией власти" получены Курсой от Игрунова, Резак знал лишь со слов Курсы. С Игруновым он об этом не говорил. Пленки изъяты у Курсы. Здесь же рассматривается дело Игрунова, а не Курсы. Если Курсу не сочли нужным даже вызвать в суд, значит, показания Резака, виновного в общественно-опасной деятельности, отражают лишь мнение следствия, а не установленные факты.

3) Эпизод передачи фотопленок Резаку в феврале 1975 г. защитой не оспаривается.

4) Необходимо исключить из обвинения эпизоды хранения "Репортажа из заповедника им. Берия" В. Мороза, "Хроники" № 32, а также обнаруженных у родителей Игрунова "Технологии власти", "Трех русских революций" и т. д. Хранение не является преступлением, предусмотренным ст. 187-1. Ответственность за хранение антисоветской литературы предусматривает ст. 62 УК УССР, но не 187-1.

Материалы, изъятые на обыске у родителей Игрунова, не могут иметь отношения к данному делу, ибо нет прямых показаний, что они принадлежат Вячеславу Игрунову.

О 32-ом выпуске "Хроники". Обвинение утверждает, что "Игрунов ознакомил с ним жену". Жена Игрунова С. Арцимович, начав давать показания в суде, внезапно отказалась продолжать. Но даже из сказанного ею ясно, что "Хроникой" она и муж владели вместе. Записи в картотеке частично исполнены ее рукой. Этот эпизод также надо снять.

5) Эпизод, связанный с передачей книги "Архипелаг ГУЛag" Миролюбову, защита не оспаривает. Факт устных высказываний также доказан.

О заключении судебно-медицинской экспертизы. Защита не может спорить с диагнозом, поставленным специалистами. Но следует отметить, что данный случай достаточно сложен.

К 25 мая врачи не смогли прийти ни к какому заключению и дали, так сказать, заключение о невозможности дать заключение. "Клиническая картина не ясна. Необходимо продлить наблюдение" Но 29 мая врачи почему-то отказались от дальнейшего наблюдения и от дачи заключения — из-за сложности случая. Правда, эксперт Лямина сообщила нам о колебаниях некоторых членов комиссии и о том, что были "сторонники" шизофрении, — но в акте сказано лишь о психопатической структуре личности. В Институте им.Сербского также не смогли сразу поставить диагноз — в акте от 28 июля был приведен ряд признаков, но диагноз поставлен не был. И лишь 1 сентября появилось категорическое заключение о невменяемости с диагнозом "шизофрения".

Уже и в этом заключении необходимость направления в больницу специального типа не была строго мотивирована, и по этому пункту защита и раньше готова была спорить с заключением. Дело в том, что ст. 187-1 карает не за особо опасные преступления; деяния, подпадающие под признаки этой статьи, не представляют большой опасности для общества. Но — в суде эксперт Азаматов сам отказался от этого пункта; он считает, что достаточно помещения в больницу общего типа. Мнение эксперта, конечно, не обязательно для суда, но оно должно быть учтено.

Защита просит вынести определение о принудительном лечении *в больнице общего типа.*

* * *

Суд удаляется на совещание.

Объявляется перерыв, длившийся около двух часов.

После перерыва зачитывается Определение суда:

Игрунов в течение 1974-75 гг. распространял клеветнические измышления, порочащие советский государственный и общественный строй.

Суд счел доказанными: эпизоды, связанные с В. Резаком (лето 1974 г. и февраль 1975 г.); эпизоды, связанные с Миролюбовым; факт ознакомления С. Арцимович с "Хроникой" № 32 и составление совместно с ней картотеки.

Сняты обвинения в передаче Павловскому книги "Архипелаг ГУЛАг", выпусков "Хроники" и статьи Л. Венцова "Ду-мать!" — за невозможностью перепроверить в судебном следствии показания Павловского.

За недоказанность намерения к распространению сняты обвинения в хранении у родителей "Технологии власти" Авторханова, "Дисангелия от Марии Дементной", статей "Три русских революции" и "Проект основного закона России".

Исключено обвинение в хранении "Репортажа из заповедника им. Берия" В. Мороза.

Судебно-следственной психиатрической экспертизой установлено, что Игрунов страдает душевным заболеванием — хронической шизофренией.

Суд определил:

Игрунова Вячеслава Владимировича подвергнуть принудительному лечению в психиатрической больнице общего типа.

Суд вынес частное определение в отношении свидетеля Г.О. Павловского — о привлечении его к уголовной ответственности за отказ от дачи показаний в суде. (Санкция соответствующей статьи УК УССР — до трех месяцев исправительных работ — Хр.)

* * *

Нетрадиционной юридической корректности суда (если не принимать во внимание почти полного отсутствия доказательств криминальности рассматриваемых текстов) и необычному факту пересмотра экспертом рекомендаций психиатрической экспертизы — соответствовал тон ведения процесса. Судья Мешкова придерживалась установлений УПК (вплоть до того,

что С. Арцимович, по паспорту литовке, и А.И. Полянской, по паспорту польке, предлагались переводчики. Впрочем, украинцам Миролюбову и Шкорбуту переводчиков не предлагали). И судья, и прокурор не обрывали свидетелей и не угрожали им (ср. с процессами Твердохлебова и Джемилева, наст. вып. "Хроники"). Процесс велся, в основном, в спокойном и деловом тоне. Всех желающих пропускали (и даже приглашали!) в зал суда. Работников КГБ и оперативников почти не было ни в зале, ни в коридорах суда. В последний день суда зал оказался заполнен молодыми людьми, назвавшимися студентами-медиками, и друзьям и родственникам Игрунова негде было сесть. Тогда председатель Одесского облсуда предоставил для слушания дела большой зал, где всем хватило места.

* * *

Кассационная жалоба не подавалась, и 25 марта В. Игрунов был перевезен из тюрьмы в Одесскую областную психиатрическую больницу № 1. Вплоть до этого момента Игрунов не знал ни о прошедшем суде, ни об окончании следствия, ни даже о результатах судебной экспертизы.

С момента ареста Игрунов последовательно отказывался от какого-либо участия в следствии и экспертизе.

* * *

В защиту Вячеслава Игрунова за рубежом выступали Королевская ассоциация психиатров (Англия), Международная комиссия психиатров против злоупотреблений психиатрией (Швейцария), некоторые представители эмиграции — Наталья Горбаневская, Леонид Плющ, Александр Солженицын, Марина Войханская, Виктор Файнберг. В СССР имя Игрунова упоминалось в заявлениях Инициативной группы, обращениях А. Сахарова, интервью Т.С. Ходорович и М.Н. Ланда.

СУД НАД ВАЛЕРИЕМ МАРЕСИНЫМ

14 апреля 1976 г. Верховный суд Литовской ССР рассмотрел дело Валерия Маресина, обвиняемого в отказе от дачи свидетельских показаний (ст. 189 УК Лит. ССР). Заседание шло

под председательством члена Верховного суда Лит.ССР А. Янкаускаса. Народные заседатели — В. Терешина и М. Баронас, прокурор — старший советник юстиции Кузнецов.

В небольшом зале суда лишь несколько человек — друзья подсудимого.

Маресин сразу же заявил, что не намерен отвечать на вопросы суда. Он отказался от адвоката.

Ранее он написал заявление о своем отказе участвовать в судебной процедуре (Хр. 39). Там же, ссылаясь на ст. 246 ч. 2 УПК РСФСР, он просил не вызывать его в суд. Маресин получил ответ, что аналогичной статьи в УПК Лит.ССР нет.

Из обвинительного заключения:

12 февраля 1975 г. на предварительном следствии и 10 декабря 1975 г. в судебном заседании по делу Ковалева Маресин показал, что 9 октября 1974 г. он вместе с Добрачевым Ю.П. приехал в лабораторию Института экспериментальной ветеринарии, чтобы заснять на фото пленку для Добрачева книгу А. Швейцера "Культура и этика". Воспользовавшись затем отсутствием в лаборатории других лиц, Маресин начал фотоспособом копировать книгу А. Солженицына "Архипелаг ГУЛаг", части 3 и 4, изданную за границей, которую он принес в портфеле вместе с книгой Швейцера и другими записями. В момент копирования книги "Архипелаг ГУЛаг" Маресин был застигнут лаборанткой Чикиной В.Н. и заведующим лабораторией Горбатовым В.А., изъявшим у него данную книгу.

Будучи предупрежден об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний по ст. 182 УК РСФСР и ст. 189 УК Лит.ССР, Маресин в процессе предварительного следствия и в судебном заседании... отказался дать показания о лице, от которого он получил изъятую у него книгу "Архипелаг ГУЛаг". В предъявленном обвинении Маресин В.М. признал себя виновным частично и показал, что на протяжении всего предварительного следствия и в суде по делу Ковалева С.А. он отказался давать показания о лице, от которого получил книгу, однако этими действиями он якобы не ставил себе задачей ввести следствие и суд в заблуждение, а действовал из своих моральных соображений.

В своем заявлении от 9 февраля 1976 г. на имя Прокурора

Лит.ССР Маресин В.М.отказался от своих показаний и от участия в уголовном деле.

Далее в обвинительном заключении излагаются показания Горбатова, Чикиной, Добрачева.

Начинается допрос свидетелей.

Свидетель Горбатов показал, что Добрачев обращался накануне, попросил разрешения переснять литературу и обещал отремонтировать некоторые приборы в лаборатории. С подобными просьбами Добрачев обращался и раньше, однако разрешения на работу с фотокопировальным аппаратом Горбатов ему не давал, а поручал ее старшей лаборантке. Когда Добрачев принялся за ремонт прибора, Горбатов взял книгу, перелистал ее и, убедившись, что она издана в Советском Союзе, хотя и для научных библиотек, разрешил копирование. Через некоторое время ему позвонила Чикина и сообщила, что Маресин переснял одну книгу и теперь переснимает другую. Горбатов зашел в фотолабораторию. Обнаружив книгу Солженицына, он забрал ее. Позднее пришел Добрачев и заявил, что не знал о намерениях Маресина, что Маресин поступил непорядочно и он возмущен его поведением. Книгу попросил отдать. Горбатов книгу не вернул, а сдал ее в КГБ. По словам Чикиной, Маресин и Добрачев, отсняв книгу Швейцера, отдали ей проявить пленку, а сами продолжали работать. Руководствуясь распоряжением Горбатова, она позвонила ему и сообщила о происходящем.

Добрачев показал, что он намеревался переснять книгу Швейцера и несколько статей. Однако закончить работу не успел, т. к. его вызвали на экзамен. Вернувшись, он узнал о попытке Маресина переснять "Архипелаг ГУЛag". Кому принадлежит книга, он не знает. Объясняя случившееся, Маресин сказал ему, что работе ничто не препятствовало, а книга оказалась под рукой.

Прокурор: А если бы он вам сказал, что будет снимать и эту книгу? Согласились бы помочь?

Добрачев: Наверное, нет...

Прокурор: А если бы листовки?

Добрачев: Я советский человек... Вы должны задавать мне конкретные вопросы!

После допроса свидетелей судья зачитал выписку из прото-

кола судебного заседания по делу Ковалева. Согласно этой выписке Маресин показывал на суде, что знаком с письмом Ковалева Андропову, в котором Ковалев требует вернуть принадлежащую ему и отобранную у Маресина книгу Солженицына. "Я отказываюсь ответить на один вопрос, а не отказываюсь от дачи свидетельских показаний... Я не подтверждаю и не отрицаю факт получения книги от Ковалева. У Ковалева могут быть свои соображения..." В протоколе также отражен допрос Маресина следователем Истоминим 12 марта 1975 г. Истомин утверждал, что жена Ковалева Л. Бойцова уже дала показания о том, что книга принадлежит Ковалеву. Маресин не подтвердил показания Бойцовой, а позднее, в разговоре с ней, выяснил, что таких показаний она не давала. Затем была зачитана характеристика с места работы (отмечены деловые качества Маресина, а также сказано: "... избирался председателем месткома, является членом месткома,.... в общественной жизни не инициативен").

Выступление прокурора

"... Нет легких уголовных дел — за каждым делом стоит советский человек, решается его судьба... Подсудимый печатал книгу с черного хода,... мошенническим путем проник в лабораторию... Книга "Архипелаг ГУЛАг" носит антисоветский характер. Это известно из печати, и мы здесь обсуждать это не будем... Подсудимый не отрицал обстоятельств дела, хотя потом и отказался от своих показаний. Но мы исходим не из прихоти обвиняемого, а из имеющихся доказательств... Книга принадлежит Ковалеву. Ковалев подтверждал это на следствии и в суде. Нет необходимости сюда вызывать Ковалева. Он сам красноречиво рассказал об этом в судебном заседании. Он написал письмо, в котором просил вернуть книгу. Исходя из взаимоотношений Маресина и Ковалева, мы не вправе сомневаться, что подсудимый взял книгу у Ковалева. Маресин обязан был дать об этом показания на суде...,но Маресин заявляет с дерзостью и бестактностью: "Не скажу!" Заявление бестактное и бессмысленное, тем более что ни облегчить, ни отягчить приговор Ковалеву Маресин не мог". Затем прокурор дал отрицательную оценку внешнему поведению Маресина — его отказу отвечать на вопросы суда. Переходя к вопросу о мере наказания, он отметил,

что преступление подсудимого не является тяжким преступлением, а потому не тяжело карается законом, однако таит в себе социальное зло: "Если бы все отказывались от дачи свидетельских показаний! Как можно было бы вести борьбу?!" Характеристика с места работы говорит только об узких деловых качествах Маресина. В ней нет лица, морального облика, не сказано о моральном соответствии. А по делу Ковалева видно, что в лаборатории велись антисоветские разговоры.

Прокурор потребовал максимального наказания, предусмотренного данной статьей, — 6 месяцев исправительных работ. Он заявил, что будет ходатайствовать перед судом о направлении частного определения суда по месту работы Маресина. "Я полагаю, что его работа старшим научным сотрудником не может продолжаться... С таким поведением на этой должности работать нельзя... Надо учитывать как деловые, так и политические качества работника. Ведь это не рабочий... Я прошу внести в частное определение вопрос о бестактности поведения подсудимого..."

После двухчасового перерыва оглашается приговор: 6 месяцев исправительных работ с отбыванием по месту работы и удержанием 20% заработка. Судебные издержки в размере 53 р. 40 коп. удержать в доход государства.

ПАМЯТИ ЕФИМА ДАВИДОВИЧА

24 апреля 1976 г. умер Ефим Аронович Давидович, полковник в отставке, участник Великой Отечественной войны, награжденный восемнадцатью орденами и медалями, все последние годы боровшийся за право советских евреев на выезд в Израиль.

Ефим Давидович родился в Минске в 1924 г. Восемнадцать лет добровольцем ушел на фронт. Пять раз был ранен. После войны с отличием окончил Академию им. Фрунзе. Служа в армии, перенес два инфаркта и в 1969 г. уволен в запас.

Неравнодушный к судьбе своего народа, перенесшего в последние десятилетия страшные испытания (в минском гетто погибли 200 тысяч евреев и среди них родители Давидовича и трое его малолетних братьев), Давидович честно и громко выступил

против антисемитизма. Письма, обращения, протесты Давидовича привлекли к нему общее внимание, и особенно острое внимание органов госбезопасности. В 1972 г. против него возбуждено уголовное дело по обвинению в антисоветской агитации и пропаганде. 1 декабря 1972 г. Давидович был арестован, но через сутки освобожден под подписку о невыезде. В течение полугода Давидовича допрашивали, доводя продолжительными и интенсивными допросами до обмороков, до инфарктов. После очередного допроса 21 февраля 1973 г. Ефим Давидович был помещен в реанимационное отделение, жизнь его висела на волоске.

Под давлением общественности в мае 1973 г. дело против Давидовича ("дело № 97") было закрыто. Но травля не прекратилась, даже усилилась. О нем публиковались тенденциозные статьи, ему не давали ездить в Москву, силой снимали с поезда.

В мае 1975 г., после выступления на антифашистском митинге в районе бывшего минского гетто, Давидович был лишен звания полковника в отставке, соответствующей пенсии и медицинского обслуживания (Хр. 39). Это немедленно отразилось на его здоровье: 1 марта 1976 г. Давидович перенес пятый инфаркт.

До последнего дня Давидович боролся с несправедливостью. Можно, не преувеличивая, сказать: он жил как человек, он умер как воин.

Знавшие Давидовича будут помнить его — человека доброго, честного и бесстрашного.

* * *

Во время последней болезни Давидовича еврейские активисты попытались добиться для него и его семьи разрешения на выезд в Израиль. 17 марта Л. Овсишер, И. Нудель и А. Лернер были в связи с этим на приеме у начальника всесоюзного ОВИРа В. Обидина, который пообещал дать ответ в ближайшее время. 21 марта в Минске Давидовича посетили В. Рубин и кандидат медицинских наук С. Липавский. Осмотрев Давидовича, Липавский направил срочные телеграммы в ЦК КПСС, в МВД СССР и первому секретарю ЦК КПБ Машерову, где указал на серьезность состояния Давидовича и сообщил, что благоприятного исхода болезни можно ожидать лишь при радикальном

изменении условий его жизни. 25 марта 1976 г. ОВИР отказался рассматривать просьбу о выезде Давидовича, ибо "по сведениям ОВИРа Давидович чувствует себя прекрасно". Получив такой ответ, А. Лернер, И. Нудель, Л. Овсищер, В. Рубин и С. Липавский пришли в центральную приемную КГБ и передали следующее заявление:

Наше обращение в МВД СССР с просьбой срочно и гуманно рассмотреть вопрос о разрешении на выезд Ефиму Давидовичу, как это вытекает из Хельсинского Акта, осталось безрезультатным. Никто в мире не поверит, что выезд смертельно больного человека, который более семи лет назад ушел в отставку, может причинить ущерб безопасности Советского Союза. Не может быть сомнения в том, что создавшееся положение грозит взрывом негодования во всем мире.

В тот же день Лернер, Нудель, Овсищер, Рубин и Липавский направили телеграммы идентичного содержания на имя А. Громыко и Г. Вильсона в Лондон:

Жизнь Ефима Давидовича, героя Второй мировой войны, выдающегося борца за права советских евреев, в смертельной опасности. Отказ дать разрешение на выезд больному человеку, перенесшему пятый инфаркт, является вопиющим нарушением соглашения в Хельсинки. Просим Вас незамедлительно принять соответствующие меры.

Узнав о смерти Давидовича, 57 советских граждан выступили с таким заявлением:

То, чего долго добивались, совершилось. Погиб полковник Ефим Давидович, герой войны с фашистами, кавалер восемнадцати советских орденов и медалей, непреклонный борец за права советских евреев, человек редкостного мужества. Убит органами КГБ. Убит за то, что самоотверженно боролся за права советских евреев эмигрировать в Израиль и, не щадя себя, защищал каждую жертву преследований. То, чего не могла сделать пуля гитлеровцев, хладнокровно совершили палачи из КГБ. Так расплатились они за кровь, пролитую Давидовичем в боях за Россию, Украину, Белоруссию, за то, что он, еврей, решил уехать туда, где построено еврейское государство, где его дочери и внуку, его близким

и родным не пришлось бы подвергаться издевательствам со стороны власть имущих антисемитов. Убийство совершенно без избиений, без иголок, вгоняемых под ногти, без стоячих карцеров и прочих аксессуаров сталинской эпохи. Современные преемники Берии и Ежова умеют убивать, не оставляя явных следов... После пятого инфаркта, когда возникла реальная угроза его жизни, мы обратились в ЦК КПСС и в Министерство внутренних дел. Мы предупредили, что Ефим Давидович находится в критическом состоянии, и просили разрешить ему выехать в страну, которую он считал своей родиной. Возможно, это предотвратило бы его преждевременную гибель, но если бы все же он умер в Израиле, то было бы исполнено его последнее желание — умереть на Родине. Но те, кого мы призывали исполнить последнюю волю умирающего человека, ответили нам устами Альберта Иванова (ЦК КПСС) и Владимира Обидина (МВД СССР), что по их сведениям Давидович чувствует себя прекрасно.

Вечная память герою и мученику Ефиму Давидовичу.

* * *

26 апреля в 17 часов в Минске состоялись похороны Ефима Давидовича. Присутствовало более 300 человек, в их числе 17 еврейских активистов из Москвы, Вильнюса и Таллина. К крышке гроба был прикреплен израильский флаг, у участников похоронной процессии были нарукавные повязки — голубая лента на белом фоне. На кладбище выступили Л. Овсицер, А. Лернер, В. Рубин и — с коротким словом — вдова покойного М.К. Давидович. Затем был прочитан кадиш — еврейская заупокойная молитва.

В тот же день в 18 часов был прочитан кадиш в московской синагоге. После кадиша у синагоги состоялся траурный митинг, в котором участвовало более 50 человек. На митинге выступил В. Файн.

Утром 26 апреля сотрудники милиции посетили нескольких еврейских активистов и уговаривали их не приходить на митинг. У синагоги было много милиционеров и агентов КГБ в штатском.

Митинг прошел без инцидентов.

ВАЛЕНТИН МОРОЗ НА ПСИХИАТРИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ

1 июня Валентина Мороза должны были после шести лет тюрьмы перевести в лагерь.

Раиса Мороз с марта не получала писем от мужа. В ответ на ее многочисленные запросы начальник тюрьмы известил ее, что В. Мороз направлен в "медицинское учреждение" для *установления характера физической работы*, которой он мог бы заниматься в лагере. Попытки выяснить у администрации тюрьмы, какое это медицинское учреждение, не увенчались успехом. Тогда Р. Мороз приехала в Москву и обратилась в ГУИТУ и в медицинское управление МВД. И здесь она не сразу получила ответ. Сотрудник медуправления Калинин, курирующая Владимирскую область, отказалась ответить на вопрос, является ли это "медицинское учреждение" психиатрическим. 17 мая Р. Мороз заявила ей, что, если это психбольница, она, уверенная в психическом здоровье своего мужа, не будет молчать: "Вы получите второго Плюща".

На следующий день Р. Мороз принял зам. начальника медуправления В.Н. Попов. В кабинете были еще 5 человек. Попов сказал, что В. Мороз находится в Институте им. Сербского "на *соматическом обследовании*". В Институте Сербского выяснилось, что Мороз прибыл сюда 10 мая на *психиатрическую экспертизу* в связи с тем, что в последнее время у него наблюдалось "скливленное настроение", и что обследование продлится примерно месяц. Это сказала Р. Мороз врач В. Мороза Маргарита Феликсовна (фамилия секретна). Врач сообщила также, что Мороз спокоен, вежлив, общителен, в хороших отношениях с соседями.

19 мая Морозам дали часовое свидание, и от мужа Раиса услышала, что В.Л. Рогов, психиатр Владимирского облздрави, записал в направлении две причины: 1) Мороз занимался членовредительством, 2) он повышенно религиозен (религиозность как болезненный симптом В.Л. Рогов записал также и в направлении на психиатрическую экспертизу Игоря Огурцова, который был признан экспертами здоровым).

Раиса сказала мужу, что "умрет, но вытащит его из психушки". Мороз, благодарный за ее решимость, сказал только, что

это может оказаться ей не под силу. "А я не одна. Что ты здесь, уже все услышали", — ответила она.

"Хроника" напоминает:

Валентин Яковлевич Мороз, 1936 г. р., украинский историк и публицист, впервые был арестован в период августовских репрессий 1965 г. против интеллигенции на Украине (тогда же впервые арестовали И. Светличного, братьев Горынь, М. Осадчего, И. Геля и других. Получил тогда 4 года лагерей и был направлен в Мордовию. Там он написал ставшую знаменитой статью "Репортаж из заповедника имени Берия".

1 июня 1970 г., через 9 месяцев после освобождения, В. Мороз был вновь арестован — за эту и еще три самиздатских статьи. Его приговорили к 9 годам заключения, первые 6 лет в тюрьме и 3 года в лагере, с последующей ссылкой на 5 лет (Хр. 17).

В августе 1972 г. уголовник, посаженный в камеру Мороза, порезал ему живот отточенным черенком ложки. Теперь Рогов называет этот случай членовредительством, хотя начальник тюрьмы подтвердил тогда письменно акт нападения.

Помещенный после этого случая "по собственному желанию" в одиночку, Мороз в 1974 г. держал 145-дневную голодовку (Хр. 32, 33).

Об угрозе применения к В. Морозу психиатрических репрессий, исходившей от психиатра В.Л. Рогова, сообщалось в "Хронике" № 36.

* * *

Конгресс Соединенных Штатов Америки объявил недавно, что Валентин Мороз включен в список лиц, за судьбой которых Конгресс наблюдает особо.

В ТЮРЬМАХ И ЛАГЕРЯХ

Владимирская тюрьма

Право на переписку.

С конца 1975 г. начальник Владимирской тюрьмы Завьялкин стал активно руководить ходом переписки заключенных. С декабря 1975 г. перестали выдавать приходящие в письмах

стереотипы. С февраля 1976 г. участились случаи конфискации входящих и исходящих писем. Акты о конфискации перестали предъявлять. Исходящие письма конфисковывают "как подозрительные по содержанию". Мотивы конфискации входящих — не объявляют. Конкретные места в тексте писем заключенных, подтверждающие мотив конфискации, не показывают; вносить исправления в письма, не удовлетворившие цензора, не дают. 11 марта Завьялкин распорядился вообще не уведомлять заключенных о конфискации входящих писем, а о конфискации исходящих уведомлять без объявления причины (фактически такая практика была введена еще в феврале). Блокировано получение ценных писем.

В январе конфисковано 60-70% корреспонденции, адресованной Любарскому, — около 40 писем. В феврале две его попытки отправить очередное письмо пресекались цензором. 23 февраля 1976 года Любарский заявил об отказе от переписки до тех пор, пока не будет отменена незаконная конфискация корреспонденции. Он подал в суд на администрацию тюрьмы. Суд не стал рассматривать это дело, ответив, что взаимоотношения заключенных и администрации неподсудны. Любарский обжаловал это решение в кассационном порядке.

Ранее, по тем же причинам, что и Любарский, отказался от переписки с семьей М. Макаренко.

Многочисленно конфисковывалась корреспонденция Ю. Вудки, особенно — письма к родителям. Письма к друзьям с трудом, но проходили. Часто не пропускались письма невесты Ю. Вудки из Израиля. 23 марта, перед отправкой в лагерь, Вудка объявил голодовку из-за трудностей с перепиской.

Январское письмо Пашнина было отправлено после 12-дневной задержки. Из 12 поздравительных открыток, вложенных в письмо, в конверте оставили одну. Февральское письмо было конфисковано.

Давыдов по несколько раз переписывал январское и февральское письма. 17 марта 1976 г. он послал такое письмо: "Здравствуй... До свидания". Этот текст удовлетворил цензора.

Г. Суперфину январское письмо пришлось переписывать трижды. На неоднократные запросы полковник Завьялкин отвечал: "Г. Суперфин правом переписки пользуется".

Когда Суперфин направил научный запрос в журнал "Декоративное искусство", Завьялкин вложил в письмо записку. В записке, адресованной главному редактору журнала, указывалось на нежелательность переписки с заключенным Суперфином.

Суперфин написал официальное письмо в издательство "Художественная литература" по поводу конфискации Библии. Он просил разъяснить администрации тюрьмы, что Библия имеет литературно-художественную ценность. В этом письме, как и в предыдущем, находилось послание Завьялкина главному редактору журнала "Декоративное искусство", хотя адресат никакого отношения к этому журналу не имел.

По поводу переписки заключенными написано много жалоб в различные инстанции. Они требуют:

1. Отправить все неотправленные письма.
2. Отменить незаконные конфискации входящих и исходящих писем.
3. В случае обнаружения цензурой недопустимых с ее точки зрения фрагментов, до принятия решения о конфискации исходящего письма — указывать эти места заключенному с предложением внести соответствующие исправления в текст письма.
4. Производить изъятие только той части входящего письма, где имеются недопустимые места.
5. Предъявлять акт о конфискации любого письма.
6. Объявлять мотив конфискации.
7. Предоставлять возможность лично расписываться на уведомлении о вручении поступающих писем.
8. Выдавать почтовые квитанции на отправляемые заказные письма.
9. Снять с занимаемых должностей начальника оперчасти подполковника Угодина и цензора Н. Митюкову, лично ответственных за организацию и осуществление противозаконного лишения заключенных права на переписку.
10. Выдавать письма в карцерах.

Все жалобы пересылаются обратно во Владимирскую тюрьму. Начальник тюрьмы Завьялкин отвечает: "Действия администрации правильные".

С 15 марта началась массовая конфискация жалоб без указания причин. Интересно, что копии одних и тех же жалоб в од-

ном случае отправляются, в другом — конфискуются.

На вопрос о мотивах конфискации очередной серии жалоб капитан Дольников ответил: "Руководству виднее". Дольников ссылается на указание Генерального Прокурора Руденко, который, по его словам, недавно посетил Владимирскую тюрьму.

Карцер № 1 — лучший карцер.

Во Владимирской тюрьме примерно 50 карцеров. По словам заместителя начальника тюрьмы по режиму карцер № 1 — лучший. Он вдвое просторнее других (его площадь — 1,2 м на 2,2 м), вместо "параши" есть унитаз.

Вентиляции в карцере нет, и, т. к. унитаз без сифона, в карцере — вонь. Окно без форточки, стекло разбито, и карцерники сплошь заклеили его обрывками газет. Голый цементный пол. Вместо сидения бетонный полуцилиндр, приделанный к стене (высота — 50 см, длина вдоль стены — 30 см, ширина — 22 см). Сверху полуцилиндр покрыт доской, окованной железом. Сидеть на этом сооружении трудно: быстро устают ноги и спина, в спину врезаются острые бугры цементной "шубы". В карцере холодно.

У помещенного в карцер отбирают всю теплую одежду, он одет в тонкую хлопчатобумажную робу, бушлат и постель не выдаются даже на ночь. На время сна в карцер втаскивают тяжелый, окованный железом деревянный топчан.

* * *

22 августа 1975 г. Вудка, Роде и Чекалин получили по 7 суток карцера после того, как пожаловались на несъедобность рыбы.

12 октября 1975 г. Гродецкий получил 10 суток карцера за отказ стоять во время получасового посещения камеры прокурором Образцовым.

26 сентября за жалобу на заместителя начальника УИТУ А.Д. Ларина 8 суток карцера получил Сафронов. Потом это наказание было отменено. В ответе прокурора говорилось: "Установлено, что Сафронов А.В. по постановлению от 25.9.75 подвергнут взысканию необоснованно. В связи с этим приняты меры к отмене этого взыскания и привлечения к ответственности

лиц, по вине которых Сафронова водворили в карцер”.

С 28 октября по 19 ноября 1975 г. (за исключением одного дня) был в карцере Балахонов.

С 10 по 14 ноября 1975 г. в тюрьме проведена голодовка протеста против участвовавших посадок в карцер (Хр. 38).

Сусленский был в карцере с 21 января по 2 февраля и с 17 февраля по 3 марта 1976 г. — за жалобы.

7 февраля получил 10 суток карцера за жалобы Пашнин.

6 февраля получил 10 суток Макаренко, а 8 февраля — 12 суток Любарский. Оба — за перестукивание с Суперфином.

В середине марта в карцер водворили Сергиенко.

26 марта на 15 суток в карцер поместили Абанькина — ”за межкамерную связь”.

* * *

Владимир Буковский за отказ от работы переведен на строгий режим. С 19 февраля он получает пониженное питание и содержится в одиночной камере. Подобно Любарскому и Макаренко, он отказался от постоянно урезаемого права переписки. У Нины Ивановны Буковской после бесед с сотрудниками МВД и Отдела административных органов ЦК КПСС, происходивших 17 мая, создалось впечатление, что ее сын держит голодовку.

* * *

С 10 декабря 1975 г. по 13 января 1976 г. держал голодовку Владимир Иванович Константиновский. В камере он находился один.

Константиновскому 34 года, он женат, двое детей. До ареста жил в Калининграде, военный. Арестован по ст. 64 УК РСФСР. Суд был в Москве. Приговор — 5 лет тюрьмы + 5 лет лагерей + 5 лет ссылки. Инкриминировался Константиновскому шпионаж. Он себя виновным не признает. О Константиновском и его поделнике В. Лысенко упоминалось в ”Хронике” 38.

Жена Константиновского — Людмила Николаевна, сыновья — Володя и Иван. Мать — Константиновская Антонина Федосеевна — живет в Ленинграде, пр. Шаумяна, д. 73, кв. 34. Тел. 210-875.

* * *

Алексей Сафронов держал голодовку с 26 декабря 1975 г. по 15 января 1976 г., требуя перевести его из камеры 2-36. Эта камера находится рядом с инфекционным отделением (туберкулезные, венерические и др. больные). Санузел на этаже общий для всех.

15 января требование Сафронова было удовлетворено.

* * *

13 и 16 февраля 1976 г. с В.П. Федоренко беседовал тюремный психиатр Рогов. После беседы Федоренко были сделаны два укола. 20 февраля на Федоренко надели наручники и сбрили ему усы. Акция проводилась под наблюдением майора Киселева. В тот же день Федоренко на 15 суток бросили в карцер. Бушлат в карцер ему выдали только после протестов заключенных. 27 февраля Федоренко в карцере посетили Завьялкин и Ларин. Они уговаривали Федоренко снять голодовку, обещали выпустить из карцера. Федоренко отказался. Трое суток карцера ему все же сняли.

В конце марта Федоренко продолжал голодовку. Состояние его очень тяжелое — нарывы по всему телу, отнимаются нога и рука.

* * *

Украинцы во Владимирской тюрьме.

У украинцев из-за желания пользоваться родным языком часто возникают трения с администрацией.

Валентину Морозу на свидании с сыном запретили разговаривать по-украински. На Мороза был составлен акт "о нарушении дисциплины, невыполнении приказа".

Несмотря на то, что для проверки писем законом установлен трехдневный срок, письма, написанные на украинском языке, часто задерживают по месяцу, мотивируя задержку необходимостью перевода на русский язык.

В.Ф. Завьялкин — А.К. Здоровому, апрель 1975 г.: "Если хотите, чтобы было быстрее, — пишите на русском языке, как все нормальные люди".

Были случаи, когда жалобы, написанные по-украински, возвращались. "Для рассмотрения заявления по существу предложите переписать на русский язык", — рекомендовано в одном из ответов.

Капитан Дольников вернул Здоровому письма, адресованные в официальные учреждения Днепропетровска, требуя переписать адрес по-русски.

Тот же Дольников заявил Приходько: "Вы должны быть благодарны нам за то, что мы не удерживаем с вас денег за перевод ваших писаний на русский язык..."

Тюремная библиотека отказывается выписывать что-либо из украинской периодики. Заблокирована подписка на "Друг читача", "Перець". Подписка на другие украинские издания также затруднена.

* * *

С 1 октября 1975 г. украинцам начали в принудительном порядке стричь усы. Администрация ссылается при этом на тайный приказ № 0125 от 30 мая 1975 г. МВД СССР. С 1 по 20 октября этой процедуре подверглись Лукьяненко, Сергиенко, Здоровый, Федоренко.

17 января 1976 г. Здоровый отказался сбрить вновь отросшие усы. Приказание он расценил как оскорбление его человеческого и национального достоинства. При этом Здоровый не оказывал активного сопротивления, а надзиратели не захотели применять насилие. Тогда дежурный помощник начальника тюрьмы майор Киселев лично заломил Здоровому руки, пригнул его шею и приказал заключенному из obsługi начинать стрижку. После этой экзекуции Здоровый долго не мог шевельнуть ни руками, ни головой.

Майор Киселев составил на Здорового акт о "нарушении режима, выразившемся в неподчинении приказу, невыполнении распоряжения о сангигиене".

* * *

За отказ от работы переведены на строгий режим:

20 декабря 1975 г. — А. Здоровый (на 6 месяцев повторно);

6 января 1976 г. — на 2,5 месяца, до конца тюремного срока, Ю. Вудка;

у И. Вальдмана строгий режим (Хр. 39) кончился 20 марта.

* * *

20 марта вернулся из Риги Г. Роде. Ему дали возможность побывать на могиле отца, возили по городу. Гунару Роде предлагали подать на помилование, но он отказался.

* * *

15 марта, спустя две недели после карцера, Яков Сусленский был доставлен в тяжелом состоянии в тюремную больницу. Врач Сухачева Лариса Кузьминична поставила диагноз: церебрально-сосудистый криз. Болезнью заинтересовался тюремный психиатр Рогов: он обнаруживает "синдромы психиатрического заболевания" и вызывает гражданских психиатров.

После медицинской помощи Сусленскому стало лучше.

16 марта было обследование, и приезжие врачи подтвердили диагноз Сухачевой.

* * *

22 февраля во Владимир возвращен Ма-Хун (он же Юй Шилин, Хр. 39). Он находился в Москве на преследовании. Китайцы, дававшие на него показания, говорят теперь, что делали это под давлением следователя. Нового суда не было, но Ма-Хун надеется на смягчение приговора.

Уезжая из Владимира, Ма-Хун не имел денег, и в Лефортове он сидел без ларька. Писать письма в Москве ему не разрешали.

19 марта ГБ вызвал Г. Давыдова. Он предлагал Давыдову воздействовать на жену, чтобы она прекратила переписку с Ма-Хуном. Гебист намекал, что жену Давыдова могут лишить ленинградской прописки.

* * *

В Хр. 39 уже сообщалось об антирелигиозной деятельности администрации Владимирской тюрьмы. Еще несколько штрихов.

В 1974 г. у Л. Лукьяненко отняли нателный крест. Ранее у В. Мороза отняли крест и изъяли тексты молитв.

20 ноября 1975 г. Завьялкин — Пашнину: "Вот Черноглаз грозился поднять шум по подобному вопросу, а уехал, и никакого шума нет. Поэтому крестики изымали и будем изымать".

13 апреля Пашнину крест вернули.

19 октября 1975 г. у Ю. Вудки изъяли еврейский религиозный календарь. На жалобу начальник УИТУ ОВД Владимирского облисполкома Капканов ответил: "Так как синагога не является ни государственным, ни общественным издательством, календарь изъяли правильно".

* * *

Как уже сообщалось, 22 января 1976 г. из-за конфискации Библии, Молитвослова и трех номеров "Журнала Московской Патриархии" объявил голодовку Г. Суперфин (Хр. 39). Из-за отказа добровольно сдать религиозную литературу первые 6 суток голодовки Суперфин провел в карцере. Суперфин голодал 33 дня — с 22 января по 26 февраля.

На многочисленные жалобы заключенных помощник прокурора Владимирской области И. Ф. Сычугов и начальник УИТУ Владимирского облисполкома Н.П. Капканов отвечали однообразно: "Действия администрации являются правомерными".

После окончания голодовки Суперфину назначено диетическое питание.

* * *

"Хроника" 38 сообщала об Айрапетове. Сейчас о его деле стало известно подробнее. Айрапетов врач-стоматолог, ему 47 лет. Бакинец. После ареста проходил психиатрическую экспертизу. Был признан вменяемым, хотя в акте экспертизы говорилось о паранойяльном развитии личности. Айрапетову инкриминировались ругательные письма Л.И. Брежневу, которые он отправлял почтой. Письма касались личных и общественных вопросов. Верховный суд Азербайджанской ССР осудил Айрапетова по ст. 63 УК АзССР (соотв. ст. 70 УК РСФСР) на 7 лет заключения, из них — первые три года в тюрьме.

* * *

20 октября 1975 г. Давыдов обратился с заявлением к Председателю комитета по проведению в СССР Международного года женщин К.Т. Мазурову. Г. Давыдов обращает внимание на существование в СССР женских политлагерей. В стране, где есть политлагеря, идет гражданская война, пишет он. "Ярчайшее свидетельство незатухающей гражданской войны — существование в стране женщин-политузниц". Давыдов требует ликвидировать женские политлагеря.

Одновременно с заявлением Г. Давыдов объявил голодовку.

* * *

Письмо К. Любарского от 1 июня 1975 г. Тема письма — решение ВАКа лишить Любарского степени кандидата физико-математических наук из-за его антипатриотической деятельности. За последнее время подобная судьба постигла к.т.н. А. Бо-

лонкина, к.ф.н. В. Лисового, к.ф.м.н. Г. Дубовова. Самое постыдное, по мнению Любарского, заключается в том, что растлеваются души тех, кто голосовал за это решение ВАКа.

Заявление кончается словами: "... человека можно "разжаловать" из кандидатов наук, но нельзя разжаловать из ученых".

* * *

Георгий Давыдов подвергнут наказанию за попытку передать информацию на волю.

В Мордовских лагерях

Лагерь № 17

Режим за последние несколько месяцев ужесточился. Особо — во время съезда. При обысках раздевают догола. Усилились наказания. За однодневные голодовки стали водворять в ШИЗО. Стали наказывать и за поддержку голодающих. Стали конфисковывать открытки с дарственными надписями. Такие открытки заключенные, по обыкновению, дарят друг другу на дни рождения и другие праздники. С нового года запрещена подписка на газеты и журналы вне зоны. Нельзя подписаться на периодику, издаваемую в других республиках. В последнее время запретили передавать в посылках какао.

* * *

В июле 1975 г. представители администрации учреждения ЖХ-385 уверяли родителей Паруйра Айриkyяна в скором возвращении сына домой. В том же месяце Айриkyяну был объявлен выговор. Он подал жалобу прокурору и сразу же был лишен ларька на август. 11 августа Айриkyян принял участие в голодовке (Хр. 37). Он требовал пересмотра дел, легализации Национальной Объединенной Партии Армении, проведения в Арм. ССР референдума по вопросу об отделении Армении.

Требования Айриkyяна поддерживали Граур, Попадюк, Хейфец. Хейфец, кроме того, заявил, что он протестует против нарушений соглашения в Хельсинки. После этого Хейфеца лишили ларька на месяц, Попадюка перевели во Владимирскую тюрьму.

На четвертый день голодовки Айриkyян не вышел на зарядку (голодающих должны изолировать на третий день), и его

лишили очередного свидания; к этому времени он уже был лишен ларька на сентябрь. 27 августа "за систематическое нарушение режима" Айрикян переведен на 5 месяцев в ПКТ.

В ПКТ его дважды лишали ларька — в октябре и ноябре. Хотели лишить и в декабре, но благодаря вмешательству прокурора ларек на декабрь восстановили. В камере, в которой он находился, были невыносимые санитарные условия. За 5 месяцев ПКТ Айрикян имел право отправить 3 письма. Первое пропало, не дойдя до адресата; второе дважды конфисковывалось, третий вариант этого письма проверяли около месяца, его судьба до сих пор неизвестна; следующее, январское, письмо было отправлено только в феврале, после трехкратного переписывания.

Знакомая Айрикяна, Е. Сиротенко, обратилась с запросом к начальнику по режиму ЖХ-385 Кривову. Она получила разъяснения, что Кривов и его аппарат исходят из "общей установки на все имеющиеся в его власти репрессии". Кривов разъяснил, что он не может дать формальную ссылку на эту установку.

В феврале, уже после выхода из ПКТ, Айрикян получил два выговора "за нарушение формы одежды".

После возвращения Айрикяна в зону ему не выдают письма на армянском языке, ссылаясь на отсутствие переводчика. (На соседнем 19 л/п письма Айрикяну вручались сразу.) 19 февраля 1976 г. П. Айрикян держал голодовку из-за задержки и пропажи его писем.

В поддержку Айрикяна написали заявление Солдатов и Стус. После этого Солдатов лишили ларька и перевели на более тяжелую работу. Стуса лишили послеоперационной диеты, назначенной на 6 месяцев (к тому времени после операции прошло 2 месяца).

У Айрикяна провели обыск. Изъяли письмо в Президиум Верховного Совета СССР, в котором, в частности, говорилось о Национальной Объединенной Партии Армении. Кривов заявил Айрикяну, что, если это письмо появится на Западе, на него заведут новое дело. Айрикяна предупредили также о возможном переводе во Владимир.

В конце марта Айрикяна отправили в карцер. В это время в лагерь приехали сотрудники ГБ из Армении. Они осматрива-

ли место Айрияна в бараке, расспрашивали о нем заключенных.

В связи с трудностями в переписке с Айрияном его мать направила 10 февраля жалобу в ГУИТУ. Е. Сиротенко писала 19 февраля — президиуму XXV съезда КПСС и 20 февраля — члену Политбюро А.П. Кириленко.

* * *

С середины февраля до середины марта Михаил Хейфец был в Саранске. Представители государственных органов уговаривали его написать просьбу о помиловании, предлагали "работать на них" в Израиле или Америке. В частности, было сказано: "Вы знаете, ведь там на нас многие большие писатели работали, например, Шоу..."

Хейфецу все время предлагают сотрудничать с администрацией, пока что его часто обыскивают.

* * *

После операции Стусу разрешили внеочередную посылку. Когда посылка прибыла в лагерь, администрация вернула ее обратно, сообщив, что Стус от посылки отказался.

Под таким же предлогом отсылают обратно посылки и бандероли Паулайтиса.

* * *

В марте 1976 г. Аршакяна (Хр. 34) возили в Ереван. Там его водили домой на свидание с родственниками. Свидания длились по несколько часов.

* * *

4 апреля Стус, Черновол и Хейфец провели однодневную голодовку в знак протеста против грубого обращения с заключенными в карцере.

Лагерь № 19

В феврале 1976 г. Р. Маркосян отказывался от работы, требуя предоставить ему необходимую медицинскую помощь (у него язва желудка) и содержать вместе с другими армянами-политзаключенными.

* * *

Владимир Осипов подвергается постоянным придиркам со стороны администрации. В частности, ему не дают разрешения

на дополнительные 2 рубля на ларек, хотя никаких нарушений по производственной работе у него нет и норму он выполняет.

* * *

В феврале-марте с Ю. Храмова в бане сорвали нательный крест. В баню его привели в наручниках.

Лагерь № 3

7 февраля объявила голодовку С. Шабатура. Голодать она начала из-за того, что у нее отняли рисунки (Хр. 39). Известно, что голодала она не менее 10 дней.

В Пермских лагерях

ВС 389/35 навстречу съезду.

20 февраля лейтенант Рогозов "обезвреживал" зону. Утром наряд из 4-х прапорщиков пришел на завод за Глуzmanом и Калыным. Их сразу же увезли в Пермь на профилактическую беседу. После обеда забрали Захарченко, Светличного, Пронюка. Их увезли на 37 зону и посадили в карцер (вскоре после переезда Пронюка перевели в медчасть 37 зоны). Марченко и Демидова, несмотря на их протесты, повезли в карцер на 36 зону. В дороге у Марченко начался приступ почечной колики, отчего у него обострился хронический нефрит.

24 февраля свои заявления в адрес президиума XXV съезда направили Альтман, Асельбаум, Басараб, Бутман, Верхоляк, Загробян, Кивило, Кийренд, Крючков, Мамчур, Машков, Мотрюк, Огурцов, Пидгородецкий, Пришляк, Сорока, Шахвердян, Шовковий. Депортированные из зоны Глуzman, Демидов, Захарченко, Калынец, Марченко, Светличный, Пронюк также послали свои заявления съезду. Все 25 заключенных провели однодневную голодовку.

Вскоре майор Пименов вызвал Д. Басараба и объявил ему, что наказывает его девятью сутками карцера за оскорбление съезда. Во время разговора у Д. Басараба начался сердечный приступ, и из кабинета начальника зоны его унесли в медчасть. (Басараб Дмитрий Павлович арестован 5 сентября 1953 г. и приговорен 12 ноября 1954 г. Военным трибуналом Прикарпатского военного округа в г. Станиславе по ст. 54-1а УК УССР к

25 годам заключения в ИТЛ.)

Из Пермского обкома пришли ответы Сороке и Верхоляку. Их жалобы на тюремную администрацию были пересланы тюремной администрации. "После проверки факты не подтвердились".

2 марта в зону вернулись Светличный и Захарченко, 4 марта привезли Марченко, Демидова оставили на 36 зоне.

* * *

Шахвердяна на март лишили ларька. 21 февраля инженер по технике безопасности Жилин уведомил начальника ИТУ о том, что в 17 и 21 час Шахвердяна на рабочем месте не было; прапорщик Барковский подал рапорт, что в тот день Шахвердян вообще отказывался от работы. Шахвердян в этот день работал.

Лагерь № 36.

Сергей Ковалев в феврале был лишен права на очередное свидание. Позднее его заключили в ШИЗО. (Срок и повод "Хронике" неизвестны.)

С конца февраля от него не было писем. Отвечая на запрос жены, начальник лагеря сообщил ей в конце апреля, что Ковалев жив.

* * *

Юрий Вудка прибыл из Владимира в лагерь 3 апреля.

Перед этапированием у Вудки отобрали чистую бумагу, марки, семейные фотографии, письма родных и друзей (прошедшие ранее тюремную цензуру), томик стихов Пастернака.

* * *

Из лагеря 36 пришел текст: Телеграмма. Симасу Кудирке. Помним любим вас людей сердца долга [вместе с] вами [на] марше свободы пзк Кучино".

(В США был проведен "марш свободы" — демонстрация в защиту советских политзаключенных.)

В бытовых лагерях на Украине

Александр Фельдман ("дело о торте" — Хр. 30) отбывает наказание в лагере усиленного режима под Херсоном (учреждение ЮЗ 17/10).

Заместитель начальника ИТК по режиму Онищенко и начальник отряда М.М. Кондратов постоянно заявляют, что над Фельдманом осуществляется "особый надзор". Кондратов запрещает ему ходить в библиотеку и читальный зал. Ему не дают получать книги через "Книга — почтой". Кондратов совершенно не скрывает свои антисемитские взгляды.

Письма, адресованные Фельдману, большей частью утаиваются от него. От Фельдмана с конца февраля не было писем. Отцу отказали в свидании в январе ("нет помещения") и в апреле ("накануне вышел из санчасти"). Фельдману (по сведениям на 12 апреля) не вручили очередную посылку и бандероль ("не положено"). Фельдман писал жалобы.

25 марта в котельную, где работал Фельдман, вошел неизвестный ему уголовник и в присутствии других заключенных ударил его лопатой по голове. Фельдман пролежал в санчасти до 10 апреля. Его мучают головные боли.

13 апреля И.Я. Нудель в заявлении начальнику ГУИТУ СССР потребовала суда над уголовником, пытавшимся совершить убийство, и над администрацией, попустительствующей этому.

А. Фельдману осталось сидеть еще около года.

* * *

В январе 1976 г. Михаилу Штерну (Хр. 34) предложили написать просьбу о помиловании. Штерн (он содержится в лагере общего режима под Харьковом) написал заявление, в котором просил помиловать его по состоянию здоровья, но не выразил раскаяния. Аналогичное заявление написала его жена.

В конце марта или начале апреля Штерн получил отказ.

Освобождения

10 марта освободился Валерий Граур. Грауру около 35 лет; вся его семья в 1956-57 гг., освободившись со спецпоселения, уехала из СССР в Румынию. Граур тогда решил остаться.

Арестован был Граур в 1972 г. за разговоры о возможности присоединения Молдавской ССР к Румынии. Граур и его подельники Гимпу, Усатюк и Шалтоян были обвинены в "антисоветской агитации" и осуждены соответственно на 4, 6, 7+5 и 6+5 лет лагерей и ссылки.

Граур отбывал наказание в лагере № 17 (Мордовия), но на

свидание его возили в Кишинев, туда же приезжали из Румынии его родители. Из Кишинева же его и освободили.

После попытки Граура поехать в Москву его поставили под надзор.

* * *

Медицинская комиссия активировала на 37 лагпункте Владимира Дяка (Хр. 33). (Не путать с Михаилом Дяком, активированным около года назад.)

* * *

2 мая из лагеря строгого режима в Ворошиловградской обл. освобожден по концу срока баптист Борис Здоровец (Хр. 1, 30, 39),

СОБЫТИЯ В ЛИТВЕ

Вышел № 2 (42) журнала "Аушра" ("Заря"), датированный 16 февраля 1976 г. Из оглавления: — Декларация независимости Литвы. — Новые приемы русификации в школе. — Миндаугас Тамонис. — Дух эпохи Муравьева. — Когда Литва была суверенной? — Кому полезно молчание? — Солидаризуемся с русскими диссидентами. — Известия.

О № 1 (41) сообщалось в "Хронике" 39.

Появился еще один самиздатский журнал "Бог и родина" (перевод названия). Среди материалов первого номера — полемика со статьей "Выкрутасы современных теологов", помещенной в республиканском журнале "Наука и жизнь" (№ 1 за 1976 г.), и — впервые на литовском языке — "Всеобщая декларация прав человека".

* * *

С 19 марта по 7 апреля 15 вильнюсских выпускников вызывали в милицию и КГБ. Их расспрашивали о бывшем политзаключенном Викторе Пяткусе, в частности, о занятиях по истории Литвы, которые он с ними проводит.

* * *

В журнале "Коммунист" (орган ЦК КП Литвы, выходящий на литовском и русском языках) помещено под названием "Клеветник наказан" интервью с членом Верховного суда

М. Игнотасом, председательствующем на суде по делу С. Ковалева. Содержание сходно с интервью Сухарева в журнале "Новое время" № 1 (Хр. 39). И здесь "Хроника", центральный пункт обвинения, не названа по имени, но в отличие от интервью Сухарева все же фигурирует — под псевдонимом "антисоветское издание". Учтена и местная специфика. Игнотас "отвечает на вопрос": "Дело С. Ковалева слушалось в Вильнюсе. Какова его связь с Литвой?"

"С. Ковалев и его единомышленники в антисоветском издании печатали клеветнические материалы и о Литве. Нужные для себя факты они искали в деятельности националистических элементов, в пособничестве литовских националистов гитлеровским оккупантам".

И снова — Дуденас (см. в Хр. 39 "Пolemика с Сухаревым" и в наст. вып. "Суд над Твердохлебовым").

По материалам "Хроники Литовской Католической Церкви" (№ 21, 25 января 1976 г.)

"Хроника ЛКЦ" перепечатала раздел "Суд над Сергеем Ковалевым" из "Хроники ТС" 38 и дополнила его статьей "В дни суда над Ковалевым в Вильнюсе".

Еще за 2-3 недели до суда начались вызовы (иногда через военкомат или милицию) и беседы работников КГБ с теми, кто подозревался в намерении прийти на суд. Среди них был научный работник Иозас Прапестис.

Задержанным 9 декабря на вокзале А. Терлецкасу, В. Пяткусу, В. Смолкину (Хр. 38) в КГБ говорили, что А. Сахаров — психически ненормален, а многие московские диссиденты безнравственные люди. Подполковник Балтинас грозил Терлецкасу и Пяткусу психбольницей.

В "Хронике" 38 уже сообщалось, что для литовцев доступ даже в здание суда был прегражден. "Хроника ЛКЦ" 21 пишет, что Мечислава Юрявичюса из г. Шауляй силой вывели из здания суда и отвезли в КГБ. Ему угрожали судом за то, что он, по словам чекистов, пишет в "Хронику ЛКЦ". В то же время обещали устроить его на работу, даже с правом праздновать Рождество (см. ниже о его тяжбе). Затем Юрявичюса отправили в Шауляй с провожатым.

”Судебный процесс и преследования показали, что госбезопасность своими действиями способна сблизить литовцев и русских.

Литовцы-католики благодарны С. Ковалеву за благородное, человеческое сердце и молят Всевышнего о выдержке, здоровье и всяческом благоденствии. Жертвы русских диссидентов помогли литовцам в ином свете увидеть русских людей.

Когда русский ученый С. Ковалев вернется из тюрьмы, мы будем приветствовать его как своего брата и лучшего друга”.

* * *

Антанас Терлецкас в большом письме Ю.В. Андропову излагает историю преследований, которым КГБ подвергает его вот уже 30 лет.

Первый арест в 1945 г. (ему было тогда 16 лет) — по подозрению в участии в партизанском движении. Избиения, инсценировка расстрела. Его отпускают, но устанавливают слежку. Далее, в период учебы — вызовы, угрозы. После окончания экономического факультета — обвинения в национализме и новые доносы и допросы. В 1956 г. — спровоцированное дело ”литовского национального фронта”; Терлецкас не был даже знаком с подельниками. На суде ему припомнили участие в движении распространения литовской культуры в литовских деревнях, находящихся на территории Белорусской ССР и Польши.

После 4 лет лагерей (”Озерлаг”) продолжались вызовы и ”беседы”. На одной из них Терлецкас спросил: ”Почему любовь к России у нас считается советским патриотизмом, а любовь к Литве — буржуазным национализмом?”

Терлецкас заканчивает заочно второй факультет — исторический, но ему не дали защитить дипломную работу ”Литва под властью России в 1795 — 1915 гг”. Черновик работы побывал после обыска 25 апреля 1969 г. в КГБ.

Терлецкасу не раз грозили, что он попадет в тюрьму, и в 1973 г. действительно арестовали по уголовному обвинению в хищении. Хотя следствие, проходившее под явным руководством КГБ, не смогло подтвердить обвинение, все же его осудили на один год заключения.

Освободившись, Терлецкас не смог получить работу экономиста или историка и стал пожарником в театре. И здесь он — под подозрением. Его убирают с дежурств в "ответственные" дни выступлений иностранных трупп и торжественных собраний. Продолжаются слежка и вызовы.

23 декабря 1974 г. — обыск (один из многих этого дня — Хр. 34). Майор Калакаускас удивился, что у Терлецкаса, "ненавидящего все русское", в доме столько русских книг.

"После обыска меня спросили, нет ли у меня желания изменить свои политические взгляды. Конечно, нет! После всего пережитого за 30 лет я не в силах полюбить вашу власть.... но быть лояльным я могу и таким остаюсь".

"Прошу Вас дать указание литовскому КГБ, чтобы меня оставили в покое". Письмо датировано 23 ноября 1975 г.

А. Терлецкас 8 декабря 1975 г. был уволен из театра по вздорному поводу. Ему удалось восстановиться через суд 15 января. Администрация театра, опасаясь контактов Терлецкаса с другими работниками, его рассказов о суде над Ковалевым и встречах с Сахаровым, перебросила его на работу в изолированном помещении и ухудшила условия работы.

* * *

65 священников Вильнюсской архиепархии 25 сентября 1975 г. обратились в Сов. Мин. ЛитССР с заявлением. Они просят разрешить епископу Степонавичюсу вернуться к исполнению своих обязанностей, от которых он был отстранен и сослан в 1961 г. С тех пор в архиепархии нет епископа. В заявлении отмечено, что епископ никогда не занимался политической деятельностью, а его конфликт с уполномоченным по делам религии был вызван неправильными действиями последнего — вмешательством во внутренние дела церкви, попытками заставить Степонавичюса действовать противно его долгу пастыря.

* * *

В заявлении Брежневу от 23 июня 1975 г. свящ. Черняускас жалуется на запрет ремонтировать церковь и другие притеснения. Он сообщает, что, когда он требовал письменного ответа на одну из своих прежних жалоб, уполномоченный Туменас заявил ему: "Если дадим вам письменный ответ, то зарубежное радио сейчас же все передаст".

* * *

В Вильнюсском атеистическом музее спрятали книгу отзывов. Посетителей, которые просят книгу, дежурный по музею расспрашивает, кто они и откуда.

В музее заменен стенд о священнике Илюсе. Раньше он считался убийцей, теперь написано, что он занимался хозяйством и медицинским обслуживанием вооруженных банд.

* * *

В июне 1975 г. была уволена "по собственному желанию" инженер ВЦ мех.-мат. ф-та Вильнюсского университета Броне Кибицкайте (подруга Н. Садунайте, "проходила свидетелем" по ее делу — Хр. 37). Декан, парторг, начальник ВЦ почти год добивались от нее заявления, не объясняя причин, а лишь оправдываясь нажимом сверху: "Иначе нас самих уволят". На прошение начальник ВЦ решился назвать причину — "религия".

* * *

М. Юрвичюс судился с предприятием, уволившим его в январе 1975 г. "за прогулы" — он 4 раза не выходил на работу по религиозным праздникам, предупреждая каждый раз администрацию и предлагая отработку (Хр. 36). В исковом заявлении и в кассационных жалобах Юрвичюс отмсчает, что в течение 9 лет работы на этом предприятии его неоднократно награждали и ни разу не выносили ему взысканий. Он требует признать причину его неявок уважительной, так как ст. 124 Конституции СССР и ст. ст. 143 и 145 УК ЛитССР гарантируют ему свободу исполнять свои религиозные обязанности. Юрвичюс дошел до Верховного суда республики и дело проиграл. "Хроника ЛКЦ" публикует полные тексты его заявлений и судебных решений.

* * *

В разделе "Известия из епархий" сообщается:

В Каркашискис верующие не могут добиться возвращения им церкви, закрытой в 1961 г. и с тех пор пустующей.

На Горе Крестов в Мешкучай осенью 1975 г. по традиции верующие поставили кресты. Группа молодежи привезла большой крест на автобусе. В ноябре, также по традиции, специальная бригада разрушила и увезла кресты (более 400). Бригада вырубил старинный клен, увешанный крестами и иконами.

Жительница г. Мажяйкяй Эмилия Геламбаускене долго не да-

вала разрушить крест, поставленный ею у своего дома. Ее жалобу в адрес Косыгина перехватили на местной почте. 3 декабря 1975 г., выманив Геламбаускене из дома, крест спилили и увезли. Ей предъявили потом счет на 50 руб. за эту работу.

В Каунасе в помещении, где ставят гроб для прощания с покойным, вывешены правила, утвержденные горисполкомом 21 февраля 1975 г.

”В помещении запрещается:

- изменять в залах предметы их украшений;
- пользоваться религиозными изображениями;
- петь религиозные песни;
- пользоваться услугами служителей культа;
- на территории, прилегающей к помещению, проводить похоронные процессии с религиозным обрядом”.

Каунасский горисполком запретил мастерской по изготовлению надгробных памятников изображать на них крест.

Сообщается о помехах совершению религиозных обрядов. В нескольких случаях запреты не возымели действия.

* * *

В статье ”Преследование молодежи продолжается” ”Хроника ЛКЦ” пишет о самодеятельной киностудии ”КПИ-фильм” при Каунасском политехническом институте. С 1971 г. некоторых участников студии вызывают в КГБ, расспрашивают о настроениях в студии, кое-кого пытались вербовать. В 1972 г. внезапно уволили руководителя студии Р. Кауса (б. заключенного), и с тех пор студия — без оплачиваемого руководителя. Последнее время студией занимался сотр. КГБ Рустейка. В июне 1975 г. он 4 часа допрашивал (неофициально) преподавателя КПИ Р. Паташюса. Для начала он назвал его злобным антисоветчиком и пригрозил увольнением, затем пытался выудить из него, кто и что говорит в студии, и в заключение просил сохранить разговор в тайне. Паташюс этого не обещал. В сентябре 1975 г. Рустейка вызвал в КГБ б. сотрудника кинолаборатории КПИ П. Кимбриса и сказал ему, что на него собрано достаточно материала для суда. Некоторые обвинения он назвал: повесил у себя дома карту Великого княжества Литовского в XVI в., хранил книгу ”Архив Литвы”, помогал создавать ”Хронику ЛКЦ” и др. В результате четырехчасовой ”беседы” Кимбрис ответил

на некоторые вопросы и обещал "сделать выводы".

Киностудия известна многими хорошими работами, ее фильм "Лицо" о краеведе В. Бурачасе занял первое место на республиканском конкурсе, но потом не был допущен на смотр самодеятельности Прибалтики. Энтузиазм студийцев угасает под напором КГБ, и в последнее время коллектив распадается.

"Хроника ЛКЦ" напоминает и о других случаях подавления инициативы и самодеятельности литовской молодежи в последние годы — кружков краеведов, художественных и дискуссионных клубов и т. п.

Рубрика "В советской школе" — постоянная в "Хронике ЛКЦ".

В ПТУ г. Шауляй 16 сентября 1975 г. на собрании группы точильщиков ученикам велели заполнить анкеты для вступления в комсомол. Отказавшихся послали за родителями, нескольких учеников мастера Гилис и Милюс поставили на полчасика стоять с вытянутыми руками. Половина группы так и не стала комсомольцами.

В школе г. Гаргждай все 32 ученика 7 класса заявили классной руководительнице, что они ходят в церковь и не запишутся в атеистический кружок. 4 человек учительница записала насильно.

В Рудишкес директор средней школы вызвал ученика 9 класса Пятраса Сташаускаса и велел ему подписать заявление, что он прислуживал у алтаря по просьбе священника. Пятрас отказался и сказал, что он делает это по своему желанию. После еще нескольких бесед ему снизили оценку по поведению. Ядвига Поплавской, ученице 11 класса той же школы, за посещение церкви снизили оценку по поведению и пообещали дать такую характеристику, с какой она ни в один институт не поступит.

Сообщается и о других случаях давления учителей на верующих учеников и их родителей.

ГОНЕНИЯ В КРЫМУ

Крымский обком представил в ЦК КПУ следующую справку:

6Я/24/3

”Владимиру Васильевичу Щербицкому .
28 января 1976 г.
ЦК КП Украины

На № 3051/012 от 29.XII.75 г. в связи с телеграммой гр-на Чолбаша Х.К.

Вопрос о прописке в Крыму граждан татарской национальности нами рассмотрен. Установлено, что после издания Указа Президиума Верховного Совета СССР от 5.9.67 в область прибыло и прописалось свыше 4,5 тысяч лиц татарской национальности.

Наряду с этим многие граждане татарской национальности в обход существующих законоположений приобретают по спекулятивным ценам домостроения в различных городах и районах Крыма, злостно нарушают правила прописки.

Партийными, советскими, административными органами проводится разъяснительная работа по строгому соблюдению паспортного режима на территории Крымской области.

Приложение: Телеграмма гр. Чолбаша на 1 листе

Секретарь Крымского обкома КПУ Н. Кириченко	
тм 3	Снят с контроля
разъяснено	направлено архив 30.1.76

Вх. № 3051/012 ЦК КПУ

31-XII-75 лично вручен Кириченко

И. Лутак”

(Чолбаш — летчик, подполковник в отставке, живет в Симферополе. Текст его телеграммы Щербицкому ”Хронике” точно не известен.)

* * *

Энвер Аметов (Хр. 34), живущий в пос. Ново-Алексеевка, 15 апреля 1976 г. был доставлен в УКГБ г. Геническа (по повестке он не являлся). Здесь с ним беседовали его старые знакомые сотрудник УКГБ по Херсонской области П.П. Попов и нач. УКГБ Генического р-на м-р Демидов, а также один подпол-

ковник, не назвавший своей фамилии, — главный собеседник.

Аметова обвиняли в подрывной деятельности и в измене родине за то, что он дал интервью иностранному корреспонденту о положении крымских татар. "Вашим именем спекулирует империалистическая пропаганда".

Затем был зачитан "протокол предупреждения", который Аметов подписать отказался. Подполковник предупредил Аметова, что "одной ногой он уже в лесу".

Аметов купил дом в Крыму в с. Мелехово и собирался туда переехать. 10 мая бывшую хозяйку дома вызвали в сельсовет и потребовали, чтобы она подписала акт, что дом подлежит сносу. Хозяйка сказала, что акт не подпишет, так как дом уже продала. 11 мая дом был разрушен (см. ниже "Экстренное сообщение").

* * *

Председателю Комитета защиты прав человека
в СССР тов. Сахарову А.Д.

Заявление

Я — Юнусова Р., проживающая в селе Горлинка Белгородского р-на. 13 мая 1976 г. ко мне в дом ворвалась банда под руководством секретаря партийной организации колхоза Горный Сидорова. Не предъявив никаких документов, оттолкнув меня, начали выбрасывать вещи на улицу. Время было 9.30 утра. У меня дочка лежала в постели, увидев эту ситуацию, она стала кричать не своим голосом, перепугалась, вследствие чего у ребенка открылось кровотечение из носа. Я бросила все и с ребенком обратилась за помощью. В это время, воспользовавшись моментом, секретарь парторганизации подогнал бульдозер, и снесли дом, а вещи выбросили на улицу, где по сей час моя семья с больным парализованным ребенком находится на улице.

Все четыре брата моего мужа пали смертью храбрых на войне, защищая великую отчизну, а прежде всего свой маленький родной край, свой дом, своих близких и родных. Одному из них Берберу Асану, командиру эскадрильи, в Геленджике стоит монумент. Бербер Энвер командовал ротой, погиб под Брянском. Бербер Эдем участвовал в обороне Севастополя.

Читая их письма, мы нигде не видели и нигде не слышали такие ужасы, с которыми мы встретились у себя на исконной родине в Крыму.

Еще раз прошу Вас, вознесите мое письмо до гласности, помогите, чем сможете.

С уважением Юнусова Р.

18.V.1976

* * *

Из Крыма отправлено *"Экстренное информационное сообщение крымских татар для зарубежной прессы, телевидения, радио. Апрель-май 1976 г."*

"... В Советском районе под руководством пред. райисполкома Пасюты, нач. милиции Побережнюка, по их указанию руководители колхозов и предприятий всячески препятствуют и издеваются над приезжими. У пятерых семей в селе Восточном отобрали приусадебные участки, отрезали свет и воду, даже запретили в магазине продажу керосина, долгое время дети не могут попасть в школу, а если попадают, то их в классные журналы не записывают. Аналогично это делается в селе Маковка и в других селах, куда приезжают крымские татары. Более 2,5 лет издеваются над семьей Халич Абдулкадыра (семеро детей), село Пушкино, которых несколько раз пытались выселить.

Райисполком и нач. милиции на приемах говорят, что делом крымских татар ведают органы КГБ.

Еще хуже обстоят дела в Белогорском районе.

4 мая трое в гражданском ворвались в дом Зенабаддинова Ремзи, толкнув в милицейскую машину, увезли в неизвестном направлении. То же было и в селе Богатом, увезли одинокую женщину Аджире, 52 года, в неизвестном направлении. Судьба их пока неизвестна.

11 мая в селе Мелихове, узнав, что дом продан крымскому татарину, руководство бульдозером снесли дом, купленный Аметовым Энвером, не дав ему даже заселиться.

Этим же с/советом был снесен дом г-на Анохина за то, что он хотел продать дом крымскому татарину.

12 мая группа бандитов в сопровождении 5-ти машин под руководством пред. с/совета Николаева Г., участкового мили-

ционер, комсорга Шкурина пытались выселить семью Чакаловой Шавер (четверо детей). Взломав двери ломом, связали ей руки, заткнув рот тряпкой, загнали в чулан, чтобы она не кричала и не звала на помощь. На шум сбежались соседи, но бандиты делали свое дело, одни грузили вещи, другие шарили по комнатам. Прибежавшую на шум Тохлу Сарие (мать 12 детей) сшибли с ног. 70-летнюю старуху сбили с ног, ребенку 4-х лет разбили ухо. Один в гражданском стал угрожать пистолетом, крича, что, если не замолчат, перестреляет всех до одного. Видя, что операция (тайная) не удалась, пред. колхоза вынужден был прекратить дело. Кроме морального и физического насилия, семье Чакаловой был причинен ущерб более, чем на 800 рублей.

13 мая 18 дружинниками под руководством пред. с/совета Тельного, пред. к-за Плеханова, парторга Сидорова была [проведена] попытка выселения семьи 72-летнего старика, под давлением односельчан им пришлось убраться.

В тот же день в селе Горлинка Богатинского с/совета ими же была совершена акция выселения семьи Сеитвели Мемета. Они выбросили вещи на улицу, а дом опечатали, оставив людей под открытым небом (семья из пяти человек), ночью маленькая дочь начала замерзать, благодаря соседям она была спасена, все же утром ребенок был доставлен в больницу.

Затем они заявили в село Красная Слобода с целью развалить дом Умуш Усеина (семья из 9-и человек), но, благодаря интернациональному русскому и украинскому населению, преступление удалось предотвратить, многие из которых на следующий день не были допущены к своим работам.

Были отстранены от своих работ и прописанные крымские татары, которые были на местах происшествий.

Все это сходится с тем, о чем говорила пред. горисполкома Крутова, приводим ее выражения: "Партийные органы, милиция и органы КГБ изучают вопрос о новом выселении крымских татар, вернувшихся в Крым"; "Не забывают 1944 год".

Всеми этими операциями руководит ярый шовинист пред. райисполкома Кравец Н.Л.

Он думает, что закон и правда это он сам!?

Советское правительство не хочет разрешить наш вопрос, видимо и ООН не в состоянии помочь нашему народу, так как

неоднократные обращения остаются безответными. Поэтому мы обращаемся к людям доброй воли поднять свой голос в защиту справедливых требований нашего народа. Пусть все народы мира знают, в каких условиях находится коренное население Крыма — крымские татары.

Речь идет о спасении нации, о защите принципов национального самоопределения и равноправия, провозглашенных Уставом ООН.

Копии этого документа с 295 подписями направлены:

Прокурору по надзору Комитета государственной безопасности

Облсполкому Крымской области и райисполкому Белогорского района

Фотокопии этого документа направлены во многие инстанции.

16 мая 1976 года

Симферополь — Белогорск”.

ПЕРЕГОВОРЫ В ЦК КПСС

Сокращенная запись беседы, состоявшейся 16 февраля 1976 года в Приемной ЦК КПСС между 6 представителями евреев, добивающихся права на выезд в Израиль (Марк Азбель, Владимир Лазарис, Юлий Кошаровский, Виталий Рубин, Владимир Слепак, Анатолий Щаранский), и начальником Отдела административных органов при ЦК КПСС Альбертом Ивановым и начальником Всесоюзного ОВИРа Владимиром Обидиным.

Иванов: В ЦК поступило ваше письмо, в котором вы выражаете желание обсудить с компетентными представителями ЦК вопросы эмиграции. Мы с Владимиром Сергеевичем как раз и являемся такими представителями и готовы ответить на интересующие вас вопросы.

Кошаровский: Каковы вообще причины отказов в выезде из СССР в Израиль?

Иванов: Прежде всего я хочу сказать, что абсолютное большинство людей, пожелавших уехать — 98,4% — уехало. При решении этого вопроса мы руководствуемся советскими законами, гуманными принципами, заложенными в международных документах, подписанных Советским Союзом, и интересами государства. Поэтому отказывают в выезде из СССР в основном по следующим причинам: 1) Режимные соображения. Но это далеко не вечно. Сроки проходят, данные устаревают, и люди уезжают. 2) Материальные претензии родителей, а также претензии бывших жен, требующих выплаты алиментов. Кроме того, мы должны знать отношение родителей к отъезду их детей, так как мы не можем руководствоваться только меркантильными соображениями. Часто родители морально не хотят мириться с выездом своих детей.

Лазарис: Какова процедура определения степени секретности? Существуют ли сроки действия отказов по секретности, в зависимости от формы допуска к секретным материалам, имеющейся у человека?

Иванов: Есть режимное и нережимное производство, и предприятие в каждом случае само определяет, что на данном конкретном участке такой-то срок достаточен, чтобы снять с работающего специалиста режим.

Слепак: Почему нельзя сразу указать максимальный срок действия отказа, с тем чтобы человек мог заранее знать, когда сможет покинуть страну?

Иванов: Сроки действия секретности указываться не будут. Вещи, которые были вчера не секретными, могут оказаться секретными и наоборот. Поэтому вполне возможно, что человек с первой формой секретности уедет сразу, а человек, имевший третью форму, получит отказ, поскольку именно эта область начинает развиваться как сугубо секретная.

Рубин: Неужели в интересах государства держать тысячи людей годами в состоянии полной неопределенности, лишенными элементарных прав?

Иванов: Ну почему вы говорите о тысячах...?

Рубин: Даже исходя из ваших данных — 1,6% от 120 тысяч уехавших - это тысячи...

Кэшаровский: Существуют ли какие-нибудь инструкции, поло-

жения, правовые документы, определяющие возможные сроки отказа в выезде по секретности? Можно ли рассчитывать на появление таковых?

Иванов: Нет, подобных инструкций нет и не будет. Их вообще составить невозможно, так как в каждом случае принимается индивидуальное решение...

... Супруги не живут давно вместе, и один из них собирается уезжать и готов выплатить все свои алиментные обязательства вперед, но жена приходит к нам и говорит: "Я не хочу никаких денег вперед, я хочу, чтобы он здесь жил и выплачивал каждый месяц то, что должен". Понимаете, ну, просто из желания напасть. И мы вынуждены учитывать эти моменты...

Рубин: Мы не намереваемся обсуждать здесь наши конкретные случаи, однако я приведу пример своего отказа, поскольку это сразу показывает, что причины отказов в выезде не ограничиваются теми двумя случаями, которые вы назвали. Я специалист по древнекитайской философии, и мне дали отказ "как ценному специалисту".

Иванов: Мы всегда должны учитывать интересы государства. Если у нас в стране, например, два специалиста по древнекитайской философии, то можем ли мы обоих выпустить? Или, например, среди лиц еврейской национальности много врачей. Если в поликлинике работает около 70% врачей-евреев и все сразу захотят уехать — можем ли мы их всех выпустить?

Щаранский: ... Есть отказы с формулировкой: "В вашем случае нет воссоединения семьи". Такое объяснение, например, было дано семье Матуса Рабиновича из Красноярска, у которого в Израиле родная дочь.

Иванов: (к Обидину) : Вам известен этот случай?

Обидин: Да, Рабинович был у меня на приеме. Он с женой и двумя дочками живет здесь, и только одна дочь живет со своей семьей в Израиле. Если они хотят объединиться, то логичнее этой дочери приехать в СССР, а не наоборот. Здесь все законно.

Иванов (разводя руками) : Да, конечно.

Щаранский: Во многих случаях не было указано вообще никаких причин. Если предположить, что все эти странные отказы вызваны только лишь недобросовестностью или произволом местных властей, то это все равно компрометирует эмиграцион-

ную политику и ее соответствие тем гуманным принципам и международным нормам, о которых вы говорили в начале. Все это указывает на необходимость эмиграционного закона, который мог бы регулировать практику таким образом, чтобы произвольные отказы были невозможны.

Иванов: Законы у нас есть, и мы ими руководствуемся.

Рубин: Речь идет о таком законе, на основании которого каждый человек мог бы заранее знать, что его ждет в будущем. Как, например, закон о пенсиях.

Иванов: Я уже объяснял, что каждый случай у нас рассматривается индивидуально, исходя из интересов государства. Истина всегда конкретна. Нельзя придумать закон или инструкцию на все случаи жизни.

Обидин: Кстати, закон был опубликован в Ведомостях Верховного Совета...

Лазарис: Да? И вы можете нам назвать номера?

Обидин: Я сейчас не помню. Но в общем, это то же самое, что висит на стенке в ОВИРе — о порядке подачи документов на выезд.

Кошаровский: Какие существуют изменения в процедуре подачи заявлений на выезд?

Обидин: Теперь мы не требуем характеристики с места работы, а лишь справку.

Слепак: ... Оказалось, что ее иногда еще труднее получить, чем характеристику. Во-первых, на справке тоже требуются подписи "треугольника", а во-вторых, там должно быть указано об отсутствии материальных претензий со стороны предприятия. Это означает, что надо сдать все материальные ценности, книги, приборы, рабочую одежду и т. п. Практически, во многих случаях это означает, что надо уйти с работы перед подачей заявления на выезд.

Обидин: В таких случаях люди могут представить справку с места работы после рассмотрения их заявлений о выезде.

Щаранский: До сих пор это было невозможно. Могут ли евреи теперь ссылаться на вас в случае отказа ОВИРов принять документы без такой справки?

Обидин: Да, можете.

Лазарис: Сейчас широко распространена практика призыва мо-

лодых людей на службу в армию после подачи ими заявления на выезд в Израиль. Каков, с вашей точки зрения, смысл в таком призыве и в воинской подготовке людей, цель которых — жить в Израиле?

Иванов: До тех пор, пока бывший гражданин СССР не пересек границу, он не перестает быть гражданином СССР, и в силу этого за ним сохраняются все его обязанности и, прежде всего, обязанность служить в армии.

Щаранский: В 1975 году трое молодых евреев — Анатолий Малкин (Москва), Александр Сильницкий (Краснодар), Яков Винаров (Киев) — были приговорены к тюремному заключению за отказ от службы в армии. Все эти молодые люди были исключены из учебных институтов за свое желание выехать в Израиль, что сделало возможным их призыв в армию.

Иванов: Обучать в институте человека, желающего эмигрировать в Израиль, мы не будем.

Щаранский: Считаете ли вы естественной ситуацию, при которой молодой человек лишен возможности эмигрировать, т. к. это влечет за собой немедленный призыв в армию?

Иванов: Они должны отслужить и после этого могут уезжать.

Лазарис: Не является ли причиной отказа сам факт службы в армии? Например, Глеб Куперман (Черновцы) перед призывом в армию специально предупредил военное начальство о своем желании уехать в Израиль, и это было записано в его военных документах. Однако сейчас, через 2 года после демобилизации, ему дают отказ из-за службы в армии.

Иванов: Факт службы в армии причиной для отказа являться не может. Многие уехали сразу после службы в армии. Случай с Куперманом показывает, что ОВИР должен давать более точную формулировку.

Щаранский: Мы хотели бы еще поднять вопрос о судьбе людей, осужденных в 1970 году в Ленинграде за попытку угона самолета в Израиль. Закон о наказании за попытку угона самолета был принят только в 1973 году, и максимальное наказание по этому закону — 10 лет — меньше сроков, которые были даны трем из осужденных по Ленинградскому процессу. Можно ли рассчитывать на пересмотр дела и сокращение сроков осуждения?

Иванов: Я не прокурор и сейчас не готов ответить вам на этот вопрос. Однако мы учтем ваш интерес к этому вопросу.

Азбель: С сожалением хочу отметить, что компетентных ответов на все вопросы мы не получили. Когда вы обосновываете существующую практику тем, что советские граждане станут уезжать в Израиль из-за нежелания служить в армии, или что 70% врачей поликлиники могут попытаться одновременно эмигрировать, то нам, большим, чем вы, оптимистам в вопросе эмиграции, трудно принять это всерьез. Однако мы понимаем, что такие занятые люди, как вы, не станут терять два часа своего времени, беседуя с нами и не собираясь сообщить ничего нового. Хотите ли вы, чтобы мы передали что-нибудь тем 70 евреям, которые ждут нас внизу у входа в Приемную ЦК?

Иванов: Конечно, мы не могли сразу ответить вам на все вопросы. Однако мы учтем ваш интерес к ним. Вы видели, мы записали эти вопросы, теперь мы должны все это продумать, пропустить, так сказать, через себя...

Щаранский: Важно, чтобы вы не пропустили все это мимо себя...

Иванов: Но я еще раз хочу вам сказать, что истина конкретна. Поэтому пусть каждый подаст заявление непосредственно на имя Обидина, и под контролем ЦК его дело будет пересмотрено.

Лазарис: И пересмотр состоится в указанный срок?

Иванов: Ну да, постараемся уложиться в месячный срок.

Лазарис: А после этого мы вновь сможем прийти к вам и обсудить результаты этого пересмотра?

Иванов: Ну, конечно, приходите. Мы не отказываемся от встречи.

Рубин: В заключение я хочу выразить свое разочарование тем, что, как ясно из нашей беседы, права человека по-прежнему игнорируются и противопоставляются интересам государства.

Иванов: Это не так. Истина конкретна. Подавайте заявления на пересмотр, а там видно будет.

Спустя некоторое время, многие евреи, добивающиеся разрешения на выезд, в т.ч. участвовавшие в беседе, получили очередной отказ.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

В Институте языкознания АН СССР

25 января 1976 г. газета "Нью Йорк Таймс" опубликовала статью И.А. Мельчука, в которой он защищал С.А. Ковалева и А.Д. Сахарова от поднятой против них кампании.

Кандидат филологических наук Игорь Александрович Мельчук, крупный советский лингвист, один из основоположников работ по машинному переводу, работал в это время в Институте языкознания АН СССР в должности старшего научного сотрудника.

26 марта состоялось заседание Ученого совета института, на котором рассматривался вопрос о переизбрании И.А. Мельчука на новый срок в его должности. Заседание проходило под председательством директора ИЯЗ член-корр. АН СССР проф. В.Н. Ярцевой и ученого секретаря института, зам. директора Ю.С. Елисеева.

Перед тем как начать процедуру переаттестации, В.Н. Ярцева распорядилась удалить из зала заседания "всех посторонних" (не сотрудников института), в том числе и всех друзей И.А. Мельчука, лингвистов и математиков. На просьбы Мельчука разрешить его товарищам войти в зал Ярцева отвечала: "На текущие, рабочие, нормальные заседания приглашаются сотрудники института и только... Нет, у нас не закрытое заседание. Закрытое заседание — это когда присутствуют только члены совета. Это, в общем, вопрос внутринститутской дисциплины... Наши рабочие дела следует, видимо, решать без посторонних..."

Согласно процедуре, в начале заседания Ученого совета И. Мельчук представил отчет о своей научной и научно-организационной деятельности за последние 5 лет.

С 1971 по 1975 гг. Мельчук опубликовал свыше 40 научных работ, общим объемом более 65 авторских листов. Кроме того, у Мельчука есть еще законченные работы, которые давно сданы в издательство, но до сих пор еще не изданы, в том числе 2-я часть фундаментальной монографии "К проблеме "Смысл-текст". И.А. Мельчук выступал с научными докладами на оте-

чественных конференциях по лингвистике, в различных учреждениях АН СССР и ВУЗах. Он прочел несколько лингвистических курсов в различных вузах страны, многократно консультировал (по проблемам автоматической обработки текстов) представителей разных учреждений и организаций, был ученым секретарем сектора структурной и прикладной лингвистики. В 1971-1975 гг. И.А. Мельчука неоднократно приглашали участвовать в международных конференциях и симпозиумах, он представлял на них доклады, однако для участия в них ни разу не получил необходимого разрешения, а часть приглашений до него вообще не дошла. Недавно дирекция института не разрешила ему выехать для чтения лекций даже в Киевский и Львовский университеты. Дирекция не разрешила ему передать рукопись "Смысл-текст" в издательство "Fink Verlag" (Мюнхен), которое предложило ее напечатать.

Во время обсуждения отчета И.А. Мельчука Елисеев поясняет, что в институте задерживается публикация многих научных трудов, а не только монографии И.А. Мельчука; некоторые рукописи лежат в издательстве с 1960 г. Что же касается публикации монографии И.А. Мельчука в ФРГ, то ему запретили это сделать из соображений приоритета: "Сначала надо опубликовать у нас, а потом пусть переводит, кто хочет". (В СССР книгу отказались издавать целиком, мотивируя тем, что превышен объем листажа, принятый для кандидата наук.) Далее Елисеев замечает: "Научная сторона деятельности Мельчука достаточно отражена в его отчете, а вот как дело обстоит с общественной работой — участием в методологических семинарах, присутствием на политических лекциях?..."

Мельчук напоминает членам Ученого совета, что он никогда не отказывался "от какого бы то ни было поручения", на методологические же семинары "действительно часто не ходил", их тематика его мало интересует, и он считает, что "участие в методологических семинарах — дело добровольное". Директор института: "Ну нет, методологические семинары — это важнейшее мероприятие по идейно-политической подготовке сотрудников". Доктор наук М.М. Гухман обращается к И. Мельчуку с вопросом, знает ли он, что он "единственный человек в институте, который не посещает семинары?" Мельчук: "Нет, не знаю,

и мне очень странно, что я единственный человек, кому это неинтересно”.

Члены Ученого совета свои выступления о научной деятельности Мельчука сводят к ”неучастию И. Мельчука в общественной жизни института”, напоминают ему о письмах, ”которые были использованы за рубежом во вред нашей стране”. Директор института сообщает Ученому совету, что 25 января 1976 г. в газете ”Нью Йорк Таймс” появилось письмо, написанное Игорем Александровичем. ”Я считаю нужным информировать наш Ученый совет, — говорит В.Н. Ярцева, — об этом поступке, недопустимом не только в научном коллективе института, но и вообще в коллективе советских людей”. Д-р М.М. Гухман: ”Содержание отчета Игоря Александровича сугубо академическое. А ведь он не так давно выступил... с письмом, которое представляет собой клевету на нашу страну, на наш образ жизни, на нашу идеологию и политику... Игорь Александрович — зрелый человек, и он должен понимать, что его борьба против советской идеологии наносит ущерб не только нашей стране, но и всему прогрессивному человечеству... это хлеб империалистической пропаганды. Это его выступление — уже не ошибка; это враждебный акт, который делает невозможным пребывание Игоря Александровича в нашем коллективе”. Из зала: ”А нельзя ли узнать содержание письма?”. Мельчук отвечает, что он готов прочитать текст, но предпочел бы это сделать после голосования, т. к. считает недопустимым смешивать вопрос о переизбрании в должности со статьей в ”Нью Йорк Таймс”. Он встает и зачитывает отрывок из ”Международного Пакта о гражданских и политических правах”, ратифицированного Советским Союзом. Елисеев: ”В порядке разъяснения хочу сказать, что в соответствии с инструкцией... советский ученый должен быть безупречным в морально-политическом отношении... Поэтому, ссылаясь на какие-то пакты, нельзя искусственно ограничивать критику ученого узкоакадемической стороной его деятельности; кроме того, И. Мельчук выступал и раньше против советской идеологии, но признал ошибочность своих действий” (Елисеев имеет в виду письма в защиту Синявского и Даниэля, Галанскова и Гинзбурга, протест против вторжения в Чехословакию).

Мельчук подтверждает, что выражал сожаление по поводу своих выступлений. "Но, — сказал он, — честно признаюсь, что так я поступал только под действием страха и вел себя мало-душно. Но я устал бояться. Больше я не боюсь".

Елисеев: "Тут спрашивали о содержании письма в "Нью Йорк Таймс". Я сам текст письма не видел, но, насколько мне известно, оно написано в поддержку А.Д. Сахарова и сводится в основном к трем пунктам:

1) В СССР нет возможности для граждан свободно выражать свое мнение;

2) Инакомыслящие преследуются, их держат в тюрьмах и психбольницах;

3) Советская общественность поступает неправильно, осуждая Сахарова.

И. Мельчук решительно протестует против травли честнейшего советского ученого, каковым он считает Сахарова".

(Возглас в зале: Кошмар!)

Выступает председатель месткома С.М. Хайдаков. Он обращает внимание Ученого совета на то, что "Игорь Александрович выбрал для своего письма газету, являющуюся оплотом самой реакционной прослойки в США, самых правых империалистов. Ведь к нему было бы куда меньше претензий, если бы он послал свое письмо, например, в "Морнинг Стар"...." ("Вы стали марионеткой в чьих-то нечистых руках!" — реплика В.Н. Ярцевой).

Выступление Н.З. Гаджиевой: на нее поведение Мельчука произвело тоже тяжелое впечатление. Развивала тезис о взаимосвязи науки и мировоззрения.

Ю.Д. Дешериев в несколько более осторожной форме высказал недоумение по поводу поступков Мельчука.

Слова просит профессор, научный консультант филологической редакции "Прогресс" Н.С. Чемоданов (сейчас на пенсии). Он всегда считал Мельчука нахальным, еще когда они были вместе в МГУ, но не знал о его политических взглядах, а то бы не подписывал с ним контракта ни на одну его работу. "Попробовали бы вы там, на Западе, например, в ФРГ, выступить с пропагандой коммунистических взглядов! Там ни одного дня не стали бы держать коммуниста на государственной службе. С ка-

кой стати мы должны считаться с вашей точкой зрения? Я буду голосовать против вашего переизбрания!”.

Мельчук: “Решение Ученого совета predetermined”.

Директор института В.Н. Ярцева заканчивает заседание Ученого совета: “... В заграничные командировки мы Игоря Александровича действительно не посылали. Это потому, что каждый советский ученый представляет наш строй и советскую идеологию. А И.А. Мельчук всегда подчеркивает: “Это мое, это личное мнение”. Нас, вследствие монолитности советского государства и народа, нельзя разделить так: это я, а все прочие советские люди где-то в стороне, это не мы, это они. Мы так не можем, или Игорь Александрович с нами, или он с ними. И мы почувствовали на заседании дирекции, что он уже с ними. А сотрудник Института языкознания должен быть наш, советский человек. И зря Игорь Александрович говорит, что решение Ученого совета predetermined. Ничто никогда не predetermined. Решение Ученого совета — дело совести каждого его члена... Вы не уважаете наш коллектив... Мы хорошо знаем, что мир расколот надвое — вы обращаетесь к нашим врагам!”

Мельчук просит заключительного слова, ему отказывают. “Отчет ваш мы заслушали; по-моему, все ясно. Переходим к очередному вопросу”.

Результат тайного голосования:

19 членов Ученого совета проголосовали против переизбрания на новый срок в должности старшего научного сотрудника И.А. Мельчука;

2 человека — за;

3 бюллетеня признаны недействительными.

Через несколько дней Мельчуку было объявлено, что с 18 мая 1976 г. он от работы освобожден.

* * *

В последние годы в Институте русского языка АН СССР (директор член-корр. АН СССР Ф.П. Филин) были уволены как “не прошедшие по конкурсу” или были вынуждены уволиться под явной угрозой “не пройти по конкурсу” лингвисты: Ю.Д. Апресян, Л.Н. Булатова, Н.А. Есыкова, Л.Л. Касаткин, Л.П. Крысин, Г.А. Пожарицкая, В.З. Санников, Е.М. Сморгунова,

Э.И. Ханпира, Т.С. Ходорович. Все они — "подписанты", или заступались за "подписантов", или заступались за заступающих.

В МГПИИЯ им. М. Тореца

В Московском государственном педагогическом институте иностранных языков им. М. Тореца при кафедре общего языкознания около 20 лет существует Лаборатория машинного перевода — ЛМП.

ЛМП является одним из признанных центров научной жизни московских лингвистов, работающих в наиболее современных областях языкознания. Ею издается бюллетень "Машинный перевод и прикладная лингвистика", хорошо известный в СССР и за рубежом, а также серия препринтов группы экспериментальной и прикладной лингвистики при Институте русского языка АН СССР. В Лаборатории проводятся лингвистические семинары и конференции, ведутся исследования в области машинного перевода и автоматической обработки текстов. ЛМП ответственна за определенную тематику научно-исследовательских работ в рамках СЭВ.

Научное руководство Лабораторией бесменно осуществляет на общественных началах к.ф.н. (в конце 1975 г. защитил докторскую диссертацию), доцент, ст.н. сотр. МГПИИЯ Виктор Юльевич Розенцвейг. В ЛМП числятся 5 штатных сотрудников института и около 40 научных сотрудников, инженеров и лаборантов, много лет работающих здесь на хоздоговорных ставках.

Договоры с заказчиками на 1976 г. были заключены в срок и подписаны ректором института М.К. Бородулиной и проректором по научной работе Г.В. Колшанским (он же административный руководитель Лаборатории). Суммы договоров с избытком обеспечивали фонд зарплаты. Были утверждены и календарные планы. Однако приказ о штатном расписании на год, т. е. документ, на основании которого внештатные сотрудники получают зарплату, не был выпущен до 25 марта. Соответственно, почти все сотрудники Лаборатории работали, не получая денег. Наконец, 25 марта ректор Бородулина без ведома Колшанского выпустила приказ. В нем отсутствовали фамилии

следующих шести человек:

Гинидин Сергей Иосифович, ст. н. сотр., кандидат наук, несколько десятков публикаций, в ЛМП со студенческой скамьи.

Гуревич Анна Ефимовна, мл. н. сотр., в ЛМП работает с 1968 г.

Ельницкий Лев Львович, мл. н. сотр., в ЛМП — с 1971 г.

Либединская Пина Юрьевна, ст. лаборант, в ЛМП — с 1969 г.

Урысон Елена Владимировна, мл. н. сотр., в ЛМП — с 1968 г.

Цейтлина Ирина Алексеевна, мл.н.сотр., в ЛМП — с 1972 г.

(Из вышеперечисленных И.А. Цейтлина — не еврейка, носит фамилию мужа.)

В.Ю. Розенцвейг отказался завизировать урезанное штатное расписание и заявил, что в случае издания приказа он откажется руководить Лабораторией. Тогда ректор объявила о закрытии Лаборатории: в течение 1976 г. будут уволены все сотрудники, в том числе и те пятеро, которые занимают штатные должности. Увольнение намечено произвести в 3 этапа: в августе, октябре и декабре. Сотрудникам предложено подыскивать себе новое место работы.

В настоящее время дирекция мотивирует разгон Лаборатории тем, что ЛМП "является чужеродным телом в институте", поскольку она не принимает непосредственного участия в учебном процессе.

Несколько лет назад по распоряжению Бородулиной было прервано многолетнее сотрудничество с научным консультантом Лаборатории И.А. Мельчуком (см. выше). Вскоре после этого из Лаборатории был уволен известный лингвист, соавтор Мельчука А.К. Жолковский, подписавший в 1968 г. письмо в защиту Гинзбурга и Галанскова.

НОВАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ АССОЦИАЦИЯ

12 мая 1976 г. была предана гласности декларация об образовании в Москве новой общественной ассоциации — Группы содействия выполнению Хельсинских соглашений в СССР. В декларации говорится:

"Группа поставила своей целью содействовать соблюде-

нию гуманитарных статей Заключительного Акта совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. Имеются в виду следующие статьи Заключительного Акта:

1. Декларация принципов, которыми государства-участники будут руководствоваться во взаимных отношениях. Пункт VII. Уважение прав человека и основных свобод, включая свободу мысли, совести, религии и убеждений.

2. Сотрудничество в гуманитарных и других областях.

1) Контакты между людьми (в частности, пункт в — воссоединение семей). 2) Информация. 3) Сотрудничество и обмена в области культуры 4) Сотрудничество и обмена в области образования.

Своей первоочередной целью Группа содействия считает информирование всех глав правительств, подписавших Заключительный Акт I-VIII-1975 года, а также информирование общественности о случаях прямых нарушений указанных статей. С этой целью Группа содействия

1) принимает непосредственно от советских граждан *письменные* жалобы, касающиеся их лично и имеющие отношение к нарушениям указанных статей, и в краткой форме переадресовывает их всем главам правительств, подписавших Акт, а также общественности; подписанный автором оригинал Группа оставляет у себя;

2) собирает с помощью общественности любую другую информацию о нарушениях указанных статей, обрабатывает ее и с указанием своей оценки достоверности адресует ее соответствующим главам правительств и общественности.

В некоторых случаях, когда Группа будет сталкиваться с конкретной информацией об особенных проявлениях антигуманности, например,

— изъятие детей у религиозных родителей, желающих воспитывать детей в своей вере;

— принудительное психиатрическое лечение с целью изменения мыслей, совести, религии, убеждений;

— наиболее драматические случаи разделения семей;

— случаи проявления особой антигуманности по отношению к узникам совести,

Группа намерена обращаться к главам правительств

и к общественности с просьбами образовать международные комиссии для проверки информации на месте, так как Группа не всегда будет иметь возможность производить собственную прямую проверку столь важной и ответственной информации.

Группа надеется, что ее информация будет учитываться при всех официальных встречах, предусмотренных в Заключительном Акте пунктом "Дальнейшие шаги после Совещания".

В своей деятельности члены Группы содействия исходят из убеждения, что проблемы человечности и информационной открытости имеют прямое отношение к проблеме международной безопасности, и призывают общественность других стран-участниц Совещания в Хельсинки образовывать собственные национальные группы содействия, способствующие полному выполнению Хельсинских соглашений правительствами своих стран.

Мы надеемся, что в будущем будет образован также и соответствующий Межнациональный комитет содействия".

Руководителем Группы объявлен Юрий Орлов. Среди членов Группы — Людмила Алексеева, Михаил Бернштам, Елена Боннэр, Александр Гинзбург, Александр Корчак, Петр Григоренко, Виталий Рубин. Под декларацией стоит также подпись Анатолия Марченко, который был сослан в прошлом году в Восточную Сибирь (Хр. 35, 37). Позднее стало известно, что в Группе участвует также Анатолий Щаранский.

Мальва Ланда также присоединилась к Группе содействия, заявив, однако, при этом, что она не полностью согласна с положениями декларации. Так, в декларации, по ее мнению, игнорируется принципиальное отличие положения советской Группы содействия от положения предполагаемых групп содействия в других странах.

* * *

Власти реагировали на создание Группы незамедлительно. Сначала Ю. Орлова пытались вызвать в КГБ, а в субботу 15 мая его задержали на улице и привезли в УКГБ Черемушкинского р-на. Там ему объявили "Предостережение" по Указу 25 декабря 1972 г.

В тот же день ТАСС опубликовало за границей следующее заявление ("Хроника" приводит обратный перевод с английского):

Предупреждение провокатору

Москва, 15 мая, ТАСС

Как стало известно корреспонденту ТАСС, сегодня органы государственной безопасности официально предупредили некоего Юрия Орлова о недопустимости его антиконституционной деятельности.

Орлов, который некогда занимался научной работой и был избран член-корреспондентом Академии наук Армянской ССР, в последние годы полностью посвятил себя антисоветской деятельности. Стремясь снискать популярность среди противников разрядки международной напряженности и врагов Советского Союза, Орлов, в частности, стал сколачивать группу диссидентов под претенциозным провокационным названием организации по контролю над соблюдением Советским Союзом условий Заключительного Акта конференции по безопасности и сотрудничеству в Европе.

Трудно квалифицировать действия Орлова иначе как попытку поставить под сомнение в глазах международной общественности искренность усилий Советского Союза, направленных на неукоснительное проведение в жизнь принятых им международных обязательств, или как еще одну провокацию, имеющую целью препятствовать процессу ослабления международной напряженности.

15 мая Орлов был вызван в органы государственной безопасности, где он, в соответствии с советским законодательством, был официально предупрежден о недопустимости его противозаконных действий. Такое предупреждение преследует двойную цель: пресечь провокационную деятельность Орлова и предотвратить совершение Орловым и связанными с ним лицами действий, наказуемых законом.

17 ч. 40 мин.

По поводу Заявления ТАСС выступили лауреат Нобелевской премии мира Андрей Сахаров и председатель советской организации "Международная Амнистия" Валентин Турчин. Они вы-

соко оценивают факт создания Группы содействия и считают задачи Группы чрезвычайно важными. Они присоединяются к призыву Группы создать группы содействия в других странах-участницах Хельсинского соглашения.

Авторы расценивают Заявление ТАСС как попытку опорочить деятельность Группы косвенно, т. к. прямо возражать против такой Группы инициаторам Заявления сложнее. Отмечается, что название Группы содействия приведено в Заявлении искаженно. Касаясь попытки бросить тень на Орлова как ученого, авторы пишут:

Заявление Тасс стремится создать впечатление, что проф. Орлов в последние годы отошел от научной деятельности. В действительности же он продолжает активно работать и в течение 74-75 гг. опубликовал три оригинальных научных работы и еще одну послал в печать. Верно, что с начала 1974 г. Орлов не является сотрудником какого-либо учреждения, но лишь потому, что в нарушение Всеобщей декларации прав человека его не берут на работу по политическим мотивам.

* * *

Первый шаг Группы содействия — изучение дела Мустафы Джемилева (см. наст. вып.). Группа издала документ, указывающий на нарушение Хельсинских соглашений в этом деле.

Осуждение Джемилева противоречит пункту VII части A I раздела Заключительного Акта: "Уважение прав человека и основных свобод, включая свободу мысли, совести, религии и убеждений" и пункту VIII той же части, где говорится о "праве народов распоряжаться своей судьбой в условиях полной свободы".

Обстоятельства подготовки и проведения процесса приводят членов Группы к выводу, что это не правовой акт, а "заведомо приготовленная расправа", что "не позволяет распространить на дело Джемилева статью Заключительного Акта о невмешательстве во внутренние дела, ибо данная статья разъяснена в Заключительном Акте, как уважение законов и порядков суверенных государств, но не как уважение беззакония, прикрывающегося фальсификацией".

Документ подписали члены Группы: Ю. Орлов, М. Бернштам, Е. Боннэр, А. Гинзбург.

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

У А. Сергиенко во Владимирской тюрьме в конце декабря было свидание с матерью, О.Я. Мешко, на котором он сообщил ей о резком ухудшении своего состояния (Сергиенко болен туберкулезом). С тех пор от Сергиенко не было писем. Матери стало известно, что в марте 1976 г. он был помещен в карцер на две недели.

30 апреля 1976 г. О.Я. Мешко беседовала о своем сыне в медуправлении МВД с врачом-фтизиатром. Врач сообщил, что ее сын получает медикаментозное лечение.

— Но есть же положение — туберкулезным больным дается дополнительное питание, увеличиваются прогулки — ведь в камере только рассеянный свет и совсем нет солнца. А разве карцер допустим для туберкулезника?

— Режим мы изменить не можем; если он нарушил порядок, его сажают в карцер. Мы только лечим.

О.Я. Мешко спросила врача о возможности активирования сына.

— Вы знаете, кого активируют? Носилочных больных. И то мы с трудом этого добились.

На это Мешко ответила, что в активировке умирающего заинтересована прежде всего тюрьма: и статистика лучше, и ухаживать не надо. Здесь нет заслуги врачей.

— Вы лучше активируйте так, чтобы предотвратить смерть.

— Это не в нашей власти. Об изменении режима спросите в ГУИТУ.

В тот же день О.Я. Мешко побывала в прокуратуре РСФСР у прокурора по надзору Болысова. Там она пыталась выяснить, за что ее тяжело больного сына поместили на две недели в карцер. Болысов ей на это сказал, что ее сын за год написал 84 жалобы, причем если бы только о себе писал, а то ведь и о других. На вопрос Мешко, на что же именно жалуется ее сын, Болысов отвечал, что жалобы состояли из недопустимых выражений и

повторить всего этого он не может. Болысов выразил сожаление, что О.Я. Мешко неправильно воспитала сына.

— Мне не пришлось заниматься его воспитанием, я 10 лет отсидела в лагере. Его воспитывали школа и общество, и, мне кажется, неплохо воспитали, если он, сам находясь в тяжелом положении, заступает за других.

4 мая Мешко была на приеме в ГУИТУ. Там она опять поставила вопрос о недопустимости такого режима для ее сына и о необходимости его активировать и под конец предложила: "Если мы с сыном вам не подходим, отпустите нас за границу". Этим собеседник несколько заинтересовался.

* * *

Москва. В конце августа 1975 г. Андрей Константинович Ивачкин (инженер по образованию, 1942 г. р.) был вызван в УКГБ Киевского района г. Москвы по заявлению некоего лица. По словам сотрудников ГБ, автор заявления сдал им книгу "Архипелаг ГУЛаг" А.И. Солженицына и написал, что получил ее от Ивачкина. Сотрудники КГБ, угрожая возбуждением дела по ст. 70 УК РСФСР, потребовали, чтобы Ивачкин сообщил, у кого он брал и кому давал книгу Солженицына. А. Ивачкин письменно заявил, что видит книгу впервые.

Через два с лишним месяца, вечером 31 октября, в комнату А. Ивачкина явились люди в милицейской форме и в штатском и силой отвели его в 7-ое отделение милиции. На утро он был осужден судьей Дьяковым на 15 суток.

Вскоре в камере появился некто по кличке "Сынок", отрекомендовавшийся вором-рецидивистом. "Сынок" расспрашивал Ивачкина о его отношении к Сахарову, Солженицыну, об "Архипелаге ГУЛаг", обещал помочь — позвонить знакомым и сообщить о случившемся. Рассказы "Сынка" о себе и о своем деле, как выяснилось впоследствии, были ложью.

С Ивачкиным проводили беседы ст. лейтенант В.И. Лихачев и начальник отдела угрозыска Ленинградского РОМ подполковник Лидов. Угрожали возбуждением дела по нескольким уголовным статьям. В качестве альтернативы предлагали откровенность и сотрудничество.

Выйдя из-под ареста, А. Ивачкин обжаловал действия милиции в прокуратуре. Помощник прокурора Горохова ответила,

что Ивачкин был осужден согласно закону.

Кровоподтеки и следы пальцев на шее, результат насилия, примененного при аресте, были зарегистрированы по настоящию Ивачкина в травмопункте.

* * *

Москва. 15 апреля вечером в Люблинский районный суд к судье Кутергину привели С.Д. Ходоровича (см. раздел "Суд над Твердохлебовым").

Письменных показаний, поданных свидетелями задержания, в деле не было; эти свидетели также не были опрошены. Начальник 103 отделения милиции сказал им, что суд будет только на следующий день.

Судья зачитал С. Ходоровичу выдержки из рапортов милиционеров и дружинников, содержавшие фантастические подробности его поведения; Ходорович сказал, что это — ложь; судья написал постановление и объявил Ходоровичу, что он арестован на 15 суток за злостное неповиновение милиции.

Первые двое суток Ходорович содержался в 103 отделении милиции, где не получал никакой казенной пищи, но продуктовые передачи принимались. На оставшиеся 13 суток его водворили в КПЗ при 71-ом отделении милиции. Там режим содержания следующий: спать на голом полу; с 6 до 23 часов лежать запрещается; передачи не принимаются; курить запрещено; полотенца, зубной щетки, носового платка — нет; бриться, стричь ногти — запрещено, да и нечем; все 15 суток — ни бани, ни душа. Камера не проветривается, прогулок нет. Питание: 8.00 — чай без сахара с хлебом, 15.00 — суп и котлета с гарниром, 20.00 — чай полусладкий с хлебом.

Находясь под арестом, Ходорович категорически отказался работать. 30 апреля С.Д. Ходорович из-под ареста освобожден.

20 апреля жена С. Ходоровича послала жалобу районному прокурору. Она просила пересмотреть дело с привлечением свидетелей. Ответа на жалобу не было.

* * *

Москва. 17 апреля, в дни еврейской Пасхи, на улице Архипова возле синагоги лица, отказавшиеся предъявить свои документы, задержали двух молодых евреев. Одного из них, Андрея Окунеза, при этом избивали.

Стали известны фамилии двоих из избивавших: Коротких Виктор Васильевич и Грудман (или Грутман) Михаил Александрович.

Окунев был доставлен на 6-ой опорный пункт 26-го отделения милиции, обыскан и вновь избит. При этом присутствовал заведующий оборонно-массовым отделом Калининского РК ВЛКСМ Банников Юрий Николаевич.

В 26-ом отделении милиции следователь Кравцов сказал Окуневу: "Так куда, говоришь, тебя били? Я туда же ударю!" Показания об избии Кравцов из протокола допроса исключил.

Медицинская экспертиза, проведенная 18 апреля в травмопункте Волгоградского р-на г. Москвы, зафиксировала следы побоев.

* * *

г. Камешково, Владимирская обл. 13 апреля 1976 г. вечером на квартиру к В.А. Некипелову явились два сотрудника районной милиции — лейтенант Карпюк Н.И. и инспектор Жигарев В.Д. — "проверить" — как они заявили — "чем Некипелов тут занимается и нет ли здесь антисоветских людей". Еще они спросили, где Некипелов хранит огнестрельное оружие.

Свои действия они объяснили тем, что Некипелов "недавно сидел" (Хр. 32), и сослались на секретный приказ начальника РОВД.

В.А. Некипелов написал протест против незаконного вторжения к нему милиции.

* * *

Магадан. В начале ноября 1975 г. Г. Боголюбову стало известно со слов соседей, что в его отсутствие к нему на квартиру приходили неизвестные люди.

11 ноября Боголюбов был задержан на улице, доставлен в отделение милиции и допрошен по поводу двух взрывов, случившихся (по словам допрашивающих) в Магадане 8 и 9 ноября. Задержанный категорически отверг подозрение в причастности к взрывам, расценив допрос как провокацию. В милиции Боголюбова безо всякой санкции подвергли обыску, причем его попытка воспрепятствовать незаконию была пресечена силой. "Это тебе не КГБ, где с тобой могут еще философствовать!" — сказал один из милиционеров и ударил его в живот.

Из хозяйственной сумки Боголюбова извлекли "Письмо Ф. Раскольникова Сталину", "Письмо Э. Генри Эренбургу" и другие тексты Самиздата. Протокол обыска, несмотря на требования Боголюбова, составлен не был.

Затем его доставили домой, и здесь работник ГБ В.С. Мясников, сотрудник милиции Водопьянов и другие лица провели обыск. Изъяты два тома "Архипелага ГУЛаг", 1-ый и 2-ой номера журнала "Континент", "Август Четырнадцатого", "10 лет после "Одного дня Ивана Денисовича". Санкция прокурора и протокол отсутствовали и в этом обыске.

Геннадий Боголюбов, 1942 г. р., работает маляром в тресте "Магаданстрой". В сентябре 1975 г. его вызывали на процесс В. Осипова (Хр. 37) в качестве свидетеля. В суд он не явился по болезни.

* * *

Магадан. 4 декабря 1975 г. Гридасов, рабочий одной из строительных организаций города, был вызван в городское управление КГБ для беседы с помощником прокурора Соловьевым и начальником оперативного отдела службы ГБ Киселевым. Беседа касалась намерения Гридасова выйти из гражданства СССР (об этом он заявил в письме в Верховный Совет) и его связей с консулом США Наппером.

Гридасова предупредили, что его контакты с иностранцами расцениваются как уголовно наказуемое деяние и что, в случае продолжения этих контактов, он "будет водворен в психлечебницу" или подвергнут "более действенным мерам".

На вопрос Гридасова, какие "более действенные меры" имеются в виду, ответа не последовало.

* * *

Москва. 1 апреля 1976 г. историк и востоковед Михаил Семенович Бернштам был вызван в приемную КГБ при СМ СССР. Беседовали с ним генерал-майор КГБ Василий Петрович Захаров и старший лейтенант Юрий Семенович Здорнов. Захаров сказал, что органы располагают доказательствами того, что М. Бернштам участвует в подготовке коллективного сборника "Через топь" (среди материалов, изъятых у ленинградцев Троня и Земцова (Хр. 39), был проспект этого философско-публицистического сборника). Захаров назвал Бернштама инициа-

тором и организатором предполагавшегося сборника и объявил ему, что, если сборник выйдет, Бернштам немедленно привлекут к ответственности по ст. 70. Если же Бернштаму удастся избежать наказания (он собирается эмигрировать — Хр.), то будет арестован один из его друзей. ("Кстати, вас тут, кажется, Владимир Борисов внизу дожидается. Передайте ему, что у него положение пиковое, ему тоже неплохо бы уехать".)

М. Бернштам заявил сотрудникам КГБ, что, насколько ему известно, сборник "Через топь" не выйдет в свет.

Беседа велась в спокойном тоне. Бернштаму предлагали помощь в устройстве на работу или в хлопотах по выезду его и его семьи.

После неофициальной части Бернштаму было вынесено "Предупреждение" по Указу от 25.12.72. Бернштам протокол "Предупреждения" подписал, но записал свои возражения против предъявленных ему обвинений.

Это — второе "Предупреждение", вынесенное М. Бернштаму. Первое он получил в октябре 1974 г.

22 апреля Бернштам был снова вызван в КГБ, и В.П. Захаров заявил, что, по его сведениям, Бернштам продолжает заниматься составлением сборника. Захаров подчеркнул, что предупреждение остается в силе, где бы и под каким бы названием сборник ни вышел.

Жене Михаила Бернштама В.В. Гревской и ее дочери задерживают разрешение на выезд.

* * *

Ленинград. 16 марта 1976 г. сотрудники ленинградского КГБ предложили старшему инженеру НИИ математики и механики ЛГУ к.ф.-м.н. Роману Гордееву побеседовать с ними. Беседа проходила у Гордеева дома. В течение 5-и часов его расспрашивали о его знакомствах, книгах, которые он читает. Гордееву сказали, что от его ответов зависит улучшение его жилищных условий (супруги Гордеевы и двое их детей дошкольного возраста живут на 12 кв. м). На вопросы о своих знакомствах Гордеев отвечать отказался.

В конце беседы Гордееву предложили добровольно выдать имеющуюся у него "литературу", угрожая в противном слу-

чае съездить за ордером на обыск. Гордеев отдал несколько книг, в том числе "Все течет" В. Гроссмана. В ответ на требование сотрудников КГБ дать письменное обязательство не заниматься антисоветской деятельностью Гордеев написал, что он не будет заниматься деятельностью, противоречащей конституции.

В тот же день сотрудники расспрашивали о Гордееве его бывшую жену, на следующий день — его друга.

* * *

Москва. Стали известны подробности беседы, которую провел сотрудник КГБ А. Шевчук с В. Архангельской, женой осужденного в сентябре прошлого года Владимира Архангельского (ХР. 38).

А. Шевчук принимал участие в обыске, проведенном на квартире Архангельских 15 июля 1975 г. Через несколько дней он явился к В. Архангельской и, склоняя ее к сотрудничеству, высказал попутно некоторые любопытные суждения:

... О нас ходят всякие небывилицы, а на самом деле в КГБ работают простые советские люди, такие, как везде. Я сам раньше работал на фабрике, потом выдвинули, теперь вот веду разъяснительную работу... Встречают по-разному. Если в дверь не пускают, лезу в окно...

... О тюрьмах рассказывают разные ужасы, это же все неправда. Вот Твердохлебов: золотые зубы в тюрьме вставил, ряску наел, стал совсем толстый... Там питание хорошее, времени свободного много, делай что хочешь — читай, работай... А вообще, я с этим мало знаком, я тюрьмами не занимаюсь, меня интересуют другие вопросы...

... Этих судим не за убеждения, а за то, что собирают весь мусор, выносят его из избы и передают на Запад. Везде есть недостатки, у нас тоже, но у нас много хорошего, а они собирают всякую грязь...

... Чего они все хотят? Почти все образованные, но не обеспеченные. Вот Альбрехт... заумный такой, взъерошенный... Ваш муж тоже работает не по специальности. Они это нарочно делают, чтобы показать, как у нас плохо.

... Посидеть-то вашему мужу надо, это его охладит. Но если вы будете нам помогать, он вернется потом в семью, и все у

вас будет хорошо... Мы должны общими усилиями вырвать его...

... В Израиле — там же работать нужно, у нас с этим легче...

... Если бы у нас были такие полномочия, мы могли бы сразу всех пересажать... Нам это было бы легче. Но мы стараемся не посадить человека, а перевоспитать его...

* * *

Ленинград. 24 февраля, в день открытия XXV съезда КПСС, с галереи Гостинного двора на Невский проспект трое молодых людей сбросили около 100 листовок. Листовки написаны от руки, печатными буквами, текст кончается словами: "Да здравствует новая революция! Да здравствует коммунизм!"

4 марта был арестован один из участников этой акции, 17-летний студент 1 курса мат-меха ЛГУ Андрей Резников, выпускник 121-й (математической) школы. Ему было предъявлено обвинение по ст. 190-1 УК РСФСР. Резников находился под следствием во внутренней тюрьме Ленинградского КГБ ("Большой дом") около месяца, после чего выпущен под ответственность родителей. Дело его передано в комиссию по делам несовершеннолетних при Ленгорисполкоме. Формально он из университета не исключен, но к занятиям не допускается.

Двое других участников события 24 февраля (десятиклассники или прошлогодние выпускники) вызываются на допросы. Допрашиваются выпускники 121-ой школы, среди них студент 1 курса истфака ЛГУ Строгов. Подвергнут 10-часовому допросу старшеклассник (15 лет) из 317 школы. Многие из допрошенных — участники городского туристического клуба, в котором состоял и Резников. Почти все допрошенные исключены из ВЛКСМ и из школы. В школе № 317 исключение из ВЛКСМ происходило на бюро ВЛКСМ (без предварительного обсуждения в первичной организации); выступали ораторы из райкома партии; присутствовал представитель КГБ. Бывший классный руководитель Резникова уволен, секретарь парторганизации школы снят. В 121 школе планируется резкое сокращение числа 9-х и 10-х классов (вместо девяти-десяти — к следующему году два); в связи с этим намечается массовое сокращение учителей.

Десятиклассника из 121 школы, победившего в этом году на Всесоюзной олимпиаде по математике, не выпускают в поезд-

ку за границу на Международную олимпиаду.

Обыски по этому делу проводились у А. Резникова, а также у В. Смирнова.

* * *

Москва. Анатолий Уваров из Новосибирска, сотрудник ВЦ СОАН, был арестован в Москве в начале апреля. Во время визита в СССР премьер-министра Швеции У. Пальме Уварова задержали у шведского посольства. На нем были надеты плакаты примерно следующего содержания:

"Прошу убежища!", "Военными тайнами не располагаю".

Анатолий Уваров был отправлен в Институт им. Сербского. Дальнейшая его судьба "Хронике" неизвестна.

* * *

Башкирия. В г. Октябрьском был арестован, объявлен невменяемым и направлен на принудительное лечение Попов — автор стихов, признанных антисоветскими.

Друг Попова, студент юридического факультета университета в Уфе (его фамилия "Хронике" неизвестна), написал заявление в защиту Попова и просил вызвать его на суд свидетелем. Тогда на него завели персональное дело по комсомольской линии. Собрание состоялось в середине апреля. "Обвиняемый" выступил с речью, в которой высоко отозвался о Попове, сказал, что считает его нормальным человеком, а его преследование — несправедливостью. Собрание исключило этого студента из комсомола с ходатайством об исключении из университета. Резолюция прошла большинством всего в 7 голосов при открытом голосовании.

* * *

Пятигорск. 15-19 сентября 1975 г. в Пятигорске проходил суд по делу о применении мер медицинского характера к Звереву Михаилу Стефановичу. Адвокат местный, законный представитель обвиняемого — жена.

Звереву инкриминировалось распространение около 20 статей, порочащих советский строй, изготовление и распространение листовок клеветнического содержания (эти документы он рассылал по почте, опуская в почтовые ящики). Арестован 5 февраля 1975 г. Обвинение было предъявлено сначала по ст. 190-1, но в ходе следствия переквалифицировано на ст. 70.

Летом 1975 г. Зверев был направлен на судебно-психиатрическую экспертизу в Институт им. Сербского. Признан невменяемым, диагноз — "паранойальное развитие личности" (бред реформаторства, некритическое отношение к себе и т. п.).

Суд вынес определение о принудительном лечении в больнице специального типа.

Кассационную жалобу подала жена Зверева, т. к. адвокат обжаловать определение суда отказалась. Состоявшийся 14 ноября 1975 г. в Ставрополе кассационный суд оставил решение в силе.

В конце декабря 1975 г. М. Зверев помещен в Черняховскую спецпсихбольницу.

Звереву 50 лет, по специальности инженер-электрик. У него двое детей. Дочь — школьница 7 лет. Сыну 18 лет, служит в армии.

О М.С. Звереве коротко сообщалось в "Хронике" № 39.

* * *

Киев. Виктор Михайлович Маресин, арестованный летом позапрошлого года по подозрению в причастности к группе фальшивомонетчиков, в процессе следствия высказал "антисоветские взгляды". В декабре 1974 г. он был направлен на психиатрическую экспертизу и признан заболевшим в процессе следствия. Диагноз — шизофрения в параноидальной форме.

Суд над фальшивомонетчиками прошел; дело Маресина, видимо, выделено, и следствие по нему приостановлено. Сам Маресин находится в Киевской психоневрологической больнице № 21. По словам лечащего врача, ему угрожает перевод в Днепропетровскую спецпсихбольницу. Тот же врач полагает, что со взглядами, которые проповедует Маресин, нельзя жить на свободе.

Виктор Маресин — брат Валерия Маресина, о суде над которым сообщается в наст. выпуске "Хроники".

* * *

Украина. В январе 1976 г. в г. Жданове судили члена секты "Свидетели Иеговы" за отказ от службы в советской армии. Подробности "Хронике" неизвестны.

Волгоградская обл. В г. Урюпинске осужден 19-летний Кирилл Дмитриевич Сонин за отказ от службы в советской армии по ре-

* * *

Виктор Петрович Чамовских (Хр. 33) после отбытия своего четырехлетнего срока в лагере был отправлен в ссылку, где его поставили под гласный административный надзор.

(Летом 1975 г. милиция пос. Чуна Иркутской обл. пыталась поставить под надзор ссыльного Анатолия Марченко, однако попытка была пресечена прокуратурой как незаконная.)

24 апреля 1976 г. Чамовских был приговорен к году лагерей за нарушение надзора.

* * *

5 февраля (в Хр. 39 ошибочно — 5 января), отбыв свой лагерный срок, Вячеслав Петров, подельник Георгия Давыдова (Хр. 29), был отправлен с 35 л/п Пермских лагерей в двухлетнюю ссылку.

18 февраля он прибыл в Томскую тюрьму и на следующий день объявил голодовку, требуя, чтобы ему разрешили съездить в Москву и Ленинград для посещения прокуратуры (Петров пытается доказать, что некоторые эпизоды, вошедшие в его приговор, приписаны ему ложно).

Голодовку он продолжал и тогда, когда его отправили из тюрьмы на место ссылки в поселок Каргасек. 4 марта он был доставлен на место. Петров прекратил голодовку 8 марта, но продолжает добиваться разрешения на поездку.

* * *

Пермь. 20 марта вышел из психиатрической больницы общего типа Геннадий Парамонов (Хр. 18).

Владимир. В десятых числах мая освобожден из психбольницы общего типа М.И. Кукобака (Хр. 39).

* * *

Елгава, Латв.ССР. Закончено следствие по делу Михаила Александровича Нарицы, обвиняемого по ст. 198 УК ЛатвССР (соотв. ст. 190-1 УК РСФСР). Две судебные психиатрические экспертизы, в Риге и Ин-те им. Сербского (проф. Лунц), признали Нарицу вменяемым.

7 мая Нарицу привезли из рижской тюрьмы, где велось следствие, в Елгаву. Прокурор г. Елгавы объявил Нарице, что он освобождается из-под стражи под подписку о невыезде.

Прокурор сказал, что вопрос о том, передавать дело в суд или закрыть дело, еще будет решаться и что многое зависит от самого Нарицы: "Обещаете ли вы изменить свое поведение?" Нарица ответил вопросом: "Вы пытаетесь запретить мне заниматься творчеством?" и ничего не обещал.

В это же время жена Нарицы разговаривала с недавно назначенным новым следователем по делу ее мужа. Он сообщил ей о снятии ареста и вернул несколько произведений Нарицы, изъятых при обыске: два или три рассказа и рукопись учебника "Перспектива".

Нарица был арестован 20 ноября 1975 г. (Хр. 38). 3 декабря его доставили в рижскую психиатрическую больницу. Здесь он отказался отвечать на вопросы врача, носившие характер допроса, и воспротивился уколу. Тогда два милиционера, фельдшер и санитар сильно избили его. При этом милиционеры грозились составить акт о том, что Нарица на них напал, и завести уголовное дело о нападении.

20 мая кончается 6-месячный срок, отведенный для следствия, включая ознакомление с делом. Обвинительный материал состоит исключительно из произведений самого Нарицы. От дачи показаний он отказывался.

* * *

Вильнюс. Адвокат, ведущий в порядке надзора дело С. Ковалева, 17 мая получил в Верховном суде ЛитССР разрешение ознакомиться с уголовным делом, но не смог получить само дело. Оказалось, что оно затребовано литовским КГБ, а оттуда отправлено в Москву.

* * *

Москва. Во время "нобелевской кампании" против А.Д. Сахарова в "Литературной газете" от 3 декабря 1975 г. был перепечатан комментарий Макса Леона из газеты "Юманите"; через неделю там же было напечатано письмо "известной прогрессивной писательницы" из Канады Мэри Досон.

Научный сотрудник одного из институтов Академии наук СССР Виктор Кудрин послал Леону и Досон письмо с возражениями. Одновременно он послал копию своего письма в "Литературную газету", предложив опубликовать его.

15 марта 1976 г. Я. Боровой (иностранный отдел "Литера-

турной газеты”) послал Кудрину ответ:

Действительно, в нашей газете существует хорошая традиция давать возможность выступать людям, отстаивающим разные точки зрения. Но такая возможность предоставляется только при условии, что оба оппонента (пусть и не соглашаются в чем-то друг с другом) болеют душой за наш строй, хотят успехов в деле построения коммунизма в СССР.

Мы не намерены предоставлять трибуну в ”Литературной газете” пасквилянтам и врагам нашего общества.

* * *

Москва. В сентябре 1975 г. постановлением председателя Госкомиздата был уволен заведующий редакцией советской литературы Литературной Энциклопедии Ермаков. Устно ему объяснили, что увольняют за продолжение критики культа личности, под видом которой выступают те, кому не по вкусу наша действительность.

Несколько сотрудников редакции опасаются, что они тоже могут остаться без работы.

Конфликт начался после того, как редакцией был подготовлен раздел ”Литература” в статье ”РСФСР” для 22-го тома Большой Советской Энциклопедии. В свое время эта редакция выпустила аналогичную статью ”Русская советская литература” в 6-м томе ЛЭ, вышедшем в 1972 г.

Текст новой статьи (по сути дела повторявшей ”канонизированный” ранее текст) вернули из ЦК с изъятиями: было снято упоминание о XX съезде, о постановлении ЦК 1958 г., которое сглаживало знаменитое постановление 1948 г.; из списка ”классики” вычеркнуты ”Мастер и Маргарита”, ”Теркин на том свете”, ”В окопах Сталинграда”.

За возражения против этих изменений и был изгнан зав. редакцией.

Семь членов редколлегии ЛЭ отправили в Отдел культуры ЦК письмо, в котором выражали беспокойство по поводу ситуации, сложившейся в редакции. Ответа они не получили. Ответственный редактор и член редколлегии БСЭ по литературе Алексей Сурков заявил, что он отказывается от обеих должностей, если будет опубликован измененный текст. Ответа он не получил.

Статья "РСФСР" в 22-м томе БСЭ была опубликована в новой редакции. По слухам, А. Сурков отказывается теперь от работы в редакции и даже не подписывает редакционных бумаг, которые присылают ему на дом.

* * *

Москва. В середине апреля на заседании Ученого совета Института высшей нервной деятельности сотрудник института Подачин внес предложение ходатайствовать перед ВАКом о лишении докторской степени Юрия Гейнисмана, уехавшего три года назад в Израиль. Предложение поддержал директор института академик Асратян, и оно было принято единогласно. Тут кто-то вспомнил, что года два назад в Израиль уехал доктор биологических наук Мислободский. Проголосовали и за этого.

* * *

Москва. 12 апреля 1976 г., на следующий день после выборов народных судей, Т.С. Ходорович созвала пресс-конференцию. Она рассказала, как накануне ее уговаривали пойти голосовать. "У нас не голосуют только осужденные и умалишенные", "Что вам стоит пойти? Пойдите, зачеркните, и все", "Если вы не пойдете, завтра же вселим жильцов в пустующую в вашей квартире комнату, на которую претендует ваша дочь". Т. Ходорович объявила иностранным корреспондентам причины своего отказа голосовать: выборы из одного кандидата — не выборы; советский суд не подчиняется закону; избираемые судьи — члены КПСС и, следовательно, не независимы.

* * *

Писатель Анатолий Гладилин покинул СССР. Об его исключении из Союза писателей см. Хр. 39.

Из СССР уехал Иосиф Мешенер (Хр. 16). Об освобождении Мешенера после 5 лет лагерей по ст. 62 УК УССР (соотв. ст. 70 УК РСФСР) сообщалось в Хр. 39.

* * *

В конце марта 8 "неофициальных" художников из Москвы и Ленинграда обратились в ОВИР с просьбой разрешить им полугодовую поездку в Европу и Америку для ознакомления с зарубежным искусством. Предполагалось посетить Францию, Югославию, Польшу, ГДР, ФРГ, Италию, Канаду и США. Художники собирались окупить расходы по поездке следующим образом:

каждый берет с собой по 2 картины для продажи. Кроме того, они намеревались за границей писать и продавать свои картины.

Состав предполагавшейся группы: Жарких Ю.А., Овчинников В.А., Киблицкий И.И., Кропивницкий А.О., Кропивницкая В.Е., Рабин О.Я., Рухин Е.Л. и Эльская Н.В.

В начале апреля инспектор ОВИРа сообщил художникам по телефону, что их заявление рассматриваться не будет. Причины отказа: 1) ОВИР не рассматривает заявления от группы лиц; 2) ОВИР не рассматривает заявления на поездку в группу стран; 3) ОВИР не рассматривает заявления без приглашения из-за границы. Кроме того, художникам сказали, что в любом случае потребуется характеристика от партийной и профсоюзной организации и от администрации.

Художники отправили Министру внутренних дел СССР жалобу, настаивая, чтобы им дали ответ по существу.

* * *

30 апреля 1976 г. в Москве, в возрасте 75 лет, после длительной тяжелой болезни, нажитой в лагерях, скончалась поэтесса Анна Александровна Баркова. Она родилась в г. Иваново-Вознесенске в рабочей семье.

В 20-х годах вышел сборник ее стихов "Женщина". Оригинальность ее таланта получила тогда высокую оценку Луначарского в его предисловии к сборнику. О ней упоминали с похвалой Блок и Брюсов.

Баркова прошла длинный путь заключений и ссылок:

с 1934 по 1939 первый срок, затем ссылка;

с 1947 по 1956 второй срок;

с 1957 по 1965 третий срок.

По всем трем "делам" она была в разное время полностью реабилитирована

Ее стихи, отмеченные глубоким пессимизмом, горечью, трагизмом и остротой мысли, ходили самиздатом по рукам и отдельными листами, и небольшими сборниками.

Из дома престарелых в Потье ей помогли перебраться в Москву и получить пенсию Твардовский и Федин. Членом Союза писателей она не состояла.

ПИСЬМА И ЗАЯВЛЕНИЯ

Матери и жены политзаключенных: Н. Буковская, О. Мешко (Сергиенко), Г. Салова (Любарская), Н. Бузырова (Федорова), В. Исакова (Давыдова) — Открытое письмо в международную организацию "Амнистия" и в Европейскую комиссию по правам человека. 19 марта 1976 г.

Авторы письма сообщают, что администрация Владимирской тюрьмы с недавнего времени ведет дело к полной изоляции политзаключенных. У заключенных отнимают последнее, что они имели:

право писать родным и близким и получать письма от них. (О переписке Владимирских политзаключенных см. также "В тюрьмах и лагерях", наст. вып.);

право получать редкие, положенные по закону свидания.

Авторы пишут, что используемый цензурой метод конфискации писем за "подозрительность" универсален и дает полную возможность "воспитывать", мстить за жалобы и протесты. Кроме того, заключенных то и дело лишают положенных свиданий:

Менделевича уже два года лишают свидания с отцом;

Ю. Федоров (приговорен к 14 годам) более года не видел жену и малолетнюю дочь;

больная мать Джемилева приехала с другого конца страны в Омскую тюрьму и умоляла о свидании, но безрезультатно.

Все жалобы родственников в прокуратуру и другие контролирующие организации были тщетными.

"Неужели для того, чтобы кто-то наконец помог, нужно дожидаться голодной смерти В. Буковского, М. Джемилева, В. Мороза?!" — этими словами заканчивается письмо.

К авторам присоединяется Инициативная группа защиты прав человека в СССР. Она просит обратить особое внимание на это письмо и сделать его как можно более известным.

* * *

Вера Лисовая. Четыре письма секретарю коммунистической партии Франции Жоржу Марше, коммунистам Канады, Международному комитету защиты прав человека, организации "Международная Амнистия" (март 1976 г.)

Жена политзаключенного Василия Лисового, бывшего кандидата философских наук (Хр. 30), просит помочь ей добиться освобождения мужа. На свидании в январе 1976 г., которое происходило в Киевском следственном изоляторе КГБ, муж сказал ей, что он стоит на марксистских позициях и не чувствует за собой никакой вины — ни идейной, ни юридической.

Сейчас Лисовой находится на 19 л/п мордовских лагерей.

* * *

Священник Глеб Якунин и Лев Регельсон в большом письме от 6 марта 1976 г. Генеральному секретарю Всемирного Совета Церквей указывают, что советское законодательство о религии свидетельствует о религиозной дискриминации, санкционированной государством, поскольку оно требует "внеправовой" регистрации религиозных обществ, лишает религиозные общества права собственности на молитвенные здания и основные предметы культа, запрещает миссионерскую и культурно-социальную деятельность религиозных обществ, а также организованные формы частного религиозного образования и воспитания. Авторы приводят многочисленные примеры несогласованности советского внутрисоюзного законодательства о религии и международных документов, обязательных внутри СССР.

* * *

1729 советских немцев, проживающих в Киргизской ССР, обратились с открытым письмом к XXV съезду КПСС и Генеральному секретарю ЦК КПСС Л.И. Брежневу, а также с заявлением в ЦК КПСС с просьбой разрешить им уехать "на историческую родину предков — Германию".

* * *

И. Дворецкий. Открытое письмо американским железнодорожникам.

Автор письма, машинист тепловоза, рассказывает: 1 ноября 1967 г. в 6 часов утра ведомый им поезд № 3502 на станции Пост-Волынский (УССР) был принят на запасный путь, занятый нефтеналивным составом. Машинисту с огромным трудом удалось предотвратить катастрофу, в которой могли погибнуть сотни людей. Сразу после этого он начал разыскивать виновных в преступной халатности, пытался привлечь к ответственности начальника дороги П.Ф. Кривоноса, "зачинателя стахановс-

кого движения на железнодорожном транспорте”, и это дорого обошлось жалобщику. Медкомиссия признала его душевнобольным, несколько раз его помещали в психбольницу, уволили с работы. После нескольких попыток подать заявление в высшие партийные органы — Дворецкий был избит милиционерами, допрошен в КГБ и вновь отправлен в психиатрическую лечебницу. Комиссия ВТЭК, куда Дворецкий обратился с просьбой о назначении пенсии по инвалидности, признать его инвалидом отказалась. На работе его также не восстановили. Когда Дворецкому удалось лично обратиться к первому секретарю ЦК КПУ, члену Политбюро ЦК КПСС В. Щербицкому, тот ответил, что Кривонос принадлежит истории партии, и ”пачкать его мы не позволим”.

На просьбу Дворецкого выпустить ”куда-нибудь за границу” ему ответили грубым отказом.

Дворецкий обращается к американским железнодорожникам:

”Мы делаем одно дело — перевозим людей и все, что необходимо для жизни. И хотя нас разделяет океан,... под нашими колесами звенит одна планета... Прошу вас, братья, не забывайте, что еще не всюду на земном шаре покончено с рабством... Хочу одного только: чтобы люди знали правду. Все земные люди — и ваши, и наши. Без правды, без свободы жить на земле невозможно”.

Адрес Ивана Григорьевича Дворецкого: СССР, Киев, 87, ул. Авиации 10, кв. 41.

* * *

С.Н. Старобинец. Заявление Министру внутренних дел СССР.

Исключенная из комсомола и института (Хр. 38), Серафима Старобинец просит ”восстановления справедливости и привлечения к ответственности всех виновных в грубом нарушении закона...”

На это заявление Старобинец получила ответ из МВД: ”... В действиях милиции не найдено никаких нарушений закона”.

* * *

И. Аксельрод. ”XXV съезду КПСС”, 16.1.1976.

Автор комментирует заявление первого заместителя министра юстиции СССР А.Я. Сухарева в журнале ”Новое время”

№ 1, 1976 г. (см. Хр. 39 "Полемика с Сухаревым").

"... практически во всех важнейших международных правовых документах, которыми руководствуется современное человеческое общество, нашли отражение те реальные права, которыми пользуются граждане Страны Советов..."

Инна Аксельрод, преподаватель немецкого языка на кафедре иностранных языков АН СССР, и ее муж, Виталий Рубин, изучающий историю и философию Древнего Китая, в феврале 1972 г. подали документы на выезд в Израиль. В августе того же года получили отказ. Основание — В. Рубин является "крупным специалистом". После подачи документов И. Аксельрод и В. Рубин лишились работы.

И. Аксельрод дважды обращалась к Л.И. Брежневу с просьбой рассмотреть дело по существу, но не получила ответа.

С 28 июня по 6 июля 1974 г., во время визита в СССР Р. Никсона, В. Рубин был изолирован в Можайской тюрьме, без постановления об аресте, без суда и следствия (Хр. 32). В те же дни И. Аксельрод была фактически под домашним арестом: дежурившие в подъезде милиционер и "агент в штатском" никого в ее квартиру не пропускали.

В приложении И. Аксельрод обращается к редакциям газет "Унита" и "Морнинг Стар" с просьбой опубликовать ее письмо, чтобы "простые люди на Западе", к которым обращался А. Сухарев, могли сопоставить слова и факты.

О ВЫСТУПЛЕНИЯХ ЛЕОНИДА ПЛЮЩА

Две пресс-конференции Леонида Плюща: Лондон, 3 февраля 1976 г.; Париж, 4 февраля 1976 г.

Тексты выступлений Л. Плюща на Западе стали известны в СССР в обратном переводе и распространились в самиздате.

В Лондоне 3 февраля Плющ рассказал о себе и о своем пребывании в спецбольнице.

("Хроника" считает уместным напомнить читателям историю "дела Плюща").

1964 г. — письмо в ЦК КПСС о необходимости демократизации; первое столкновение с КГБ — от него требуют не писать

подобных писем "почему-то в течение двух лет". 1966-71 гг — самиздатские статьи Плюща. 1968 г. — письмо в "Комсомольскую правду" по поводу дела Гинзбурга и Галанскова, последовавшее за этим увольнение с работы. Сбор информации для "Хроники текущих событий" и "Украинского вестника". Членство в Инициативной группе по защите прав человека в СССР. Арест, категорический отказ Плюща от дачи показаний, "диагноз" — шизофрения.)

С июля 1973 г. по 8 января 1976 г. Леонид Плющ находился в Днепропетровской СПБ (Хр. 29-39).

По оценке Плюща, в Днепропетровской больнице содержится около 60 "политических", из них большинство — душевно здоровые люди. Фельдшерами служат уголовники, заканчивающие срок; они часто истязают больных, вымогая взятки — еду, одежду, сигареты и пр. В наказание за "плохое поведение" врачи назначают болезненные инъекции — как правило, сульфазин (серу).

"... В соседнем отделении блатной сообщил врачам, что трое "политических" (один из них немой) ведут антисоветские разговоры... У него мы нашли записку: "Сколько стоят апельсины?" Приняли ее за шифровку. Стали им колоть барбамил в неслыханных до того дозах; параллельно делали уколы серы. В палату больных привезли в бессознательном состоянии..." Все это происходит по инициативе и предписаниям врачей.

Характерный диалог:

Больной: "Когда меня освободят?"

Врач: "Когда я уйду на пенсию".

Профессиональный уровень крайне низок. Плющ обращается к врачу: "Почему вы не пользуетесь психотерапией?" Врач объясняет: "Психотерапию нельзя употреблять в психиатрии..."

По рассказам "старожиллов", положение в больнице раньше, "до Плюща", было гораздо хуже. Случалось, что фельдшеры забивали пациентов насмерть. Так, в начале 70-х годов погиб политический Григорьев.

Как-то фельдшеры убили больного. Дело замяли, блатных эскулапов отправили в лагерь, а заведующую отделением Любарскую понизили в должности. Теперь она просто врач.

(Это та самая Любарская, которая выступала свидетелем на процессе С. Ковалева (Хр. 38). Там она, в частности, заявила, что в больнице нет палат больше, чем на 14 человек, как нет и надзорной палаты. Ср. у Плюща: "... В палате больных было больше, чем кроватей. Меня положили в третий ряд, между двумя койками, сдвинутыми вплотную". В другом месте: "Меня перевели в надзорку, где находятся агрессивные больные...".)

К моменту водворения Плюща в Днепропетровскую СПБ режим там несколько смягчился.

В больнице Плюща держали в строжайшей изоляции. "Фельдшерам и фельдшерицам даже запретили общаться со мной; других политзаключенных предупредили, что, если они заговорят со мной, им будет хуже". Более всего препятствовали общению Плюща и Плахотнюка.

Врачи постоянно допрашивали Плюща, часто задавали такие вопросы: "Ваши контакты на свободе?" Плющ, естественно, отказывался отвечать.

"Лечение" не прекращалось ни на один день. Вот как Плющ описывает его результаты:

"Я сам с ужасом констатировал признаки нарастающего интеллектуального и морального разрушения. Я быстро терял всякий интерес к политическим проблемам, потом к научным вопросам, наконец, к жене и детям. Зато появился страх за жену и детей. Речь моя стала отрывистой, короткой. Память значительно ухудшилась...

... Еще я думал: "Я должен запомнить все, что вижу здесь, и потом рассказать об этом". К сожалению, я не запомнил и сотой доли...

... Несмотря на апатию, я очень боялся, что моя деградация необратима. Я видел тяжелобольных, о которых говорили, что еще несколько лет назад они были здоровы умом и телом и с ними можно было разговаривать. Некоторые заключенные были сломлены на моих глазах, и они опустились..."

Плющ отметил, что, благодаря огласке, он содержался много лучше, чем большинство других. Он призвал мировое общественное мнение обратить внимание на судьбу политзаключенных в СССР. "Я считаю своим долгом совести вступить здесь, на За-

паде, в борьбу за освобождение политзаключенных из тюрем, лагерей и психушек в СССР”, — заявил он.

На следующий день в Париже Плющ дал интервью журналистам газеты "Монд", где рассказал о пятерых заключенных, имена которых называл накануне. Это Н. Плахотнюк (Хр. 28, 30), В. Рубан (Хр. 17), Б. Евдокимов (Хр. 27, 29), А. Лупинос (Хр. 22, 39), В. Яценко. О последнем "Хронике" известно следующее:

Яценко Вячеслав Антонович, 1948 г. р., учился в кораблестроительном институте в г. Николаеве. По неуточненным данным, судим 4 раза: первый раз (приблизительно в 1968 г.) получил 2 года условно; во второй раз — осужден на один год за попытку перейти финскую границу; в третий раз (вероятно, в 1973 г.) обвинен в "клевете на советский строй", признан невменяемым; 8 мая 1975 г. арестован в четвертый раз и обвинен вновь в "клевете" (инкриминировалась рассылка антисоветских писем; Яценко не признал своего авторства). Диагноз поставлен осенью 1975 г. в Институте им. Сербского. Плющ характеризует Яценко как "украинского националиста".

Плющ упомянул также Виктора Рафальского, бывшего преподавателя (видимо, из Ленинграда), неоднократно подвергавшегося психиатрическим репрессиям; братьев Шатравских, наказанных за попытку покинуть СССР (добрались до Финляндии, но были выданы финскими властями), В. Игрунова (см. наст. выпуск).

В этом интервью Плющ коснулся национального вопроса. Он говорил о русификации Украины, о повторяющихся гонениях на украинскую культуру (начало 30-х и начало 70-х годов). Плющ заявил, что он — за Украину, независимую от России.

Плющ рассказал о положении крымских татар, месхов, об антисемитизме в СССР.

И в первом и во втором интервью Плющ подчеркнул, что он был и остается убежденным коммунистом. Он сказал, что для него это значит "бороться за общество, в котором не будет животной борьбы дарвинского типа за материальное благосостояние; за общество, где дух освободится от первенства живота и превратится в творчество". Плющ считает, что единственной попыткой построения истинно коммунистического общества

ва была "Пражская весна" 1968 года. Этот путь "... абсолютно неприемлем для советской бюрократии... Но мне кажется, что для населения СССР это было бы единственной возможностью и доступным путем выхода из политического, социального и духовного тупика, в котором оно находится".

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО Т.С. ХОДОРОВИЧ ЛЕОНИДУ ПЛЮЩУ

"... Знала ли я, начиная борьбу за Ваше освобождение, что Вы — марксист, то есть человек, который проповедует идеологию, отрицающую все для меня святое: Бога, христианство, свободу как высшее, не отчуждаемое от человека благо, в отличие от марксистской "свободы как осознанной необходимости"? Конечно, знала. И все же боролась. Боролась прежде всего потому, что Вас бесчеловечно покарали за ненасильственные действия, за убеждения, воплощенные в словах и достойных поступках".

Т.С. Ходорович восстает против высказанного, по ее мнению, в выступлениях Плюща тезиса, согласно которому пороки советского общества — искажение коммунистического учения.

"Я не видела никакого противоречия между теорией классово-вой борьбы, которой нас обучали в школе, и повальными арестами, рыданиями подруг, в одну ночь лишившихся родителей, страхом, не отделимым от всего нашего быта..."

Говоря о "Пражской весне", столь близкой по духу Л. Плющу, Т.С. Ходорович напоминает, что Ф. Энгельс писал о гибели чешской и других малых наций как о "естественной необходимости". Много места в письме уделено конкретным проявлениям духа насилия в советской действительности.

"Но человек, называющий идеологию, основанную на насилии и призывающую к нему, светлыми и чистыми идеалами, берет на свою душу грех более страшный, чем само зло, ибо заменяет злом — добро, уничтожает пропасть между ними"

Приведем заключительный отрывок письма:

"Уважаемый Леонид Иванович, я не призываю Вас к перемене мировоззрения. У меня нет для этого ни прав, ни слов, ни сил, ни надежды. Вы пронесли свои убеждения через страдания, и

это не может не вызвать глубокого уважения к Вам.

Но не к Вашим убеждениям.

Я призываю Вас к ответственности: ведь Ваше слово, именно благодаря нравственной высоте Вашего человеческого облика, обладает теперь огромной силой и убедительностью.

Людям свойственно отождествлять идею с личностью, эту идею провозглашающей. К сожалению, они гораздо менее чутки к связи между идеологией и действительностью.

Но мы — Вы, я, все живущие и жившие в Стране Советов — обязаны обладать особо тонким слухом, особо острым зрением, недремлющей совестью во всем, что касается "светлых идеалов", "переустройства мира", "создания нового человечества" и т. п.

Уверены ли Вы, что Запад, спасший Вас и приютивший, останется тем же Западом, если вверит будущее своих народов марксизму-ленинизму?

Ведь Вы прекрасно понимаете, Леонид Иванович, что и в этом, вынужденно открытом письме я не только полемизирую с Вами, но использую еще одну возможность рассказать Западу (*свободному Западу!*) о том, как мы живем, об атмосфере вражды, страха, подозрительности, которая становится все гуще и мрачнее. И намного чаще и активней, чем это было раньше, до Вашего заключения и эмиграции, уважаемый Леонид Иванович, советская пропаганда обращается к той самой идеологии, верность которой Вы провозгласили и свободно проповедывать которую Вы считаете теперь своим правом и высоким долгом.

Тем сильнее, тем настойчивее мне хочется, чтобы как можно больше людей на Западе узнало и поняло мои истинные мотивы и побуждения, чтобы к моим взглядам отнеслись с той же вдумчивостью и вниманием, какое проявили к Вашим.

15 марта 1976 г.

Т. Ходорович"

ПО СТРАНИЦАМ СОВЕТСКОЙ ПЕЧАТИ

Из рязанской областной газеты "Приокская правда" (20 декабря 1975 г., статья К. Михайлова "Диверсанты эфира").

"Ну, а что, разве нельзя слушать западные радиостанции, ведь этого же никто не запрещает?" Такой вопрос нет-нет, да и задают порой некоторые молодые люди. Что верно, то верно, таких запретов у нас нет. Но если следовать такой сверхнаивной логике, то можно серию подобных вопросов продолжить до очевидного абсурда.

Скажем, с таким же успехом можно спорить о том, можно ли лезть под колеса близко идущего транспорта или прыгнуть с высотного здания просто так, из-за принципа?

Отягощать человеческую жизнь надуманными запретами было бы крайне глупо. Да и нужны ли они мыслящим, умственно и нравственно здоровым людям?"

"На кривую дорожку стал бывший юрисконсульт одного из автохозяйств города Рязани некий Данилюк.

На протяжении ряда лет он систематически прослушивал антисоветские радиопередачи и под их влиянием стал распространять клеветнические измышления о нашей действительности, политике партии и государства. С ним неоднократно беседовали окружающие, указывали на его неправильное поведение, позорящее советского человека, убеждали серьезно пересмотреть свои взгляды на жизнь.

Данилюк не внял этим благоразумным советам. Возомнив себя личностью, стоящей над "толпой" и имеющей право поучать других, Данилюк написал ряд пасквилей, порочащих наш строй, начал искать пути, чтобы переслать свои сочинения за границу. Разные люди пытались предостеречь его от неправильных действий, старались не дать ему скатиться в пропасть. Но Данилюк не привык считаться с людьми. Прокуратура была вынуждена привлечь клеветника к уголовной ответственности, и он был осужден областным судом".

Упоминание о деле И.Ф. Данилюка см. также в 32-м выпуске "Хроники".

* * *

И.С. Шкловский, "Вселенная, жизнь, разум", Москва, изд-во "Наука".

3-е издание, 1973 г. стр. 314 4-е издание, 1976 г., стр.310.

"Н.С. Кардашев проанализировал ряд глубоких парадоксов, связанных с проблемой черных дыр. До него этой проблемой в интересующем нас аспекте занимался выдающийся советский физик А.Д. Сахаров. Кардашеву, однако, принадлежит заслуга связи..."

* * *

А. Колесникова. "Всего навсего крестик", журнал "Работница" № 4, 1976 г.

Автор — преподаватель философии и научного атеизма в медицинском училище. Выдержки из статьи:

"Между прочим, самым юношам и девушкам вопрос о религиозном влиянии семьи не показался неожиданным. И когда я решила предложить студентам нашего училища небольшую анкету, они отвечали серьезно, искренне.

Наше училище готовит медицинских работников в основном для села, и поступают к нам главным образом сельские ребята. Как я выяснила, почти у половины опрошенных в домах есть иконы, в семье отмечаются религиозные праздники. 5 процентов по семейной традиции носили крестики, 5 процентов принимали участие в обряде крещения как крестные."

"Мы постарались выяснить, откуда и когда получили наши учащиеся религиозную информацию".

"Дети особенно поддаются влиянию именно матери, бабушки. Воспринятые религиозные обряды и идеи связываются у них с личностью внушающего, например, вера в Бога — с матерью. И в последствии критику религии они подсознательно воспринимают как оскорбление, нанесенное матери".

”Чтобы получить профессию и обойти конфликт с коммунистическим, научным мировоззрением, им приходится двуличничать. Двоедушие становится их отличительной чертой. Обычно они хорошо, даже отлично, учатся, но знание не переходит в убеждение: восприняв факты, они отмечают мировоззренческие выводы”.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Абаькин В.	83	Баркова А.	136	Верхоляк Д.	91,92
Абденанова А.	52	Барковский	92	Вильсон Г.	76
Абдираманов У.	52	Баронас М.	71	Винаров Я.	109
Аблаев Р.	38	Басараб Д.	91	Витурис	10
Авторханов А.	54, 57, 65, 69	Белохов В.	17, 24	Водопьянов	126
Азаматов	55,56,62, 63, 64, 68	Берия Л.	77	Войханская М.	70
Азбель М.	105-110	Бернштам М.	119, 122, 126-127	Вольпин А.	11,14,24
Айрапетов	87	Блок А.	136	Вудка Ю.	80,82,85, 86, 92
Айрикан П.	88-90	Богданов	10	Габай И.	28, 51
Аксельрод И.	139, 140	Боголюбов Г.	125, 126	Гаджиева Н.	114
Алейников	6	Бойцова Л.	73	Галансков Ю.	113, 117, 141
Алексеев	61	Болонкин А.	17, 20,24,87-88	Гаспринский	35
Алексеев-Попов В.	55-57, 62,66,67	Болонкина М.	20	Гафаров Б.	37,38
Алексеева Л.	119	Болысов	122-123	Гейнисман Ю.	135
Альбрехт В.	8, 128	Боннэр Е.	8,31,40, 41,42,53,119,122	Геламбаускене Э.	98-99
Альтман А.	91	Борисов Вл.	127	Гель И.	79
Амальрик А.	54	Боровой Я.	133	Генри Э.	126
Аметов И.	32,37,40	Бородулина М.	116, 117	Гилис	100
Аметов Э.	101-103	Брежнев Л.	27, 87, 97, 138, 140	Гимпу	93
Андропов Ю.	73,96	Брюсов В.	136	Гиндин С.	117
Аносов Ю.	29-31	Бузырова Н.	137	Гинзбург А.	113, 117, 119,122,141
Анохин	103	Буковская Н.И.	83, 137	Гладилин А.	135
Антонюк З.	6	Буковский В.	6, 44, 83, 137	Глузман С.	6,7,12, 16, 91
Апресян Ю.	115	Булатова Л.	115	Горбаневская Н.	70
Архангельская В.	128	Булгаков М.	57	Горбатов В.	71,72
Архангельский В.	8, 10, 128	Бурачас В.	100	Гордеев Р.	127-128
Арцимович С.	54, 60,61,68-70	Бутман Г.	91	Горохова	123
Аршакян	90	Бутузов	56	Горынь	79
Асельбаум	91	Вальдман И.	85	Граур В.	88,93,94
Асратян	135	Великанова Т.	9	Гревская В.	127
Балахонов В.	6, 83	Венцов Л.	54,62, 66, 67, 69	Григоренко П.	35, 42,44,45,51,119
Балтинас	95			Григорьев	141
Банников Ю.	125			Гридасов	126
				Грицюс	10

Гродецкий Ю.	82	Ельницкий Л.	117	Каус Р.	99
Громыко А.	76	Ермаков	134	Келлер	10
Гроссман В.	56,128	Есыкова Н.	115	Кибицкайте Б.	98
Грудман М.	125			Киблицкий И.	136
Гуревич А.	117	Жарких Ю.	136	Кивило	91
Гусев В.С.	16	Жигарев В.	125	Кийрснд М.	91
Гусельникова	35	Жилин	92	Кимбрис П.	99
Гухман М.	112, 113	Житникова Т.	11,15	Кириленко А.	90
		Жолковский А.	117	Кириченко Н.	101
Давидович М.	77			Кирсанова	10
Давидович Е.	74-77	Завьялкин	79-81, 84	Киселев	84, 85
Давыдов Г.	6, 80, 86-88, 132	Загробян	91	Киселев	126
Дагджи А.	52	Закс Ю.	20-21	Ковалев С.	7,44,71, 73,74,92,95,96, 97,111,133,142
Данилюк И.	146	Захаров В.	126,127	Козовой В.	10
Даниэль Ю.	113	Захарченко	91	Колесникова А.	147
Дворецкий И.	138, 139	Зверев М.	130-131	Колобов	31
Дворник	19	Здорнов Ю.	126	Колшанский Г.	116
Дворянский В.	31, 32-35,38,39,41-46, 49-51	Здоровец Б.	94	Кондратов М.	93
Демидов	101	Здоровый А.	84-86	Константиновский В.	93
Демидов Д.	91	Земцов	126	Копелев Л.	44
Дешериев Ю.	114	Зенабаддинов	103	Корнеев И.	8
Джамбурия М.	16	Иванов А.	77, 105-110	Коротких В.	125
Джемилев М.	5,7,8, 9, 28-53,70,121,137	Ивачкин А.	123,124	Корчак А.	119
Джемилев Р.	38	Игнотас М.	95	Косыгин А.	99
Джемилева З.	38	Игрунов В.В.	5-7,8, 54-70, 143	Кошаровский Ю.	105-110
Джемилевы А. и А.	31	Игрунов В.Н.	58	Кравец Н.	104
Диксон Б.	11, 15	Илларионов Н.	19	Кравцов	125
Добрачев Ю.	71,72	Илюс	98	Кравцова	55
Довженко	61	Исакова В.	137	Кривов	89
Дольников	82,85	Истомин	73	Кривonos П.	138, 139
Досон М.	133	Кабанова	56	Кропивницкая В.	136
Дубовов Г.	88	Калакаукас	97	Кропивницкий А.	136
Дуденас М.	16,95	Калинец	78	Крутова	104
Дьяков	123	Калуцкий	31, 38	Крымал Э.	52
Дяк В.	94	Калынец И.	91	Крысин Л.	115
Дяк М.	94	Кальненко	10	Крючков	91
		Капканов Н.	86,87	Кудирка С.	92
Евдокимов Б.	143	Кардашев Н.	147	Кудрин В.	133-134
Ежов	77	Карплюк Н.	125	Кузнецов	71
Елисеев Ю.	111-114	Касаткин Л.	115		
		Касьян	61		

Кузнецов	10	Маресин Валерий	Невара И.	17
Кукобака М.	132	5,9,70-74,131	Некипелов В.	125
Кулакова	58, 65	Маресин Виктор	Пскрич А.	43
Куперман Г.	109	131	Николаев Г.	103
Курников	10	Марков	Никсон Р.	140
Курса О.	55,57,67	Маркосян Р.	Нимирина	56,
Кутергин	124	Маркс К.	66	
		Марченко А.	Нудель И.	75,76,93
Ладыженский Л.	16	132		
Лазарис В.	105-110	Марченко В.	Обидин В.	75,77,
Ланда М.	23,70,119	Марше Ж.	105-110	
Ларин А.	82, 84	Ма-Хун	Образцов	82
Лашкова В.	23	Машков	Овсицер Л.	75-77
Левин М.	21	Медведев Р.	Овчинников В.	136
Ленин В.	34, 59	Мельчук И.	Огурцов И.	78,91
Леон М.	133	-115, 117	Окунов А.	124-125
Лернер А.	75-77	Менделевич И.	Онищенко	93
Либедицкая И.	117	Мечник	Опанасенко	12, 16
Лидов	123	Мешенер И.	Орлов Ю.	23,119-
Липавский С.	75,	Мешко О.	-122	
	76	137	Осадчий М.	79
Лисовая В.	137-138	Мешкова	Осипов В.	90
Лисовой В.	88,138	Милюс	Ошеревич П.	55
Литвинов П.	21	Миролюбов		
Лихачев В.	123	54, 56,	Павловский Г.	60-
Лобода В.	53	57,65,68-70	-64, 66,67,69	
Лукьяненко Л.	85,	Мислободский	Пальме У.	130
	86	135	Парамонов Г.	132
Луначарский	136	Митюкова Н.	Пасюта	103
Лунц Д.	55, 132	Михайлов	Паташюс Р.	99
Лупинос А.	143	Михайлов К.	Паулайтис	90
Лутак И.	101	Мороз В.	Паулаускас Й.	16
Лысенко В.	83	54,63,66,	Пашнин	80,83,86
Любарская	10, 141,	67,69,78-79,	Петров В.	132
	142	84, 86, 137	Печерникова	55
Любарский К.	6,	Мороз Р.	Пидгородецкий	91
	80,83,87,88	Мотрюк	Пименов	91
Лямина В.	55,56,	Муединов М.	Пименов Р.	10
	63, 68	Музафаров А.	Плахотнюк Н.	142,
		Музафаров Р.	143	
		Муравьев	Плющ Л.	7,11,12,
		Мустафаева М.	18,19,21,70,78,	
		43	140-145	
Мазуров К.	87	Мясников В.	Побережнюк	103
Майер	55	126	Подачин	135
Макаренко М.	80,	Назаров	Подрабинек А.	23
	83	Наппер		
Малкин А.	109	Нарица М.		
Мамчур	91	7,132,		
		133		

Пожарицкая Г.	115	Санников В.	115	Сусленский Я.	83,
Полянская А.	59,	Сафронов А.	82-84		86
	70	Сахаров А.	8,12,13,	Сухарев	16, 95,
Попадюк З.	88		15,21,22,23,29,		139, 140
Поплавская Я.	100		31,35,40,42,44,	Сухачева Л.	86
Попов А.	17		51-54,70,95,97,	Сычугов И.	87
Попов В.	78		102,111,114,120,	Сыщиков	15
Попов П.	101		123,133,147		
Праздникова	10,	Светличный И.	12,	Тальце	55
	24-25		16, 79, 91	Тамонис М.	94
Прапестис И.	95	Седых	55	Твардовский А.	136
Приходько	85	Сеитвели М.	104	Твердохлебов А.	5,
Пришляк Е.	91	Сеитвелиев С.	52		7,8-28,30,70,95,128
Пронюк Е.	12,16,91	Сейдалиева Г.	38	Твердохлебов В.	10
Прусс Ф.	18-19	Сейтмуратова А.	38	Твердохлебова С.	15-16
Пяткус В.	94,95	Сергеев	38		71
		Сергеева Т.	19	Терешина	95-97
Рабин О.	136	Сергиенко А.	6,83,	Терлецкас А.	95-97
Рабинович М.	107		85, 122	Тохлу С.	104
Радченко	42	Сидоров	102	Тронь	126
Раскольников Ф.	126	Сильницкий А.	109	Туменас	97
		Синявский А.	113	Турчин В.	8, 15, 22,
Рафальский В.	143	Сиротенко Е.	89		23, 120
Регельсон Л.	138	Слепак В.	105-110		
Резак В.	56-58, 63,	Смирнов В.	130	Уваров А.	130
	65, 67, 69	Смолкин В.	95	Угодин	81
Резников А.	129,	Сморгунова Е.	115	Умуш У.	104
	130	Соколов	34, 38	Урысон Е.	117
Решитов А.	52	Солдатов С.	89	Усатюк	93
Рогов В.	78, 79,	Солженицын А.И.			
	84, 86		11-14,35,54,56,	Файн В.	77
Рогозов	91		57,62,65,67,70,	Файнберг В.	70
Роде Г.	82, 85		71,72,73,123	Федин К.	136
Розенцвейг В.	116,	Соловьев	126	Федоренко В.	84,85
	117	Сонин К.	131	Федоров Ю.	137
Рубан В.	143	Сорока	91, 92	Федотов	34
Рубин В.	75-77,	Сталин И.	44,126	Фельдман А.	6, 92,
	105-110, 140	Старобинец С.	139		93
Рудаков И.	10	Сташаускас П.	100	Филин Ф.	115
Руденко Р.	82	Степонавичюс	97		
Рустейка	99	Строгов	129	Хаирова В.	31
Рухин Е.	136	Стус В.	89, 90	Хайдаков С.	114
Рыков А.	58,59	Суперфин Г.	12,	Халич А.	103
			15,21,44,80,	Ханпира Э.	116
Садикова	56,65		81,83,87	Харитонов В.	55,
Садунайте Н.	98	Сурков А.	134-135		63, 66
Салова Г.	137	Суров	30,42	Хейфец М.	88, 90

Ходорович С.	23, 124	Чикина В.	71, 72	Щаранский А.	105-110, 119
Ходорович Т.	5-8, 70, 116, 135, 144-145	Чолбаши Х.	101	Шербицкий В.	101, 139
Храмов Ю.	91	Чуковская Л.	47-51		
Хрущев Н.С.	55	Шабатура С.	91	Эльская Н.	136
		Шалтоян	93	Энгельс Ф.	34, 59, 144
Цветасева М.	62	Шамиль-заде Э.	38	Эренбург И.	126
Цейтлина И.	117	Шатравские	143		
		Шахвердян Б.	91, 92	Юдович Л.	10, 15, 25-26
Чакалова Ш.	104	Швейский В.	29-31, 39	Юнусова Р.	102-103
Чалидзе В.	8, 11, 14, 24	Швейцер А.	71, 72	Юрвичюс М.	95, 98
Чамовских В.	132	Шевчук А.	128		
Чекалин А.	82	Шкловский И.	147	Якунин Г.	138
Чемоданов Н.	114	Шкорбут Н.	58, 65, 70	Янкаускас А.	71
Черновол В.	90	Шкурин	104	Ярцева В.	111, 113, 115
Черноглаз Д.	86	Шовковый	91	Яценко В.	143
Чернышева	55	Штерн М.	93		
Черняускас	97	Шустер А.	21		

К Н И Г И

- Андрей Сахаров. "О стране и мире" и другие произведения.
Сборник. 1976 г. Цена — 6.00.
- А. Марченко. "От Тарусы до Чуны", 1976 г., цена — 5.00.
- Л. Чуковская "Открытое слово", 1976 г., цена — 5.00.
- "Литературные дела КГБ (Сборник документов по делам Суперфина, Эткинда, Хейфеца, Марамзина), 1976 г., цена — 6.00.
- Сборник конвенций по правам человека, ратифицированных Советским Союзом, цена — 6.00.
- "Андрей Твердохлебов — в защиту прав человека", сборник, составитель В. Чалидзе, 1975 г., цена — 6.00.

Б Р О Ш Ю Р Ы

- О религиозных объединениях — постановление 1929 г. с изменениями 1975 г., цена — 1.00.
- Н. Буковская "Письма матери", цена — 1.50.
- "День политзаключенного — 1975 г." (сборник материалов), цена — 1.50.
- "Судебный процесс по делу Эстонского демократического движения" (Таллин, октябрь 1975 г., подсудимые — Солдатов, Мяттик, Кийреид, Юскевич, Варато), цена — 1.00.
- "Мальва Ланда — в защиту прав человека" (сборник выступлений М. Ланда), 1976 г., цена — 4.00.
- "Дело Ковалева" — запись суда над С. Ковалевым и выступления в его защиту, 1976 г., цена — 4.00.
- "О пытках в Грузии" — документы из грузинского самиздата о пытках заключенных в тюрьмах Грузии, 1976 г., цена — 3.00.
- "Vladimir Bukovsky Soviet Dissenter", 1976 г., цена — 1.00.

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ "ХРОНИКА"

- "Хроника текущих событий", выпуски 28-31, 72-74 г., цена—5.00
"Хроника текущих событий", вып. 32, 1974 г., цена — 4.00.
"Хроника текущих событий", вып. 33, 1974 г., цена — 3.00.
"Хроника текущих событий", вып. 34, 1974 г., цена — 3.50.
"Хроника текущих событий", вып. 35, 1975 г., цена — 3.50.
"Хроника текущих событий", вып. 36, 1975 г., цена — 4.00.
"Хроника текущих событий", вып. 37, 1975 г., цена — 4.50.
"Хроника текущих событий", вып. 38, 1975 г., цена — 4.50.
"Хроника текущих событий", вып. 40, 1976 г., цена — 5.00.
"Архив Хроники", вып. 1, 1974 г., цена — 5.00.

"ХРОНИКА ЗАЩИТЫ ПРАВ В СССР"

Условия подписки (6 выпусков в год)

Обычная	15. 00
Льготная для студентов и эмигрантов в Израиле	10.00
Для организаций и библиотек	20.00
Авиапочтой дополнительно	5.00

\$ 5.00